

ЧУЖОМ ЗАКОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СПИСАН В УТИЛЬ

Антон Жир

Чужой закон. Списан в утиль

«Автор»

2026

Жир А.

Чужой закон. Списан в утиль / А. Жир — «Автор», 2026

Шумный круиз достался Владимиру случайно. Дома остались жена, дети, родители и хозяйство, к которому он привык куда больше, чем к барам и бассейнам огромного лайнера. А потом море повело себя неправильно. Катастрофа выбрасывает Владимира на неизвестный остров. Сначала всё просто: вода, еда, укрытие. Одним словом — выживание. Но остров оказывается не так прост, как показалось на первый взгляд. Странные места. Невозможные способности. Чудовище. И люди, которым приходится доверять, почти ничего о них не зная. Владимир умеет разбираться в системах. Но сможет ли он разобраться в системе, которая подчиняется непонятным ему законам? Чужим законам.

© Жир А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Глава 1. Спокойное море	8
Глава 2. Нарушение равновесия	11
Глава 3. Отмели	23
Глава 4. Берег	35
Глава 5. Кажется, живём	45
Глава 6. Первые люди	55
Глава 7. Неправильный лес	69
Глава 8. Ручей и четвёртый	82
Глава 9. Первая вода	87
Глава 10. Холодная ночь	101
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Антон Жир

Чужой закон. Списан в утиль

Аннотация

Шумный круиз достался Владимиру случайно. Дома остались жена, дети, родители и хозяйство, к которому он привык куда больше, чем к барам и бассейнам огромного лайнера.

А потом море повело себя неправильно.

Катастрофа выбрасывает Владимира на неизвестный остров. Сначала всё просто: вода, еда, укрытие. Одним словом — выживание. Но остров оказывается не так прост, как показалось на первый взгляд.

Странные места. Невозможные способности. Чудовище. И люди, которым приходится доверять, почти ничего о них не зная.

Владимир умеет разбираться в системах. Но сможет ли он разобраться в системе, которая подчиняется непонятным ему законам?

Чужим законам.

Пролог

Неизвестно кто, неизвестно где, и неизвестно когда.

Я стоял в крошечной тьме — вне пространства, вне времени, хотя даже этого не мог определить наверняка. «Стоял», «тьма», «пространство» — всё это были привычные слова для чего-то, чему я не знал названия.

Передо мной был Порог. Порог смерти? Нет. Порог небытия? Тоже не то. Ближе всего подходило название «Граница Отсутствия». Отсутствия именно с большой буквы, хотя я не знал почему. Поначалу казалось, что за той чертой не должно остаться ничего. Даже самого «ничего».

Я не видел границы. Не было ни черты, ни стены, ни изменения в темноте — ни единого признака, что следующий шаг хоть чем-то отличается от предыдущего. И всё же я точно знал, что она там, всего в одном шаге.

Единственный свет шёл снизу. Из-под моих ног во все стороны текли бронзовые символы — строки, знаки, возможно, слова на языке, которого я не знал. Они возникали один за другим и уходили во тьму, исчезая где-то за пределами видимости. Я называл их символами только потому, что в собственном опыте не находил ничего более подходящего.

Хотя «видимостью» это тоже было трудно назвать. Я их видел и одновременно не видел, ощущал, но не телом. Каким-то образом воспринимал их форму, движение, направление и ещё что-то, чему не мог подобрать названия. Словно у меня появился новый орган чувств, которым я никогда прежде не пользовался и потому даже не понимал, что именно он мне сообщает. Наверное, и это сравнение было неправильным, но в одном я не сомневался — символы исходили из меня.

Пришла нелепая мысль, будто я стою на огромной бесконечной газете, которая сама печатается у меня под ногами. Сравнение было глупым, почти смешным, но ничего лучше я придумать не мог.

И ещё я знал, что эти символы — я сам. Не просто рассказ обо мне. В них было моё тело, моя память, всё, что со мной случилось. Возможно, вообще всё моё существование — от первого удара сердца ещё в утробе матери до последнего мгновения жизни. Я не мог прочитать ни одного знака и даже не был уверен, что слово «прочитать» здесь вообще имело смысл, но почему-то знал, что в них заключено.

И знал ещё кое-что. Где-то там, куда уходили бронзовые строки, меня уже искали ОНИ.

«Где-то» было таким же условным словом, как всё остальное. Я не видел ИХ, не слышал, не ощущал так, как можно почувствовать человека за спиной или зверя в зарослях. Не мог определить, далеко ОНИ или близко. Да и существовало ли здесь вообще «далеко»? Охотники? Хищники? Наверное, нет. Просто ближайшие знакомые слова.

Я понимал только, что ОНИ уже заметили этот поток и теперь двигались по нему ко мне — если то, что ОНИ делали, вообще можно было назвать движением.

Спрятаться было невозможно. Сменить место, одежду, имя, лицо, веру, убеждения — всё это здесь не имело никакого значения. Бронзовые символы не рассказывали о том, кем я себя считал или каким меня видели другие. В них было что-то глубже. Основа? Код? Душа? Каждое слово казалось подходящим ровно до тех пор, пока я не пытался вдуматься в него.

Символы продолжали течь из-под ног, унося во тьму это что-то — меня самого. Там, за пределами того, что я мог воспринимать, ОНИ получали этот поток. Мне было не скрыться.

Можно было остаться здесь и ждать. Постепенно я понял, что любое другое действие в этом месте ничем не отличалось от ожидания. Я мог идти, хотя не знал, существовало ли здесь направление. Мог пытаться спрятаться, хотя прятаться было негде. Мог делать что угодно,

но, пока из меня текли символы, ничего не менялось. ОНИ доберутся до меня. Что случится потом, я не знал и почему-то именно этого боялся сильнее смерти.

Тогда я снова вспомнил о Пороге. За ним тоже ждала смерть, но другая — понятная, обычная, человеческая. Там были пространство и время или хотя бы то, что я привык считать пространством и временем. Там можно было захлебнуться, сорваться с высоты, истечь кровью, сломать шею, попасть в пасть твари. Каждый миллиметр того мира мог убить меня, но я хотя бы понимал как. Такую смерть я мог себе представить, и от этого почему-то стало легче.

Я шагнул.

Но по ту сторону Порога не оказался. Бронзовые символы по-прежнему текли из-под ног. Те же знаки, та же структура, тот же слабый свет.

А потом что-то изменилось. Я почувствовал это, хотя «почувствовал» опять было неправильным словом. От меня во все стороны начало что-то расходиться. Волны? Возможно. Только они не были похожи ни на волны воды, ни на звук, ни на свет. Сила? Нет. Энергия? Пожалуй, это слово подходило чуть лучше.

Что бы это ни было, оно проходило через бронзовый поток и что-то в нём меняло. Совсем немного. Внешне символы оставались прежними — те же знаки, те же линии, та же структура, — но я знал, что они уже другие. На какую величину? Тысячную долю? Миллионную? Миллиардную? Числа здесь ничего не значили. Я понимал только, что изменение было ничтожным.

Но там, где были ОНИ, что-то произошло. ИМ стало труднее. Найти меня? Не совсем. Поймать? Тоже не то. Отделить меня от чего-то другого? Я пытался ухватить смысл, который уже каким-то образом понимал, но не мог перевести его в слова. И вдруг нашёл.

Прочитать.

Я замер. Из всех слов, которыми я пытался описать происходящее, это впервые легло точно на место. ОНИ читали меня, а теперь ИМ стало труднее.

Совсем немного. Этого изменения не хватало, чтобы остановить ИХ, и настоящей надежды оно мне не давало. Бронзовые строки всё так же текли из-под ног и исчезали во тьме, но теперь в них было что-то другое. Ошибка? Помеха? Искажение? Неважно.

Покая я не почувствовал. Но теперь я знал: шаг что-то меняет.

Глава 1. Спокойное море

До крушения • Владимир

Очередной день отпуска заканчивается, а я, если честно, уже подустал от всего этого шума, гама и толчеи. Хочется немного спокойствия и привычной деревенской жизни.

На таком огромном лайнере остаться одному, чтобы никто не лез с разговорами и не мешал думать, можно разве что в каюте. Но просидеть там весь круиз — тоже удовольствие сомнительное. Я пробовал ходить в тренажёрный зал, на массаж, бродил по магазинам, но везде одно и то же: люди, музыка, разговоры, кто-нибудь обязательно оказывается рядом.

Единственное место, где получается хоть немного от всего этого отключиться, — открытая палуба. Здесь тоже не тихо, но можно встать подальше от баров, облокотиться на поручень и смотреть, как эта махина режет воду, оставляя за кормой длинный белый след.

Всё-таки хорошо дома, в станице. Жена, дети, родители рядом. Хозяйство, собаки, скотина — всё своё, знакомое. Животные опять же. Иногда мне кажется, что их я вообще люблю больше, чем людей.

Да, в деревне порой бывает тяжело. Работы много, забот хватает, а некоторые дела никак не отменишь. Не уйдёшь на больничный, если заболел, и дела на следующую неделю не перенесёшь. Даже наёмным рабочим не всё доверишь. Как говорится, хочешь сделать хорошо — сделай сам.

Но всё равно, если сравнивать с городом, особенно с Москвой, где прошло моё студенчество и ещё несколько лет сверху, в станицу меня тянет куда сильнее.

Сейчас, стоя на палубе огромного лайнера, я уже начинаю думать, что, может, и не стоило вообще ехать в этот отпуск. Дома-то хорошо.

Хотя от бесплатной путёвки отказаться оказалось сложнее, чем я думал. Та самая халява, у которой и укус сладкий. Сначала я вообще хотел отдать путёвку жене, но не вышло: аккаунт на маркетплейсе, где я её выиграл, был привязан к моему паспорту и банковской карте.

Нельзя сказать, что удача меня всю жизнь обходила стороной, но и её любимчиком я себя никогда не считал. Многие знакомые наверняка скажут, что мне везёт. Только со стороны не видно, сколько за этим везением обычно стоит работы — и руками, и головой.

Большинство моих «удач», если разобраться, оказывались вполне закономерным результатом. Где-то больше поработал, где-то раньше других подсуетился, где-то не поленилсяшний раз проверить или переделать.

А вот с маркетплейсом всё было по-честному. Просто повезло.

Заказывал плёнку для теплиц, а получил путёвку в рай. Круиз почти на месяц из Питера на Кубу — многие, конечно, позавидуют.

От мыслей меня отвлёк крик какого-то мужика возле бассейна.

— Да вы, мля, вообще отдыхать не умеете! Я сейчас тут всех научу, как делать красиво!

Я обернулся на крик и увидел мужика, который танцевал возле бассейна в одном резиновом тапке. За проведённые здесь дни картина уже привычная. Каждый вечер кто-нибудь напивался до такой степени, что начинал буянить, и хорошо ещё, если до драки не доходило. Правда, обычно до такой кондиции народ добирался куда позже, ближе к ночи.

Вчера, когда я сидел у бара с соседом из каюты напротив, отличался какой-то жирный англичанин. Или американец — чёрт их разберёшь, ху из ху. Сегодня вот мой соотечественник решил устроить «ТАГИЛ».

Только я об этом подумал, как он поскользнулся возле самого бортика и грохнулся на плитку. Бокал вылетел из руки, разбился, а остатки выпивки разлетелись вместе с осколками.

Мужик выматерился, кое-как поднялся и только тогда заметил кровь. Ладонь, похоже, распорол прилично, но его это не особенно смутило. Зажав руку другой рукой, он снова повысил голос:

— Нормально я! Нормально, ё-моё!

К месту падения сразу подтянулся персонал. Мужика отвели в сторону, стекло собрали, кровь замыли. Но делали всё это как-то чересчур буднично, я бы даже сказал формально. Вроде и убрали, и чисто, но если потом подойти и присмотреться, наверняка найдётся где-нибудь тонкий развод от крови или малюсенький осколок, забившийся в щель между плитками.

В этот момент погасла яркая радужная подсветка бассейна. Музыка на мгновение оборвалась, а ровный ход корабля едва заметно сбился. Я машинально ухватился за поручень, но почти сразу всё восстановилось: снова загорелись лампы, заиграла музыка, под ногами привычно загудел корпус.

Такие мелкие сбои на этом лайнере случались и раньше, так что ничего особенного вроде бы не произошло. С виду он вообще казался почти новым — красивым, блестящим, нарядным. Но за несколько недель я уже успел заметить следы износа.

Вон взять хотя бы поручень, за который я сейчас держался. Если приглядеться, на блестящем металле видны мелкие царапины от каких-то твёрдых предметов и длинная потёртость сбоку. Похоже, здесь когда-то закрепляли канат, и он долго тёрся о металл.

Я отпустил поручень и снова развернулся к морю. На душе почему-то стало беспокойно. То ли воспоминания о доме нагнали грусти, то ли сцена с пьяным выбила из колеи, но теперь не оставляло чувство, что что-то не так. Что-то поменялось.

— О, Вован, здарова! Чё как оно?

Я обернулся на знакомый голос. Меня окликнул тот самый сосед, с которым мы вчера пили пиво.

— Здорово.

Вася протянул руку, я пожал её и снова обратил внимание на его наколки. В татуировках я разбирался примерно никак, но перстни на пальцах выглядели специфически. Вроде такие колют в местах не столь отдалённых, хотя утверждать не возьмусь.

За что и сидел ли Вася вообще, я не спрашивал. Если захочет — сам расскажет. А так мужик вроде нормальный, хоть и не в меру болтливый.

— Слушай, вчера нормально посидели. Давай сегодня повторим. Говорят, вчера во время остановки новое пиво подвезли, мужики хвалили. Особенно тёмное.

— Не, сегодня чего-то не хочется. Посплю, пожалуй.

— О, а чего так? В отпуске отдыхать надо. И отдыхать от всей души.

— Как этот, что ли? — Я указал на мужика, которому уже бинтовали руку.

Вася посмотрел в его сторону и хмыкнул.

— Ну, иногда можно и как этот. Только нечасто. А вот расслабиться вечером под бокал пива — самое то. Да и футбол в спортбаре будет.

— Всё хорошо в меру. Сегодня обойдусь без пива, да и футбол я, если честно, не люблю.

Вася посмотрел на меня внимательнее.

— Чё-то ты сегодня смурной какой-то. Случилось чего?

— Да нет. Просто настроения нет.

— Ну, настроение — дело поправимое. Тем более я лекарство знаю. Светлое такое, нефiltroванное.

Вместо ответа я неожиданно даже для себя спросил:

— Вась, а ты сейчас ничего не заметил?

— Чего? — Он непонимающе уставился на меня.

— Ну вот... не знаю. Сбой какой-то сейчас был. Свет погас, музыка прервалась, корабль как-то... — я замаялся, не сумев подобрать подходящее слово.

Но Вася, похоже, и так понял, о чём я.

— Да не обращай внимания. Посудина-то старая, народу — целая деревня. Вот она и крикнула от натуги. Я вон позавчера в лифте застрял, целых полчаса просидел. А вчера вообще, говорят, пожар на кухне был.

— Прямо пожар?

— Ну не прям пожар. Что-то задымилось.

— Да это, наверное, поварята что-нибудь сожгли, а людям лишь бы языками почесать.

— Может, ты и прав. Ладно, точно не хочешь по пиву?

— Извини, в другой раз.

— Ну, хозяин барин. Если передумаешь, я в спортбаре.

Вася ушёл, а я ещё какое-то время стоял у борта и смотрел на волны и заходящее солнце, пытаюсь понять, что же всё-таки меня гложет.

Так и не придя ни к какому выводу, я плюнул на всё это и пошёл в каюту. Время было ещё детское, но в этих широтах темнело рано. Делать мне всё равно ничего не хотелось, и я решил лечь пораньше.

По дороге к каюте я невольно прислушивался к работе корабля, и мне всё казалось, что что-то не так. То на секунду менялся шум вентиляции, то где-нибудь слегка тускнел свет, то под ногами чувствовалась едва заметная дрожь.

Всё это были мелочи, и за несколько недель на лайнере я замечал подобное не раз. Но почему-то именно сегодня они не давали мне покоя.

Глава 2. Нарушение равновесия

Ночь крушения • Владимир

Сон пришёл не сразу. Я долго ворочался, обрывки мыслей и приглушённые голоса в коридоре отвлекали и не давали уснуть. Но постепенно звуки отдалились, мысли начали путаться, и я, кажется, всё-таки уснул.

Я стоял в сумраке.

Впереди мерцали точки света — сначала редкие, потом их становилось всё больше. Постепенно они сложились в знакомую схему. Орбиты. Что-то похожее я не раз видел в кино, журналах и всяких научно-популярных передачах.

Только сейчас я смотрел на схему и одновременно ощущал её слабые места, нагрузку и устойчивость. Без цифр, без расчётов и, что самое странное, совершенно без усилий.

Всё находилось в равновесии. Каждая точка двигалась там, где должна, линии пересекались в нужных местах, и вся система работала как единое целое.

А потом одна линия сместилась.

Совсем немного, но этого хватило. Узлы начали расходиться, равновесие нарушилось, и схема постепенно пошла вразнос. Снаружи она ещё сохраняла прежнюю форму, однако движение внутри уже шло с ошибкой, которая раз за разом становилась всё заметнее.

Я попытался понять, где всё началось, найти первую причину сбоя, но ничего не получилось.

Тем временем система продолжала меняться. Ошибка не разрушала её, а словно выстраивала другой порядок. Это уже даже не походило на ошибку. Скорее на какую-то фишку в компьютерной программе, где достаточно изменить один символ, чтобы всё начало работать совсем иначе.

Вдруг опора под ногами провалилась. На короткий миг я завис в пустоте, а потом меня резко, почти насильно, выдернуло из сна.

Я открыл глаза. Каюта была тёмной. Сердце выскакивало из груди и колотилось так, словно я не спал, а только что бежал. Перед глазами ещё держались светящиеся линии, и несколько секунд я вообще не понимал, где нахожусь.

Потом снизу донёсся удар. Глухой, тяжёлый. Показалось, что где-то в недрах лайнера сдвинулось что-то крупное. Свет у стены несколько раз мигнул и погас.

В темноте каюта будто стала меньше: стены и мебель пропали из виду, и расстояние до них можно было только угадать.

Я лежал и прислушивался. Привычный ритм работы корабля изменился. Под ровным гулом появилась более низкая дрожь, которая проходила через пол короткими толчками, причём каждый раз немного по-разному.

Та тяжесть, с которой я лёг спать, вернулась сразу — теперь вместе с низкой дрожью под полом.

Лайнер качнуло. Движение пришло сбоку, сухо, без обычной мягкости волны. Я выставил руку и упёрся в стену.

В коридоре хлопнула дверь. Следом ещё одна.

Под потолком щёлкнуло, и с небольшой задержкой включился аварийный свет. Тусклая жёлтая полоса выхватила край кровати, кроссовки у двери, зеркало и кусок стены.

Я встал. Пол оставался почти ровным, но ноги сами расставились чуть шире.

За стеной слышался мужской, сонный голос. Слов я не разобрал.

Я подошёл к двери. Корабль дёрнуло снова, сильнее первого раза. Плечо ушло к стене, пришлось переставить ногу. Вот это уже было не похоже на те мелкие сбои, которые случались раньше.

Я взялся за ручку. По громкой связи щёлкнуло. Сначала пошло шипение, потом возник голос:

— Dear passengers... Please remain calm. There has been a... — связь на миг оборвалась, — ...minor technical malfunction. The situation is under control. Please remain in your cabins for now.

(Уважаемые пассажиры... Просим вас сохранять спокойствие. Произошёл... незначительный технический сбой. Ситуация под контролем. Пожалуйста, пока оставайтесь в своих каютах.)

Меня зацепили паузы между фразами, особенно перед финальным «for now».

Обычные объявления произносят без запинок — текст перед глазами, порядок действий давно известен. Здесь говоривший словно получал следующую фразу уже по ходу.

— I repeat. The situation is under control.

(Повторяю. Ситуация под контролем.)

Динамик зашипел и замолчал.

За дверью уже слышались шаги и голоса. В трубах журчала вода. Под ногами продолжал идти низкий гул, временами сбиваясь на короткую дрожь.

Я вышел. Коридор освещали аварийные лампы. Светящаяся зелёная линия у пола, ведущая к выходу, в жёлтом свете стала ярче и заметнее. Двери кают открывались одна за другой. Полуголый мужик у стены держал телефон над головой и пытался поймать сеть.

— Что за чёрт? — спросил он куда-то в коридор.

Растрёпанная женщина стояла в дверях своей каюты и то выглядывала в коридор, то оглядывалась назад, на спасательные жилеты. Рядом с ней сонно топтался карапуз с почему-то перебинтованной головой.

Народ заметно нервничал. Кто-то выглядывал из кают, кто-то пытался дозвониться, люди переговаривались и спрашивали друг у друга, что случилось, но ответов ни у кого не было.

Из своей каюты вышел Вася. Рубашка расстёгнута, волосы взъерошены, лицо помято после сна, на щеке отпечаталась складка от подушки. Но глаза, на удивление, совершенно трезвые.

— О, Вован. Тоже вылез?

Он прислушался.

— Похоже, всё-таки серьёзно?

Я кивнул.

Вася провёл ладонью по лицу.

— Я же говорил, старая посудина. Похоже, где-то что-то отвалилось.

Сказать это привычным тоном у него не получилось.

Корабль вдруг тяжело загудел — звук пришёл снизу, приглушённый толщей палуб и переборок. Почти сразу меня повело вправо. Мужчина с телефоном схватился за стену, женщина прижала ребёнка к себе, а я упёрся ладонью в перегородку. Лайнер поворачивал.

Обычно манёвр на таком корабле почти не замечаешь. Здесь же огромную массу металла разворачивало так быстро, что поперечную нагрузку я отчётливо чувствовал ногами.

— Эй... — сказал кто-то впереди. — Он что, поворачивает?

Крен увеличился ещё на несколько градусов, и люди начали выходить из кают. Кто-то держался за дверную ручку, кто-то шёл к лестнице, остальные просто смотрели друг на друга.

Вася тихо выругался.

— Вот это уже не «крякнула»...

Я смотрел вдоль коридора на аварийный свет, зелёную линию у пола и людей, которые быстро заполняли проход.

Он продолжал доворачивать, и именно плавность этого движения тревожила сильнее толчка. Корпус не дёргался между положениями — огромная машина уверенно ложилась на новый курс, только крен и тяжёлая боковая нагрузка не соответствовали обычному манёвру.

У лестницы становилось тесно.

— Пойдём наверх, — сказал я.

— Ты что, не слышал? Сказали же оставаться в каютах.

— Вот кто сказал, тот пусть и остаётся. Знаю я эти указания: «Оставайтесь на месте, не беспокойтесь, всё под контролем», а потом пятьсот человек не смогли эвакуироваться с тонущего судна.

— Что вы каркаете! — возмутилась пожилая женщина в розовой пижаме, стоявшая рядом.

Вася смотрел в сторону лестницы.

— Сейчас они друг друга передают.

Он был прав. Люди ещё не толкались, но уже собирались в узком месте. Несколько пассажиров окружили молодого стюарда. Тот что-то повторял по-английски, выставив ладони вперёд. Лицо у него было бледным, но улыбка всё ещё оставалась служебной.

Снова щёлкнула громкая связь.

— Dear passengers... Due to changing navigational conditions, we are making an adjustment to our route.

(Уважаемые пассажиры... В связи с изменением навигационной обстановки проводится корректировка маршрута.)

Кто-то коротко засмеялся.

В динамике повисло шипение.

— We kindly ask you not to leave your cabins unless absolutely necessary. The crew is in control of the situation. Further information will be provided later.

(Просим вас не покидать свои каюты без необходимости. Экипаж контролирует ситуацию. Дополнительная информация будет предоставлена позже.)

После отключения несколько секунд слышался только корабль, а потом со всех сторон сразу посыпались голоса:

— Какая корректировка?!

— Мы куда поворачиваем?

— Почему аварийный свет?

— Где капитан?

Стюард попытался перекричать людей, но его почти никто не слушал. Обстановка накалялась, вопросы летели один поверх другого, и ему уже просто не давали нормально ответить.

Вася хмыкнул:

— «Корректировка маршрута». Это они хорошо придумали.

У лестницы наверх пыталась протиснуться очень пышная дама с большой сумкой, а навстречу ей ломилась азиатская семья человек из шести.

— Ты куда? — спросил Вася.

— Туда. Наверх.

— Там сейчас не лучше.

— Зато просторнее. Здесь, если толпа дёрнется, мы кильке в банке позавидуем.

Он проследил за моим взглядом и поморщился.

— Думаешь, начнётся?

— Уже начинается.

— Ладно. Погнали.

Мы двинулись вдоль стены. Раскрытые двери кают мешали пройти и то и дело били по плечам. Стюард пятился под натиском людей, отвечая сразу нескольким и почти не глядя, куда идёт.

Мужчина в халате стоял поперёк прохода и громко матерился, не стесняясь окружающих, подгоняя жену, которая искала документы. Та бестолково металась из каюты в коридор и обратно.

Вот поэтому я и ненавижу скопления людей. В толпе бараны иной раз ведут себя куда разумнее.

Зелёная линия у пола то исчезала под ногами, то появлялась снова. Меня это, честно говоря, раздражало только сильнее: вроде должна показывать дорогу, а в такой толчее от неё было мало толку.

Из бокового прохода почти бегом вывалился работник в синей форме. Мы столкнулись плечами, и от удара меня развернуло. Я ухватился за стену.

— Эй! — крикнул Вася. — Глаза-то есть?

Он нырнул в какое-то техническое помещение. Вася кинул ему вслед тяжёлый взгляд и задумчиво пробормотал:

— Угу, под контролем у них тут всё. Верим.

Мы поднимались по лестнице наверх, стараясь не сильно толкаться. Впереди шёл Вася, расталкивая народ плечами, а когда пройти с первой попытки не получалось, помогал себе грубыми окриками. Понимали его не все, хотя наш этаж в основном был заселён русскоговорящими.

Когда мы поднялись наверх, у выхода на палубу я увидел женщину в униформе, похоже, какого-то старшего менеджера или управляющего. Она шагнула нам навстречу.

— Sir, you need to return to your cabin. Please. Now.

(Сэр, вам нужно вернуться в каюту. Пожалуйста. Сейчас.)

Вася прошёл мимо неё, даже не замедлившись. Я последовал его примеру.

На палубе я наконец вздохнул свободнее. Люди ещё не успели заполнить её полностью, но с каждой минутой поток становился всё плотнее. В основном все жались к бортам, многие включили камеры, пытаясь заснять происходящую суматоху.

То тут, то там раздавались выкрики:

— Why are we turning?

(Почему мы поворачиваем?)

— Мы что, причаливаем?

— Где берег?

— Это учения?

Паники ещё не было, но толпа уже подходила к той точке, после которой она могла начаться.

Палубу вело вправо. Крен был небольшим, но постоянным: ноги сами становились шире. Вася стоял рядом.

— Кренит?

— Немного.

Он сглотнул.

— Немного — это когда стол в кабаке шатается. А это...

Он не договорил. Я подошёл к борту.

Волны были невысокими, но рисунок воды не совпадал ни с ветром, ни с движением лайнера. Пена у борта уходила под углом, отдельные гребни пересекались, словно одновременно шли два разных течения.

Под ладонью дрожал поручень. Теперь вибрация не исчезала — слабая, частая, с более тяжёлыми толчками из корпуса.

Впереди, справа по ходу, вода ненадолго посветлела. По тёмной поверхности прошла широкая холодная полоса и погасла. Люди у борта тоже заметили — несколько телефонов поднялись одновременно.

Чуть дальше стояла молодая светловолосая девушка в чёрной майке. Она держала телефон обеими руками, но снимала не море — оглядывалась на дверь за спиной.

— Helen!

(Хелен!)

Никто не отозвался.

Справа вспыхнул резкий, почти белый свет.

На мгновение проявилось всё: мокрый борт, ломанные гребни волн, лица людей, капли на металле, мои пальцы на поручне.

Над головой не было ни молнии, ни облачного всполоха — свет пришёл снизу, из воды.

После него палуба на миг стихла, а потом вопросы посыпались сразу:

— Did you see that?

(Вы это видели?)

— What the fuck?

(Какого хрена?)

— Это молния?

— Где?

Вася широко расставил ноги.

— Хрена себе, это что за молния? Ты это видел?

— Да.

Пена вытягивалась тонкими полосами в одну сторону. Волны шли под разными углами и ломали друг друга, а возле одного тёмного участка поверхность заметно проседала.

Следом над водой прокатился низкий сухой треск, широкий, без привычного раската грома, и палуба под ногами задрожала сильнее. Люди отступили от борта, хотя несколько человек, наоборот, шагнули ближе.

Ветер тоже сбился. Один порыв бил справа, следующий — почти в лицо, третий тянул назад. Устойчивого направления я определить не мог, а лайнер продолжал набирать скорость.

Женщина у перил спросила:

— Мы ускоряемся?

След за кормой растянулся шире, но главное — уходил в сторону, не совпадая с положением корпуса. Нос был направлен в одну сторону, след за кормой уходил в другую, а боковая нагрузка всё сильнее давила справа налево.

— Чего его несёт-то? — тихо сказал Вася.

Лайнер шёл вперёд, но одновременно смещался вправо — туда, где только что вспыхнул свет.

По палубе прокатился пластиковый стакан и застрял под лежаком. Женщину рядом повело к перилам; мужчина поймал её за локоть.

Светловолосая девушка опустила телефон. Экран продолжал светиться у неё в руке.

Она снова позвала:

— Helen!

(Хелен!)

Теперь тише.

Вода вспыхнула второй раз, уже ближе.

На долю секунды свет прошёл под самой поверхностью. В нём стали видны белые гребни и тёмные участки глубины. Пена и мусор тянулись к одному месту.

Кто-то закричал:

— Again! Again!

(Снова! Снова!)

Телефоны полезли вверх. Вася выругался:

— Уберите телефоны, дурни! Вас сейчас вместе с ними смое!

Никто не слушал. На поверхности появились дуги: сначала отдельные полосы пены, потом целые участки воды начали заворачивать вправо.

Корпус под нами тяжело гудел. Нагрузка на ноги росла так, словно лайнер тащили боком.

— Это дрейф? — спросил кто-то рядом.

— Нет.

Вася услышал.

— А что?

Я ещё раз сопоставил направление корпуса, уходящий в сторону след и движение воды.

— Его сносит туда.

— А что его туда тянет?

— А хрен его знает, похоже на течение, но какое-то оно не такое.

С моря потянуло металлической горечью, похожей на воздух перед грозой, только небо над нами оставалось тёмным и глухим.

Всё происходило внизу.

— Владимир.

Я повернулся к Васе. Он смотрел за борт.

Пена уже складывалась в широкий круг. Чуть дальше вода вращалась медленно, почти без брызг. Центр казался темнее остального моря; вокруг него расходились дуги, и каждая новая проходила ближе к кораблю. Лайнер затягивало на край этого вращения.

Девушка неподалёку держала перед собой телефон, но, похоже, уже забыла, что снимала происходящее.

— Это водоворот? — спросила она.

По форме это действительно напоминало водоворот, только масштаб был невозможный.

Корабль накренился сильнее. Один лежак поехал по мокрому настилу, толкнул второй, и оба заскользили к борту.

Мальчишка лет десяти стоял возле выхода с планшетом в руках. Нога у него уехала, он сел прямо на палубу, а лежак уже шёл на него металлической рамой.

Я отпустил поручень раньше, чем успел подумать. Шагнул к мальчишке, схватил его за ворот футболки и рванул на себя.

Планшет ударился о палубу и поехал дальше. Рама лежака царапнула меня по голени и врезалась в ограждение.

— К стене! — рявкнул я.

Мальчишка, похоже, слов не понял, зато пополз куда показали. Вася перехватил его за плечо и подтолкнул к двери.

— Там сиди!

Другой лежак мужчина попытался остановить ногой и сам чуть не упал.

Из толпы донеслось:

— Away from the railings!

(Отойдите от ограждений!)

Голос экипажа утонул в ветре. Я снова схватился за поручень; руки дрожали после рывка.

У дверей уже теснились новые пассажиры из внутренних помещений. Светловолосая девушка оказалась почти возле них. Кто-то толкнул её плечом. Она удержалась за стойку и снова крикнула:

— Helen!

(Хелен!)

Теперь в голосе уже слышалась паника.

Вася посмотрел на забитый проход.

— Сейчас их сюда навалит.

Над головой хрипло включился динамик — без обычного обращения к пассажирам.

— Close off deck seven! Repeat, close off—

(Перекрыть седьмую палубу! Повторяю, перекрыть—)

Связь оборвалась. После этого ожидание закончилось.

Люди двинулись сразу во все стороны. Одни рванули к дверям, другие от них. Те, кто стоял у перил, пытались отойти, а вышедшие изнутри напирали вперёд, ещё не понимая, что происходит.

За считанные секунды свободного места почти не осталось.

Гул в корпусе резко поднялся по тону, потом провалился вниз.

Вода справа уже отчётливо вращалась, без высоких волн и пенных валов. Огромная масса океана просто уходила по дуге всё быстрее, и лайнер входил в этот круг.

Вася вцепился в поручень.

— Нас тащит.

Тёмный центр расширялся, а меня прижимало к поручню уже всем весом. Это было похоже не на обычное течение, которое бьёт в борт, а на слив гигантского резервуара: вода уходила сразу большим объёмом, и вместе с ней смещался корабль.

Окружающие почувствовали то же самое — голоса стали выше.

— What is that?

(Что это?)

— Что это вообще?

— Onko tämä normaalia?

(Это нормально?)

Лайнер снова прибавил скорость. Вибрация шла через подошвы в колени. Слева заскользили стаканы, сумка, ещё один лежак.

Сверху раздался металлический скрежет. Я поднял голову. Один из внешних динамиков раскачивался на креплении: болт ходил в гнезде, край металлической пластины возле него выгибался при каждом толчке.

— Вася, сверху!

Он вскинул голову. Динамик сорвался, ударился о перекладину, отскочил и полетел вниз, таща за собой кабель.

Я схватил ближайшую женщину за плечо и рванул назад.

Она вскрикнула. Динамик грохнул по палубе там, где только что стояла её нога, подпрыгнул и прокатился дальше.

Толпа шарахнулась. Кто-то упал, мужчина наступил кому-то на руку и сам чуть не полетел сверху. Человек в белой рубашке подхватил ребёнка на руки.

У самого края осталась невысокая женщина в светлом платье. Босая, с маленькой сумкой, прижатой к груди.

Крен дёрнул её к борту. Она ударилась бедром о поручень и успела схватиться, на миг повернувшись ко мне. Рот был открыт, на лице — полное неверие в то, что это происходит с ней. Пальцы поползли по мокрому металлу, один ноготь сломался.

Я двинулся в её сторону.

Не успел.

Ладони сорвались, и женщина ушла за край без крика. Снизу почти сразу пришёл глухой удар воды.

Я ещё несколько секунд видел пустое место на поручне, где были её руки. Три-четыре метра, может, меньше — и всё равно не успел.

Потом по-настоящему закричали остальные.

Люди бросились от борта к дверям, а навстречу продолжали выходить те, кто был внутри. Проход закупирило. Дверь билась на ветру. Молодого стюарда прижали плечом к стене.

— Back! Back!

(Назад! Назад!)

Его никто не слышал.

Я держался за поручень и смотрел, куда можно отойти, пока толпа не прижала нас к борту.

Тогда снова услышал:

— Helen! Helen!

(Хелен! Хелен!)

Это была та самая светловолосая девушка. За последние несколько минут я уже раз пять слышал это имя. Она всё время крутилась возле выхода, высматривала кого-то среди людей, вместо того чтобы искать место понадежнее. Поэтому в толпе я заметил её сразу.

Высокий мужчина протискивался к двери. Он толкнул девушку локтем, даже не обернувшись, и она упала на колени. Следом в неё врезался ещё кто-то. Девушка завалилась набок, попыталась подняться, но нога подвернулась. По тому месту, где она лежала, уже шли следующие.

Я увидел подошву мужского ботинка в полуметре от её руки.

До неё было два шага — в отличие от женщины у борта, до которой я не успел.

Я отпустил поручень.

Первая мысль всё равно пришла — короткая и злая:

Дурак.

Ноги уже несли меня к девушке.

Я врезался плечом в пятящегося мужчину, оттолкнул его, поймал рукой стойку и сделал ещё шаг. Палуба уходила из-под подошв. Справа кто-то схватил меня за майку, я вывернулся.

Девушка подняла голову. Тёмные глаза, почти чёрные. На лице смешались страх и злость. Она снова дёрнулась вверх, но подвернувшаяся нога тут же сложилась.

Я протянул руку.

— Руку!

Она рванулась ко мне, но пальцы не достали друг до друга каких-то сантиметров.

Между нами боком влетел мужчина и плечом ударил меня в грудь. Я отлетел назад и поймал стойку.

В этот момент корабль ударило всем корпусом, будто нос врезался в невидимую преграду. Палуба резко ушла вниз. Плечо впечаталось в металл, перед глазами вспыхнуло.

Когда я снова увидел девушку, в поле зрения от неё оставалась лишь рука.

Она держалась за край перевёрнутого лежака. Лежак дёрнуло, пальцы сорвались, и толпа закрыла её.

Я шагнул ещё раз.

Ниже уже падали люди.

Ещё метр — и выбраться оттуда я бы не смог.

Я отступил к поручню и вцепился в него.

Всех не вытащить — я это понимал, но легче от этого не становилось.

— Держись!

Вася.

Он шёл прямо в толпу, работая плечами и руками. Одного мужчину оттолкнул так, что тот сел на палубу, другого схватил за рубашку и развернул.

— Отвали!

Вася нырнул между людьми.

В просвете я увидел его почти у самого настила. Одной рукой он держался за крепление лежака, другой тащил девушку.

Нога у неё подвернулась, подняться самой она не могла.

Вася перехватил её под мышку.

— Вставай! Вставай, слышишь!

Корабль дёрнуло.

Его повело вниз, но он вдавил ботинок в настил, плечом отбросил налетевшего человека и протаскил девушку ещё метр.

— За поручень! Двумя руками держись!

Она схватила поручень одной рукой, затем второй. Пальцы несколько раз соскользнули, прежде чем удалось удержаться.

Вася посмотрел на меня.

Коротко кивнул.

Я ответил тем же.

Девушка согнулась над поручнем, пытаясь отдышаться. Светлые волосы прилипли к лицу. Чёрная майка порвалась у плеча, на губе была кровь. Джинсы разошлись на колене. Повреждённую ногу она почти не ставила на палубу.

Но держалась сама.

Из глубины корпуса пришёл новый звук — протяжный металлический стон, настолько низкий, что его скорее чувствуешь зубами, чем слышишь.

Между планками настила появилась чёрная линия. Она прошла поперёк палубы, скрылась под перевёрнутым лежаком и стала шире. Покрытие расходилось, обнажая металл.

Вася заметил тоже и переставил ногу ближе к стойке.

Снизу ударил треск.

Треснул сразу длинный участок конструкции. Звук прошёл через корпус и оборвался где-то далеко за нами.

Правый борт опустился ещё ниже. Горизонт полез вверх, пена вдоль корпуса растянулась белыми полосами к тёмному кругу.

Двигатели продолжали работать — гул менял высоту, но поступательное движение почти исчезло.

Нас затягивало в воронку.

Палуба накренилась сильнее.

Люди уже не бежали. Кто-то двигался на четвереньках, кто-то спиной вперёд, цепляясь руками за стойки. Стаканы, телефоны, сумки и один детский кроссовок скользили в одну сторону.

Я сжал поручень.

Выбраться на спокойную воду мы уже не успевали.

Корпус треснул, и палуба под ногами резко вздрогнула. Огромная конструкция, ещё минуту назад казавшаяся цельной, начала терять форму.

Палуба дёрнулась.

Я схватился за поручень обеими руками.

Справа кто-то упал и покатился вниз. Слева Вася прижал девушку к ограждению, другой рукой держась за стойку.

— Не отпускай!

Он и так держал.

Треск пошёл дальше.

Щель под настилом раскрылась. Из неё посыпались куски пластика и белая крошка наполнителя. Покрытие впереди выгнулось, лопнуло и провалилось.

Лайнер разламывало поперёк. Я обернулся: корма уже отставала.

Я ещё по привычке воспринимал всё это как один корабль, но огни за нами уходили назад и вниз. Один ряд погас. Потом второй. Кормовая часть накренилась так сильно, что палубные фонари выстроились почти вертикально.

Там оставались люди.

Мужчина в белой рубашке держал ребёнка в жёлтом спасательном жилете. Тот не плакал — просто обхватил его шею обеими руками.

Женщина в красном халате пыталась ползти вверх по наклонной палубе и снова соскальзывала.

Возле двери человек стоял на коленях и удерживал створку. Изнутри к нему тянулись руки.

Вася тоже смотрел туда. Лицо стало пустым, неподвижным. Никакого привычного ворчания, никакого «прорвёмся».

Девушка рядом с ним смотрела на меня, вцепившись в поручень до белых пальцев.

Я открыл рот, но носовую часть рвануло вперёд.

Палуба пошла вниз и в сторону.

Между двумя половинами лайнера открылась чёрная полоса воды, в которую сразу посыпались обломки: лежак, кусок панели, спасательный круг, сумка.

Следом сорвался человек.

Я увидел только тёмный силуэт над пеной.

— К стене!

Не знаю, кому именно кричал. Всем, кто мог услышать.

Я отпустил одну руку, схватил девушку за ремень джинсов и притянул к стойке. Она вскрикнула, когда больная нога подвернулась. Вася перехватил её под плечо.

— За стойку держись!

Она кивнула и вцепилась сильнее.

Носовая часть вошла в дугу вокруг воронки.

Теперь стало видно, насколько огромным было вращение. Вода не крутилась отдельной ямой — весь участок океана вокруг нас двигался по кругу. Горизонт съезжал вслед за креном, свет палубы ложился на волны длинными кривыми полосами.

Я поднял голову. Через чёрный провал была видна корма.

Она оказалась на другой стороне воронки — перекошенная, с частично погасшими огнями.

Корма оказалась почти напротив нас, хотя после разлома должна была остаться далеко позади. Я не мог понять, насколько быстро мы прошли дугу и как вообще оказались напротив друг друга.

Палубу снова накренило, и теперь она больше напоминала стену.

Люди висели на поручнях и дверных ручках. Те, кому не хватило опоры, скользили вниз.

Девушка потеряла опору из-за больной ноги.

Руки удержали её на несколько секунд, потом пальцы начали разжиматься. Вася схватил за талию, но и его потянуло.

Я переставил ногу к ним.

Подошва сорвалась.

На миг повис на одной руке; плечо обожгло. Ногой нашёл металлическое крепление и упёрся.

— Сюда!

Вася толкнул девушку ко мне.

Она ударилась грудью о стойку и обхватила её обеими руками. Я прижал её предплечьем к металлу, пока она не нашла опору.

Вася добрался на четвереньках.

Губа у него была разбита. Он сплюнул кровь, посмотрел на нас.

— Живы?

Я кивнул.

За воронкой начала тонуть корма. Последние огни у кормового края погасли, а задняя часть лайнера опускалась почти ровно, всё глубже уходя в воду.

Мужчина в белой рубашке всё ещё держал ребёнка.

Теперь он стоял выше остальных и пытался передать мальчика через перила внутренней лестницы. Сверху тянулись руки.

Руки сверху уже почти доставали до мальчика.

Снизу ударила вода, огни моргнули, и участок палубы вместе с мужчиной и ребёнком ушёл в чёрную пену.

Женщина в красном халате ещё ползла вверх. Волна ударила её в спину, и женщина исчезла.

Дверь, которую удерживал человек на коленях, захлопнулась. Руки с другой стороны пропали.

Корма погружалась всё глубже, и на какое-то мгновение перед нами был уже не корабль, а накренившийся многоэтажный дом — окна, лестницы, огни, люди на разных уровнях.

Потом донеслись крики — несколько отдельных голосов, которые почти сразу оборвались.

Девушка возле меня резко вдохнула. Я не знал, увидела она кого-то на корме или просто поняла, что произошло.

Носовую часть потянуло вниз.

Палуба накренилась ещё сильнее, и вода вокруг борта поползла вверх относительно нас. Брызги били в лицо. Пальцы на поручне онемели от холода и напряжения.

К круговому движению добавилась тяга вниз, и нос начал проваливаться.

Люди сорвались почти одновременно.

Я ещё удерживал поручень. Руки вытянуло, в плечах вспыхнула боль.

Девушка ударилась обо меня боком. Я попытался поймать её за одежду, но мокрая ткань выскользнула из пальцев.

— Держись! — донеслось справа.

Вася.

Я успел увидеть его ладонь на стойке и старую наколку на предплечье.

Потом участок палубы под ним провалился.

Вася исчез вместе со стойкой.

Я рванулся в его сторону, но там уже была вода.

Поручень выскользнул.

Мир перевернулся.

Палуба, чёрное небо, белая пена и вода смешались в одно вращение. Рядом мелькнуло лицо девушки — широко открытые глаза, волосы хлещут по щеке.

Меня ударило обо что-то твёрдое.

В ребре вспыхнула боль, воздух вышибло из груди. Я скользнул по наклонной поверхности и только потом ушёл в воду.

Холод обжал сразу со всех сторон. В рот и нос хлынула вода, отдававшая солью, машинным маслом и металлом; горло свело, и поток потянул меня глубже.

Поток одновременно тянул вниз и в сторону, вращая меня, прижимая руки к телу и тут же разбрасывая их снова. Я не понимал, где верх, а где низ. Вокруг проносился какой-то мусор, куски корабля, стулья, шезлонги. В какой-то момент совсем рядом на огромной скорости пронёсся сложенный зонтик, едва не проткнув меня. Я чудом успел с ним разминуться.

За стеной пузырей, заполнивших почти всё видимое пространство, я едва различил человеческий силуэт.

Я пытался грести, но меня крутило в воде, как щепку в мелком весеннем ручье. Нормально вдохнуть не получалось: стоило показаться над водой, как очередная волна снова накрывала с головой, и я то и дело захлёбывался.

Потом меня резко потянуло вниз. Неестественно резко, словно кто-то невидимый схватил за ноги и дёрнул в глубину.

Давление начало быстро расти. Заложило уши, перед глазами поплыло и потемнело.

Последнее, что я запомнил, — сильный удар под дых, выбивший из меня последние крохи воздуха.

Глава 3. Отмели

Первый день после крушения • Владимир

Сознание вернулось от воды. Волна ударила в лицо, залила рот и нос и протащила щекой по камням. Я дёрнулся, закашлялся, попытался подняться, но сразу сорвался обратно на бок, ладонью раздавив что-то твёрдое — ракушку или коралл. Кожу полоснуло болью, и я выплюнул воду вместе с песком, снова закашлявшись. Воздух входил короткими рывками, в груди хрипело, а горло саднило от соли. Несколько секунд я только держался пальцами за мокрый камень и пытался нормально вдохнуть.

Солнце било прямо в глаза. Я отвернулся, подтянул под себя колено и замер, пока перед глазами не перестали плавать белые пятна. Камень под коленом оказался острым. В пене между обломками коралла дробно перекачивалась мелкая галька, словно кто-то тряс коробку с гайками. От воды тянуло солью, водорослями и слабой машинной горечью — маслом или топливом. Я всё ещё не понимал, где нахожусь.

Последнее, что вспоминалось связно, — вода. До неё были куски палубы. В памяти всплывали отдельные детали: лица, Вася, светловолосая девушка в чёрной майке. Потом снова вода, темнота и глухой шум, который давил со всех сторон.

Я поднял голову. Вокруг тянулось море.

— Вася!

Вместо крика получился хрип. Я сглотнул, подождал, пока отпустит кашель, и попробовал ещё раз:

— Вася!

Ответа не было. Я повернулся в другую сторону и крикнул:

— Эй! Есть кто-нибудь?!

Голос быстро растворился в шуме волн. Никто не ответил, никакого движения вокруг тоже не было.

Я попытался вспомнить, что стало с девушкой, но ничего толком восстановить не получилось. Помнились её светлые волосы в воде. Кажется, после падения она ещё была где-то рядом, хотя, может быть, это палуба уже смешалась в памяти с тем, что происходило потом. В какой момент я потерял её из виду, не помнил вообще.

С Васей было чуть яснее. Помнилась его рука на стойке, старая наколка на предплечье и то, как под ним провалилась палуба. А дальше — ничего.

Я лежал на маленьком клочке камня посреди воды, метров пять в длину, может, меньше. Несколько тёмных валунов, ломаный коралл и полосы мокрого песка едва поднимались над водой. Волны заходили с двух сторон и каждый раз оставляли пену немного выше прежнего.

Следующая ударила сильнее. Вода дошла до груди и сдвинула меня к краю, так что пришлось вцепиться обеими руками в выступ. Содранные ладони сразу обожгло солью.

Когда волна ушла, я сел, но почти сразу поплыла голова. Пришлось упереться рукой в камень и немного переждать, а потом я принялся проверять, что со мной вообще осталось целым.

Пальцы сгибались нормально, хотя ладони были содраны и несколько порезов оказались поглубже. Слева болели рёбра, особенно на полном вдохе, но одной острой точки я не чувствовал. Ноги тоже работали: белые кроссовки стали серыми от воды и грязи, внутри хлюпало, зато ступни чувствовали поверхность.

Жив, и на том спасибо.

Я поднялся через колено и наконец смог нормально осмотреться. Вокруг торчали десятки таких же маленьких островков. Некоторые ещё оставались сухими сверху, другие вода уже

заливала почти полностью. Между ними просвечивало дно со светлыми участками песка, тёмными провалами и гребнями кораллов.

Вдалеке виднелся берег — светлая полоса песка с густой зеленью за ней, метрах в двухстах или трёхстах. С воды точнее было не определить. Я медленно повернулся на месте, высматривая корабль, хотя понятия не имел, откуда меня принесло и в какую сторону вообще смотреть, поэтому просто всматривался в горизонт, воду между отмелями и дальние пятна на поверхности.

Крупных обломков не было: метрах в тридцати белел кусок пластика, между камнями застряла полоска ткани, а на соседнем островке лежал погнутый лист с рваным краем. После крушения лайнера такого размера я ожидал увидеть поле обломков и горы мусора, но ничего подобного вокруг не плавало. Корабль мог затонуть далеко, течение — растащить мусор, а меня самого протащить чёрт знает сколько. Сейчас гадать было бессмысленно.

— Вася!

Ударил очередная волна, прошла по месту, где я только что сидел, задержалась между камнями и стекла обратно. Уровень явно поднимался. До ближайшего островка было метров десять или двенадцать — расстояние небольшое, но здесь между мной и ним оставались течение, скользкие камни и кораллы, на которые очень не хотелось вставать всем весом. Плыть тоже не хотелось.

Я спустился в воду. На первом шаге она дошла до щиколотки, на втором — почти до колена. Под подошвой поехал мелкий камень, и я согнул ноги, перенося вес назад, пока он не остановился. Вода постоянно тянула вправо, пусть и не сильно, и водоросли на дне лежали в ту же сторону. Я взял левее, носком проверил следующую опору и поставил ступню ближе к шероховатому краю широкого гладкого камня, после чего сделал ещё два шага.

На середине вода поднялась до бедра. Под водой тянулся зубчатый гребень. Свет преломлялся, и определить расстояние до камня с первого раза было трудно. Я провёл носком по гребню и сразу почувствовал острый край. Чуть левее опоры не было, зато ещё левее нашлась плоская площадка. Туда я и перенёс вес. Правая нога соскользнула. Я сразу опустился ниже. Волна прошла поверх бедра, ладонь нашла камень. Край распорол кожу, зато тело перестало заваливаться. Переждал откат. Поднялся.

Через несколько метров камни стали крупнее. Я ухватился за край островка, подтянулся и встал на колено. Оглянулся. Тот клочок камней, на котором я очнулся, уже выглядел ниже. Волна полностью прошла через его середину, оставив над поверхностью несколько крупных валунов. Воды становилось больше. Берег был всё там же, но теперь между нами оставалось на один переход меньше.

Следующий островок лежал немного левее. Справа вокруг чёрных камней постоянно появлялась белая пена. Туда лезть не стоило. Я пошёл в обход. В какой-то момент перед глазами снова возникла Васина рука на стойке. Настолько ясно, что я чуть не поставил ногу мимо камня. Выругался и заставил себя смотреть вниз. Если Вася жив — будем искать. Если нет... С этим потом. Сейчас мне хватало собственных ног. Второй переход оказался длиннее, но дно держалось выше. На третьем пришлось несколько метров проплыть, когда песок ушёл из-под подошв. Я не пытался бороться с течением напрямую — взял чуть по диагонали и вышел на камни ниже намеченной точки.

На следующем островке у большого валуна темнело пятно. Потом я различил светлые волосы и остановился: это была та самая девушка с палубы. Она сидела, привалившись спиной к камню, и держала руками правую ногу. Чёрная майка была порвана на плече, джинсы покрыты песком и серой коралловой крошкой, светлые волосы слиплись и прилипли к лицу. Живая. Я невольно оглянулся на пройденные островки. Значит, когда я кричал, она уже могла быть здесь.

Почему не ответила? Хотя чего я ждал. Волны били по камням без остановки, ветер тянул звук вдоль самой воды. Я и собственный голос слышал хреново. Мог не услышать её. Или она меня. Я вышел на камень.

— Эй!

На этот раз расстояние было небольшим. Она всё равно отреагировала не сразу. Подняла голову медленно, будто сначала услышала звук, а потом ещё пришлось понять, откуда он. Увидела меня. Напряжение на лице немного отпустило. Заговорила хрипло:

— А, это ты. С палубы.

— Цела?

Она посмотрела на свою ногу и криво усмехнулась.

— Нет. Но разговаривать могу. Уже роскошь.

Я подошёл ближе.

— Ты тогда руку тянул.

— Не дотянулся.

— Зато сейчас дошёл.

Она попыталась поправить положение ноги и сразу замерла, сжав зубы.

— Что с ногой?

— Подвернула. Или сломала. Не знаю.

— Встать на неё пробовала?

Она коротко посмотрела на меня.

— Один раз. Хватило, чтобы больше не экспериментировать.

Я присел рядом и осмотрел ногу. Голеностоп заметно распух, но стопа лежала ровно, без явного вывиха, открытой раны тоже не было. Я осторожно провёл пальцами вокруг щиколотки.

— Если больно — говори.

— Я и без разрешения скажу.

Когда я коснулся щиколотки снаружи, она резко втянула воздух. Я убрал руку.

— Тут?

— Да. Очень. Туда больше не надо.

Я попросил её пошевелить пальцами — получилось. Потом попросил немного потянуть носок на себя, но это снова отозвалось болью. Пока я рассматривал опухоль, она следила уже не за ногой, а за моим лицом.

— Хм... да уж.

— Что?

— Я не врач. Похоже, просто сильное растяжение. Может, трещина, но наступать точно не сможешь.

Она выдохнула сквозь зубы.

— Ну, такую диагностику я уже сама провела.

Я хмыкнул. Очередная волна докатилась до наших ног. Девушка посмотрела вниз.

— Вода раньше сюда не доходила, да?

Я показал на мокрый камень рядом.

— Когда я подошёл, он был сухой.

Она несколько секунд смотрела на эту отметку.

— Значит, сидеть и жалеть себя долго не получится.

— Не получится.

Она подняла глаза на берег.

— Жаль. У меня это неплохо получается.

Я тоже посмотрел на берег. Один я, скорее всего, доберусь. С ней каждый переход займёт больше времени, а одной рукой придётся всё время держать её или быть готовым ловить. Если сорвусь вместе с ней — можем погибнуть или покалечиться, как минимум. Можно было

оставить её и попробовать вернуться с помощью. Только откуда взять помощь? И успею ли вернуться, пока этот камень не окажется под водой? Я потёр лицо. Ненавижу такие задачи. Ответ вроде очевидный, а нормального решения всё равно нет.

— Владимир, — сказал я.

Она посмотрела на меня, потом кивнула.

— Ирина.

— Слушай, Ирина... Сразу скажу: я не уверен, что смогу тебя дотащить.

— Ну хоть честно. Хотя и прискорбно.

Я посмотрел на воду между островками.

— Тут дело не только в весе. Если на глубине или на течении сорвёмся оба, помочь уже будет некому.

— Плавать могу. Но с этой ногой не знаю, что получится.

— Тут плавать местами хуже, чем идти. Кораллы, течение. И непонятно, где провалы.

— Тогда нужен вариант, где я смогу хотя бы не утопить тебя.

Я снова осмотрел островок.

У дальнего края между камнями торчал кусок мутного пластика. Я сначала принял его за обломок обшивки. Подошёл ближе — между камнями застряла большая бутылка из-под питьевой воды, литров на двадцать, из тех, что ставят в кулеры. Я вытащил её из щели и сразу почувствовал вес — внутри плескалась вода.

— Скажи, что там вода, — сказала Ирина.

— Сейчас проверим.

Корпус был поцарапан, но цел, крышка держалась. Я открутил её, понюхал воду — ничем не пахло, намочил палец, лизнул и, не почувствовав соли, сделал маленький глоток. Вода была тёплая и отдавала пластиком, но оставалась пресной.

— Вода.

Ирина сразу потянулась к бутылке, но остановилась.

— Ладно. Это я переоценила свои силы.

Я подтащил бутылку ближе, придерживал её обеими руками и наклонил горловину.

— Осторожно.

Она наклонилась, сделала несколько коротких глотков и отстранилась, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Господи... я и не думала, что вода может быть такой вкусной.

Я тоже отпил, не поднимая бутылку с камня, и после соли во рту вода казалась почти сладкой. Закрутив крышку, я взвесил бутылку руками — она была почти полной. Нам повезло с водой, но для опоры бутылка была слишком тяжёлой. Я опустил её у края островка и надавил сверху — пластик едва всплыл обратно. Ирина молча следила за мной.

— Что, придётся выливать?

— Почти всю.

Она прикрыла глаза.

— Даже смотреть не буду.

Я открутил крышку. Вода пошла толстой струёй, и уровень в бутылке быстро пополз вниз. Я поймал небольшой диссонанс, выливая пресную воду. Я остановился, когда на дне осталось несколько литров, закрутил крышку и снова положил бутылку на поверхность. Теперь плавала хорошо.

Я проверил камни вокруг. На одном из выступов зацепился длинный кусок плотной синей ткани. Ткань была рваной и мокрой, но в руках не расползалась — сгодится. Сначала я занялся ногой Ирины. Никакой полноценной шины здесь не сделать, но хотя бы ограничить движение голеностопа можно.

— Дай ногу. Нужно зафиксировать.

— Только, пожалуйста, аккуратно.

Она сама подняла ногу руками. Я сложил ткань, обвёл вокруг стопы и щиколотки, не затягивая поверх опухоли.

— Так?

Ирина пошевелилась. Поморщилась.

— Лучше.

Небольшим лоскутом синей ткани я обмотал ладонь. Остатка ткани хватило на бутыль. Я обвязал её двумя полосами возле горловины, сделал длинную петлю. Потянул — узел пополз, поэтому пришлось переделать, и со второго раза обвязка уже держалась лучше.

Она просунула руку в петлю.

— Если ткань начнёт резать — говори.

— А если меня начнёт уносить?

— Тогда кричи погромче. Я постараюсь не пропустить.

Я подошёл к краю. Ближайший переход был не самый плохой: воды по колено, дальше тёмный участок и снова светлое дно.

— Смотри. Я иду первым. Ты держишься за бутыль и за меня. Где достанешь здоровой ногой — помогай. Больную не ставь. И если понесёт, резко не дёргайся.

— Поняла. Давай.

Вот и всё. Я спустил бутыль. Её сразу потянуло вправо. Инстинктивно дёрнул обратно. Ткань натянулась, Ирина вскрикнула, а меня развернуло боком.

— Чёрт... Не тяни так!

— Понял. Больше не дёргаю.

Я ослабил руку. Бутыль снова ушла вправо и легла по течению. Ирина поправила петлю.

— Пусти её чуть впереди. Так спокойнее.

Я попробовал, и так действительно было лучше. Первые шаги всё равно получились неровными: раньше я отвечал только за собственное равновесие, а теперь любое движение приходилось делать так, чтобы Ирина успевала за ним. Я находил опору, Ирина ставила здоровую ногу, бутыль уходила вперёд, и только после этого я делал следующий шаг.

— Тут камень, — сказала она.

Я проверил носком — камень действительно был.

На середине глубина выросла. Вода дошла до пояса, потом выше. Ирина сильнее налегла на бутыль. Ткань натянулась, но держала.

— Ногой достаёшь?

— Сейчас... Да. Есть.

Когда она оттолкнулась, вес на моей руке заметно уменьшился. Через несколько метров дно резко провалилось, я ушёл почти по грудь, и Ирина дёрнулась следом, но успела прижаться к бутылке.

— Не спеши!

— Я не специально!

Я сделал два гребка свободной рукой. Рёбра сразу отозвались болью. В рот попала вода. Подошва снова встретила песок.

— Всё. Есть дно.

— Слава богу.

Мы выбрались на следующий островок. Я втолкнул Ирину первой. Она схватилась за камень и попыталась подтянуться сама. Не получилось. Подтолкнул, схватив за ягодицы.

— Эй!

— Ну извини.

Она зацепилась локтем и всё-таки вылезла. Я забросил бутыль следом и подтянулся сам. Ладони горели, а размокшая кожа на пальцах теперь срывалась от любого острого края. Мы посидели минуту, Ирина положила больную ногу на бутыль.

— Я всё ещё жива.

— Это великолепно.

Следующий путь шёл левее. Справа волны разбивались о высокие камни, и после каждого удара вода быстро стекала между ними. Я посмотрел, куда её тянет, и выбрал более длинный путь в обход.

— Почему не прямо?

Я показал на водоросли под поверхностью.

— Видишь, как их развернуло? Туда тянет сильнее. Думаю, не стоит туда лезть.

Ирина прищурилась.

— Вижу. Уверен?

— Нет, но в любом случае рисковать не будем.

На следующем переходе Ирина вдруг остановила меня:

— Стой. Посмотри на этот камень, он блестит по-другому.

Я присмотрелся. Поверхность действительно была покрыта ровной тёмной плёнкой. Осторожно провёл по ней подошвой, и нога съехала почти без сопротивления.

— Похоже на водоросли, — сказал я. — Хорошо, что заметила.

Мы обошли опасное место правее. Чуть позже Ирина снова остановила меня и показала вперёд:

— Там край?

Я проверил ногой. Под водой действительно шёл уступ, а сразу за ним дно уходило сантиметров на сорок ниже.

— Да. Дальше глубже.

Ирина вздохнула.

— Хоть какая-то от меня польза.

— Если бы от тебя не было пользы, мы бы уже утонули.

Дальше мы двигались не быстрее, зато заметно согласованнее. Ирина больше следила за поверхностью и тем, что было впереди, а я — за опорой под ногами и направлением воды. Ошибались всё равно оба. Один раз я решил пройти по светлому участку, который выглядел песчаным. Подошва ушла в рыхлую коралловую крошку почти по щиколотку, меня качнуло, и Ирина тут же схватила за плечо, сама едва не сорвавшись следом.

— Кажется, мы зашли куда-то не туда.

— Угу, не в ту дверь, как Киркоров.

Пришлось пятиться назад и брать в обход. Солнце поднималось всё выше, в мокрой одежде становилось жарко, соль стягивала кожу на плечах. Мы сделали всего по несколько глотков из бутылки — неизвестно, что ждало нас на берегу и найдётся ли там пресная вода. Следующие переходы начали сливаться в один: вода то доходила до колен, то поднималась до бёдер, а мы выбирались на камни, переводили дыхание и снова спускались. В какой-то момент я перестал считать островки. Руки постепенно забивались, а рёбра теперь болели не только на вдохе — боль отзывалась почти при каждом резком движении.

— Ты как?

Она помолчала.

— Устала. Нога болит. Голова кружится.

— Тошнит?

— Вроде нет. Хотя у меня сейчас такое состояние, что на сто процентов не скажу.

Я хотел что-то ответить, но на следующем островке между валунами заметил лежащего человека. Мужчину вынесло на высокий участок между камнями. Он лежал на боку, придавив

одну руку телом, а вторая застряла между валунами. Я оставил Ирину у края и подошёл ближе. Уже с нескольких метров было понятно, что мужчина мёртв, но я всё равно присел рядом. Грудь не двигалась, глаза оставались открытыми. На лице и одежде темнели следы крови, плечо стояло под неправильным углом. Волна докатилась до кисти. Пальцы не шевельнулись.

— Живой? — спросила Ирина.

— Нет.

Она замолчала, а я посмотрел на камни вокруг — на таких его могло приложить не один раз. Ирина осторожно подтянулась ближе. Теперь тело было видно целиком.

— Его тоже вынесло сюда?

— Похоже на то.

Она ещё несколько секунд смотрела на тело. Потом тихо спросила:

— Если бы ты меня не нашёл... я бы тоже вот так?

Я не стал врать.

— Скорее всего, да.

Она отвернулась к воде. Я проверил карманы мужчины.

— Что ты делаешь?

— Хочу понять, кто он.

Телефон был разбит, экран в трещинах. В кошельке нашёлся паспорт. Обложка размякла. Страницы слиплись. Раскрыл только там, где фотография. Christoph Baher. Австрия. Я прочитал имя ещё раз, чтобы запомнить.

— Кристоф Бахер, — сказал я. — Австриец.

— Кристоф...

Ирина повторила тише. Я вернул паспорт в кошелёк и убрал обратно. Быстро проверил остальное. Ножа, зажигалки и ремня не было, да и ничего такого, ради чего стоило возиться с одеждой на мокрых камнях, я не нашёл. Волна поднялась выше и коснулась плеча Кристофа. Я встал. Ирина ещё раз посмотрела на него.

— Пойдём.

Она кивнула, но двинулась не сразу. Через пару секунд сама подтянула к себе бутыль. Мы пошли дальше. После Кристофа разговаривали меньше. И без того было чем заняться. Островков становилось всё меньше. Несколько выступов, которые я видел раньше, скрылись под водой полностью. Следующий переход оказался раза в два длиннее прежних. Я остановился на краю. Под водой чередовались светлые песчаные участки и тёмные провалы, потом снова проступало светлое дно.

— Тут глубоко? — спросила Ирина.

— Местами. Точнее отсюда не понять.

Она прижала петлю к плечу.

— Ну, пошли тогда.

Первые метры прошли легко: дно было ровным, вода доходила до колен. Через несколько шагов она уже поднялась до бедра. Бутыль потащило вправо. Я перехватил ткань.

— Держись ближе.

— Куда уж ближе.

Ирина почти прижималась плечом к моему боку. Сделали ещё несколько шагов. Ирина всё реже находила опору здоровой ногой, и вес на моей руке быстро вырос.

— Ты ногой достаёшь?

— Иногда.

— Если есть камень — толкайся.

— Я пытаюсь.

На следующем шаге я не нашёл дна и ушёл вниз, вода поднялась до груди. Бутыль развернуло поперёк, ткань натянулась, и раздался сухой треск. Одна полоса порвалась. Связка

ослабла. Бутыль рвануло вправо. Ирина соскользнула. Вода закрыла ей плечи, потом подбородок. Поток сразу начал уводить в сторону.

— Владимир!

Я шагнул за ней. Правая нога не нашла дна. Левая скользнула по камню. Протянул руку и схватил её за плечо. Она дёрнулась, потом вцепилась мне в бок. Бутыль продолжала уходить вправо. Обрывок ткани тянулся за ней. Вторая рука сама поймала его раньше, чем я успел решить, нужно ли. Бутыль нам ещё пригодится. Течение давило в бок. Ирина висела на одной руке, бутыль тянула другую. Выпрямиться нельзя — перевернёт. Я опустился ниже, почти лёг на воду.

— За меня держись!

— Да уже, блин!

Пальцы впились под ребро. Больно. Хорошо. Значит, держит. Я не стал возвращаться по прямой. Сделал несколько движений по диагонали, позволив течению снести нас чуть ниже островка. Левая нога нашла камень. Упёрся. Следующий шаг. Ещё один. Ирина подтянулась ближе.

— Ногой достаёшь?

— Не достаю!

— Тогда висни.

— Я и так!

Да. Точно. Камни впереди стали выше. Я зацепился рукой. Ирина схватилась за край, попыталась подтянуться и сорвалась обратно.

— Ещё раз.

— Не могу.

— Я подтолкну.

— Только ногу...

— Вижу.

Подхватил её под бедро и толкнул вверх. Ирина вскрикнула, но зацепилась локтями, дальше выбралась сама и сразу отползла выше. Я забросил бутыль и полез следом, однако пальцы дважды сорвались с камня, прежде чем на третьей попытке я нашёл трещину и подтянулся. Через несколько секунд мы уже лежали рядом и кашляли. Я держал Ирину за плечо, пока она не перестала съезжать обратно. Она перевернулась на спину.

Она коротко и сухо засмеялась — и сразу снова закашлялась.

— Больше так не делай, — сказал я.

— Что именно? Тонуть?

— Да.

— Постараюсь.

Я подтянул бутыль. После того как одна полоса порвалась, бутыль держалась в обвязке только на второй. Впереди был последний островок перед рифом. Я видел его давно — широкая тёмная полоса, за которой вода становилась белой. Берег теперь казался близким. Настолько, что хотелось просто лезть напрямик. Вот только вода между нами была хуже всего, что мы прошли до этого. Добрались до островка. Я встал и несколько секунд просто смотрел.

Риф тянулся поперёк дороги к берегу. Камни находились почти у поверхности: одни торчали наружу, другие скрывались на ладонь под водой. Волна приходила ровным валом, разбивалась о них, а обратно стекала через узкие щели несколькими быстрыми струями. Наступишь не туда — ногу зажмёт. Упадёшь — приложит о камень. Если бутыль уйдёт поперёк, Ирину развернёт вместе с ней. За рифом было глубже, но спокойнее. Дальше — песок.

— Там совсем тяжело пройти? — спросила Ирина.

— Да уж.

Она присмотрелась.

— Если ногу затянет между камнями, я её не вытащу.

— Я тоже об этом думаю.

Волна прошла по островку и намочила место возле её ладони. Ирина посмотрела вниз.

— Сколько у нас времени?

Я проследил за мокрой полосой.

— Не знаю точно. Но долго сидеть здесь нельзя.

Она несколько секунд молчала. Потом сказала:

— Я туда не пройду. Даже с тобой.

После каждого перехода руки уже начинали дрожать. Ирина выглядела ещё хуже: кожа бледная, губы посерели, движения медленные.

— Если меня там унесёт... — начала она.

— Тогда держись за бутыль.

— Владимир, я не об этом. Если меня зажмёт между камнями и ты поймёшь, что сам из-за меня сейчас ляжешь под волну, не лезь.

Я посмотрел на риф. Оставить человека с такой ногой на затапливаемом камне и уйти одному я бы сейчас не смог. Но одно дело — рискнуть, потому что шанс есть, и совсем другое — утонуть вдвоём там, где одного уже не вытащить. Тем более дома у меня оставалась семья.

— Если пойму, что нас утянет обоих, не полезу. Но пока тебя можно вытащить — буду вытаскивать.

Ирина кивнула.

— И наоборот. Если меня сорвёт, сначала держись сама. Не хватай меня, если из-за этого полетишь следом.

Ирина кивнула, и больше мы к этому не возвращались. На рифе одной оставшейся полосы не хватит, поэтому я стянул с себя майку. Ирина посмотрела.

— Ты что делаешь?

— Ткань нужна.

— Не сгоришь на солнце?

— Если дойдём, что-нибудь придумаю.

Разорвать мокрую майку руками оказалось сложнее, чем ожидал, поэтому пришлось зацепить край за острый камень, сделать надрез и только потом тянуть. Получившимися длинными полосами я заново обвязал бутыль, сделал отдельную петлю для Ирины и дополнительную страховку. Проверил узлы всем весом — держали.

— Руку сюда.

Она просунула.

— Другую. Эту оставь свободной, чтобы хвататься.

Ирина поменяла.

— Так?

— Да.

— Я начинаю подозревать, что ты раньше регулярно таскал раненых женщин через рифы.

— Только по выходным — надо же было как-то расслабляться.

— Я так и подумала.

Я сел рядом и стал следить за серией волн. Вал подходил, бил в риф, вода откатывалась через щели, а иногда промежуток перед следующей волной оказывался чуть длиннее и верхушки камней на секунду оставались открыты.

— Что ждём? — спросила Ирина.

— После удара вода уходит через щели. Во время отката её сильнее всего тянет назад. Двигаемся, когда вода уйдёт. Если скажу «стой» — стоишь, даже если неудобно.

Ирина кивнула.

Я пропустил вторую и третью волну и дождался нужного момента.

— Пошли.

Спустился первым. Камень под ногой был неровный, но сухой сверху. Ирина следом. Вода поднялась почти сразу. Бутыль легла между ней и волной. Первый удар пришёлся в бок. Я устоял. Ирину развернуло. Поймал за спину.

— Нogu выше!

— Я держу!

Откат потянул назад. Я упёрся носком между двумя выступами и согнул колени. Не бороться со всей массой. Просто не дать ей сдвинуть нас в первые секунды. Вода ушла.

— Давай.

Следующий камень. Ещё один. Волна пришла раньше. Я успел только прижаться грудью к выступу. Ударило в спину. Воздух вышел. Ирина схватила меня за плечо. Несколько секунд именно она удерживала меня от разворота. Когда вода отступила, я выдохнул:

— Встаём.

Бутыль несколько раз стукнулась о камни. Пластик хрустнул. Ещё два метра. На откате больная нога Ирины провалилась между зубцами. Она крикнула. Я подставил колено под бедро и вытолкнул её вверх. Стопа вышла буквально перед тем, как поток потянул ниже.

— Цела?

— Не знаю!

Следующая волна накрыла нас с головой. Вода ударила в нос и рот. Я потерял бутыль. Схватил её снова за бок. Откат потащил назад. Колено ударилось о камень. Боль вспыхнула под джинсами. Ирина легла грудью на пластик. Я вцепился рукой в щель. Вода шла поверх нас несколько секунд. Потом уровень упал.

— Ещё сколько? — выдохнула Ирина.

Я поднял голову.

— Метра четыре, не больше.

Дальше ногами нормально не пройти. Камни торчали слишком часто, а между ними вода уходила быстро. Я показал вперёд.

— На следующей волне толкаю бутыль. Ты ложишься на неё и отталкиваешься здоровой ногой. Я рядом.

— Поняла.

Она посмотрела вперёд.

Я дождался подъёма воды.

— Сейчас!

Толкнул бутыль. Ирина легла на неё грудью, оттолкнулась. Пластик прошёл над первым зубцом. Ударился о второй. Я шагнул следом и провалился бедром между двумя камнями. Стопу зажало. Откат уже начинался.

— Владимир!

Я развернул ногу. Кроссовок зацепился. Дёрнул ещё раз. Вытащил. По щиколотке прошла горячая боль. Ирина держала бутыль впереди и смотрела на меня.

— Давай!

Я оттолкнулся. Последний камень ушёл из-под ноги. Мы сорвались с другой стороны рифа в глубокую воду. Здесь удар оказался мягче. Ирина ушла вниз вместе с бутылью, но сразу всплыла. Я поймал её за плечо. Под ногами ничего не было. Сделал несколько движений. Носок коснулся песка. Потом снова пусто. Ещё шаг в воде. Дно поднялось. Я встал. Вода по шею. Чуть дальше уже по грудь.

За спиной продолжал грохотать риф, но удары больше не приходились прямо по телу, и здесь оставался только обычный шум прибоя. Ирина согнулась над бутылью и кашляла. Когда я подтянул пластик к себе, сразу почувствовал неладное: бутыль стала тяжелее, по боку шла

длинная трещина, а внутри плескалось больше воды, чем мы оставляли. Я открыл крышку и попробовал — солёная. Морская вода набралась внутрь и смешалась с остатком пресной.

Я постоял с этой дурой в руках. Мы столько времени тащили её через камни, чтобы в итоге обнаружить, что внутри плещется море.

— Что? — спросила Ирина.

— Всё. Испортилась.

Она даже не уточнила, только посмотрела на трещину.

— Тканьними.

Я развязал, что смог. Две длинные полосы сохранил. Бутыль отпустил. Её развернуло волной и понесло обратно к рифу. Пластик ударился о камни, ещё раз хрустнул и застрял на несколько секунд между выступами. Потом его накрыло пеной. Я отвернулся. Хватит. Берег был совсем рядом. Теперь можно было различить мокрый песок у воды, сухой выше и корни деревьев у края леса.

— Пойдём.

Ирина подняла голову.

— Это ты сейчас мне говоришь или себе?

— Обоим.

Я помог ей выпрямиться. Первый участок оказался неожиданно простым: песчаное дно, вода по пояс, ни камней, ни кораллов. После рифа ноги всё равно по привычке ставились осторожно. Под водой мелькали разноцветные мелкие рыбёшки, разбегались от наших ног и почти сразу возвращались.

Дно начало плавно уходить вниз. Вода поднялась до груди, потом до плеч, и какое-то время я ещё доставал носками до песка, а потом опора исчезла. Ирина сильнее сжала моё плечо.

— Опять плыть?

— Немного.

Подхватил её под мышку и начал грести одной рукой. После рифа плечи быстро забились, а боль в рёбрах заставляла укорачивать каждый сильный гребок. Ирина старалась помогать здоровой ногой, но без дна толку от неё было немного.

— Ты держись?

— Держусь.

Она ответила сразу, глухо, на одном выдохе. Я промолчал. Берег был перед глазами, метров в двадцати, может меньше. Вода попала в рот, я выплюнул её и сделал ещё гребок, но вдохнул не вовремя и снова захлебнулся. На несколько секунд пришлось перестать тянуть Ирину вперёд и просто удерживать нас на поверхности. Я заставил себя не молотить руками, выровнял дыхание и только тогда сделал следующий гребок.

— Дно есть? — спросил я.

Ирина вытянула здоровую ногу.

— Нет.

После ещё нескольких гребков я опустил ноги — дна не было. Продвинулся дальше, и носок чиркнул по песку, а в следующий раз я уже коснулся его всей ступнёй.

— Есть.

Попытался встать. Меня повело вперёд, и только со второй попытки удалось нормально упереться ногами в дно. Вода доходила до груди, но теперь уже можно было идти.

Я сделал несколько шагов. Ирина тоже вытянула здоровую ногу, пытаясь нащупать песок.

— Достать?

— Да. Пытаюсь помогать.

Чем ближе мы подходили к берегу, тем мельче становилось. Сначала вода опустилась до пояса, потом до бёдер, однако Ирина всё сильнее висела на моём плече, а сам я уже ставил ноги неровно.

Очередная волна ударила сзади под колени. Мы оба качнулись, и я едва успел перехватить Ирину за талию.

Песок под ногами становился плотнее. Вода опустилась до колен, потом до голени. Ирина машинально попыталась наступить на больную ногу и сразу вскрикнула.

Я перехватил её повыше. Теперь уже приходилось почти тащить.

Мокрые джинсы тянули вниз, а на голой спине солнце жгло так, что хотелось снова залезть в воду, лишь бы хоть ненадолго остудить кожу.

Зато под ногами наконец был нормальный песок. На него можно было наступить всем весом, не проверяя каждый раз, не уйдёт ли опора вместе с очередной волной. Волна докатилась до щиколоток.

Следующая остановилась дальше. Мы вышли. Я продолжал идти ещё несколько метров просто потому, что остановка тоже требовала усилия. Ирина почти повисла на плече.

— Владимир...

— Идём. Ещё чуть-чуть.

На следующем шаге колени сложились. Я успел повернуться, чтобы не уронить Ирину под себя, и свалился на бок. Она рухнула рядом, сразу подтянув больную ногу руками. Несколько секунд я лежал лицом в горячем сухом песке. Он прилипал к губам и щеке, но сил не осталось даже отплеваться. Повернул голову. Ирина лежала на спине с закрытыми глазами.

— Ты как?

Глаза открылись.

— Живая, — сказала она.

— Так бывает.

— В смысле?

— Хорошо, говорю.

Я снова лёг. Следующая волна остановилась в нескольких метрах от ног. За спиной шумел риф. Впереди начинался лес. Где мы оказались, я не представлял. Где лайнер, Вася, остальные люди — тоже. Воды у нас больше не было. Нормальной еды не было. У Ирины нога не работала. Я сам чувствовал себя так, словно последние часы таскал мешки, только мешки при этом били по рёбрам, топили и резали руки. Но под ладонью был сухой песок.

И впервые с момента пробуждения мне не нужно было угадывать, какой камень следующим уйдёт под воду. Мы дошли. Не спаслись. До этого было далеко. Но дошли.

Глава 4. Берег

Первый день после крушения • Ирина / Владимир

Ирина

До тени мы добрались не сразу.

Пляж оказался шире, чем выглядел из воды. У самой кромки песок был плотный, мокрый, с серыми полосами пены. Дальше становился рыхлым и горячим, каждый шаг проваливался.

Владимир держал меня под плечо и почти нёс, хотя по его лицу можно было подумать, что ничего особенного не происходит.

Я не знала, как правильно на него опираться.

Стоило опереться сильнее — Владимир сам едва держался; стоило ослабить хватку — меня тянуло в сторону, и больная нога отзывалась так, что темнело в глазах. Несколько раз я пыталась перенести вес сама, но только мешала. Он каждый раз останавливался, ждал, пока я перестану дёргаться, и молча шёл дальше.

Это молчание раздражало.

Это была не грубость или игнор — скорее, он просто экономил силы.

— Можешь поставить ногу? — спросил он.

— Сейчас.

Я попробовала.

Ступня даже не успела толком коснуться песка. Боль ударила от щиколотки до колена.

— Нет.

Владимир чуть перехватил меня выше.

— Тогда лучше нормально на меня опирайся, чем опять сорвёшься.

— Я не мешок с картошкой, чтобы на тебе виснуть.

— Конечно, не мешок. Картошку нести удобнее.

Я обиженно засопела, но послушалась.

У леса воздух изменился. От песка шёл жар, от зелени тянуло влажной тяжёлой прохладой. Пахло землёй, гнилыми листьями и чем-то сладким, прелым.

Лес начинался сразу: низкие ветви, широкие листья, корни поверх земли, тёмные щели между стволами. Владимир остановился у кромки и посмотрел вниз. По коре бегали муравьи, между корнями лежали сухие листья.

Я смотрела вглубь леса и представляла, какие твари там могут обитать. А вот Владимир, похоже, об этом совсем не думал. Он разглядывал корни и сухие места у стволов.

— Давай вон туда, — сказал он.

Я не сразу поняла.

— Куда именно?

Он показал подбородком на дерево чуть левее. У ствола корни расходились широкой дугой, между ними было сухое место, почти без травы.

— Здесь сухо. На корень обопрёшься спиной, ногу вытянуть сможешь.

Мы дошли до дерева, и Владимир начал меня опускать.

Получилось неловко: я слишком рано отпустила его плечо, тело ушло назад, он перехватил меня за талию, сам пошатнулся и тихо выдохнул сквозь зубы.

— Извини.

— Сначала сядь. Потом будешь извиняться.

Села я некрасиво: почти свалилась между корней, подтянула больную ногу руками и только потом смогла нормально вдохнуть.

В тени стало легче: солнце перестало бить прямо в лицо.

Владимир сел не сразу. Сначала оглянулся на пляж, потом на лес и только после этого задержал взгляд на мне. Похоже, хотел убедиться, что я не отключусь, но спрашивать не стал. Наверное, и хорошо — я бы всё равно соврала.

Наконец он опустился рядом, спиной к стволу.

Теперь я впервые смогла его рассмотреть.

На плечах и спине были ссадины — длинные, красные, местами забитые песком. Синяя обмотка на ладони промокла и потемнела от крови. Русые волосы слиплись от соли. Короткая щетина казалась почти чёрной на загорелом лице.

Обычный мужчина: крепкий, но не огромный, ничем особенно не выделялся.

Лицо выглядело усталым.

Его взгляд всё время двигался: пляж, лес, моя нога, собственная ладонь — и снова лес.

Я вдруг поняла, что почти ничего о нём не знаю.

Я знала его имя, голос и то, как он держал меня в воде.

— Что теперь? — спросила я.

Вопрос получился резче, чем я хотела.

Владимир посмотрел на меня, потом на свою руку, словно собирался с мыслями.

— Сначала надо немного прийти в себя.

— «Немного» — это сколько?

— Минут десять. Может, пятнадцать. Потом я всё равно пойду осматривать пляж и край леса: нужна вода, еда и всё, что можно использовать, — ткань, пластик, бутылки, палки, камни.

Он говорил спокойно, но уверенности в голосе я не слышала.

— Ты уже всё решил?

— Нет.

Он поднял глаза.

— Я просто называю то, без чего мы долго не протянем.

От этого стало неприятно.

Пока я сидела в тени, он говорил о воде, еде и том, что можно использовать.

В другой ситуации я бы назвала это холодностью.

Сейчас не была уверена.

Я посмотрела в сторону рифа.

Где-то там осталась бутылка.

Большая пластиковая дурла, которая несколько часов держала меня на воде. Её столько раз било о камни, что трещина в конце даже не удивила.

— Бутылка всё-таки жалко, — сказала я.

— Воду — да.

— Я не только про воду.

Владимир посмотрел на риф.

— На берегу пригодилась бы.

— Зато по ней там хорошо прилетало.

Он хмыкнул.

— Это да.

Я вспомнила, как пластик хрустел между мной и камнями.

— Если бы её не было, мог ведь не пластик треснуть, а я.

Владимир посмотрел на меня, потом коротко кивнул.

— Мог. И слава Богу, этого не случилось.

Немного помолчал.

— Свою работу она сделала.
На этом мы бутылку оставили.
В лесу что-то шевельнулось и замерло.
— А если там кто-то есть? — спросила я.
— Люди?
— Я не о людях. Змеи, хищники, насекомые... Мы вообще не знаем, что здесь водится.
Он тоже посмотрел в зелень.
— Змеи и насекомые здесь и так везде.
— И тебя это не беспокоит?
— Беспокоит. Просто смотри под ноги, не суй руки, куда не видишь, и постарайся ни на кого не наступить. А если там что-то крупнее — сейчас мы ему всё равно ничего не сделаем.
— Ты так спокойно это говоришь.
Владимир провёл ладонью по лицу.
— Я не спокоен. Просто стараюсь не паниковать и думать рационально.
Я не сразу ответила. Фраза раздражала, но по сути возразить было нечего.
— Значит, в лес всё равно придётся идти?
— Глубоко — нет. Сначала осматрюсь рядом: есть ли сток, ручей, влажная низина. Земля здесь не сухая, вода где-то может собираться.
Я вытянула больную ногу осторожнее.
Повязка намочила и потемнела, голеностоп распух ещё сильнее.
— Ты один был на корабле?
Владимир повернулся ко мне.
Вопрос, кажется, удивил его больше, чем разговор о хищниках.
— В круизе я был один.
— А вообще?
Он помолчал.
— Дома семья: жена, родители, двое детей.
Сказал коротко, без подробностей.
— Дети маленькие?
— Сыну десять. Дочке пять.
Имена он не стал говорить — не знаю, умышленно или просто посчитал это неважной информацией. Ну раз не сказал, значит, и мне спрашивать не стоит.
Владимир посмотрел на меня.
— А ты? Одна была?
— Нет. С... подругой.
Слово вышло не совсем правильным.
Я поморщилась.
— Хотя подругой — это, наверное, слишком.
Он нахмурился.
— Хелен?
Я повернулась к нему.
— Откуда знаешь?
— Ты на палубе кричала. Хелен. Несколько раз.
Точно.
Я кричала так долго, что потом собственного голоса почти не слышала.
— Да. Хелен.
Провела пальцами по песку.
— Наши родители давно дружат. Поэтому мы и поехали вместе. Круиз был подарком после университета.

— Вместе учились?

— Нет. Просто родители решили, что вдвоём будет веселее. И безопаснее.

Я коротко усмехнулась.

Владимир промолчал.

Я была ему за это благодарна.

— Мы нормально общались, — продолжила я. — Не ругались. Просто... не были близкими. Знаешь, бывает, человек хороший, всё нормально, но не твой.

Он кивнул.

— Если бы не родители, скорее всего, отдельно бы отдыхали.

Я замолчала. После корабля всё это звучало мелко: ещё вчера можно было раздражаться из-за того, сколько Хелен выбирает платье или фотографирует еду, а сейчас я даже не знала, жива ли она.

— Я не видела, что с ней стало.

Владимир промолчал и снова посмотрел на пляж.

— Я пойду с тобой, — сказала я.

Он повернулся.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Ты даже не подумал.

— Подумал. Ещё пока мы сюда шли.

Это задело сильнее самого «нет».

— То есть ты уже всё решил за меня?

Владимир посмотрел на мою ногу.

— Я решил, что с такой ногой тебе туда идти нельзя. Хочешь проверить — встань и попробуй сама дойти до воды и обратно, не опираясь на меня.

Я уставилась на него.

— А если не смогу?

Он чуть развёл руками.

— Тогда сама поймёшь, почему я против.

Я отвернулась.

От этого разговор становился только хуже. С неправым человеком хотя бы можно нормально ругаться.

— Я просто не хочу оставаться здесь одна.

Голос стал выше, я сама это услышала и разозлилась ещё сильнее.

Владимир не ответил сразу.

Посмотрел на песок перед нами, потом снова на ногу.

— Я понимаю. Но если ты сейчас пойдёшь со мной, через десять метров либо упадёшь, либо окончательно добьёшь щиколотку. А потом мне придётся тащить тебя обратно, если сам ещё останусь на ногах.

— Можно было сказать это немного мягче.

— Можно. Но смысл от этого не изменится.

— И куда ты вообще собрался?

— Недалеко, — сказал Владимир уже мягче. — Для начала проведу небольшую разведку вдоль пляжа и по краю леса. Может, удастся понять, куда нас выбросило, найти следы других людей или что-нибудь полезное.

— Следы людей? Ты уже что-то видел?

Я сразу посмотрела на песок.

Он заметил.

— Пока нет. Здесь только наши следы и мелкий мусор у воды.

Пока я думала о том, что находится между деревьями, Владимир уже успел проверить песок.

Я оглядела пляж внимательнее.

Наши следы действительно тянулись от кромки воды к дереву кривой рваной линией. Его — глубже. Мои местами исчезали совсем, там, где он почти нёс меня.

Чужих отпечатков на этом участке не было.

Но дальше берег изгибался, а в другую сторону мы вообще толком не смотрели.

Некоторое время мы молчали.

Лес шуршал за спиной. На пляже было больно смотреть на белый песок без прищур.

— Нас будут искать? — спросила я.

Вопрос вырвался быстрее, чем я успела решить, хочу ли услышать ответ.

Владимир провёл рукой по лицу.

— Будут. Только я не знаю, где именно нас будут искать.

Внутри что-то сразу отпустило, но ненадолго.

— Что значит — где именно? Есть маршрут. Есть координаты. Круизный лайнер не может просто исчезнуть.

Я заговорила быстрее и сама слышала, что уже не могу остановиться.

— Там связь, спутники, аварийный сигнал, береговые службы. Они найдут место крушения, обломки, людей в воде. Сейчас не девятнадцатый век.

Владимир слушал и не перебивал.

И чем дольше молчал, тем сильнее я раздражалась.

— Для обычного крушения — да, — сказал он наконец.

— А это какое?

Я и сама услышала, что почти огрызнулась.

Он посмотрел на море.

— Ты видела, что происходило.

Я тоже посмотрела.

Риф белел на солнце. За ним вода казалась обычной. Отсюда вообще было трудно поверить, что несколько часов назад там находился огромный лайнер.

— Это не было похоже на шторм, — сказал Владимир. — И на обычную аварию тоже. Корабль куда-то тянуло. Потом я очнулся на камнях и понятия не имею, сколько меня несло и куда.

— Но это ещё не значит, что нас не найдут.

— Не значит.

— Тогда почему ты говоришь так, будто всё плохо?

Он посмотрел на меня.

Взгляд был усталым и сухим, но не равнодушным.

— Потому что пока нас не нашли, нам всё равно надо пить и есть. Ну, если спасатели появятся через час — отлично. Если вечером — тоже неплохо. А если позже? Долго мы здесь без воды не протянем.

Я вдруг поймала себя на том, что всё ещё жду какого-нибудь знакомого звука: вертолёт, сирены, голосов. Как в фильмах, где после катастрофы обязательно появляются спасатели, полиция, врачи и ещё десяток каких-нибудь служб. Тебя укутывают в плед, суют в руки горячее какао, а дальше уже кто-то знает, что делать.

Но никто не появлялся. Вокруг шумели только прибой и лес.

— Значит, надеемся, что нам помогут, но сами тоже что-то делаем, — сказала я.

Владимир неожиданно улыбнулся. Кажется, впервые за всё время.

— Что?

— Да ничего особенного. Просто понял, что ничего не изменилось. Я и до крушения всегда так делал. На Бога надейся, а сам не плошай, как говорится.

Я уставилась на него. Он сейчас шутит? По лицу не похоже.

Он начал подниматься, упёрся ладонью в корень и перенёс вес на колено. Когда выпрямился, его качнуло, и пришлось расставить ноги шире.

— Ты сам-то нормально дойдёшь? — спросила я.

— Дойду. Если станет хуже, сразу вернусь.

— Тогда ладно.

Он наклонился, подобрал полосы ткани, оставшиеся от майки, свернул и сунул за пояс.

Полумёртвый человек — и всё равно не оставляет тряпку, если она может пригодиться.

Потом проверил синюю обмотку на ладони и подтянул узел зубами.

Он ещё раз оглядел корни, просвет к пляжу, нижние ветки и мою ногу, словно запоминал место.

— Если услышишь что-нибудь в лесу, не лезь смотреть.

Я посмотрела на голеностоп.

— Не переживай, с такой ногой я далеко не уйду.

Он задержался ещё на секунду.

— Всё равно будь осторожна. Я недалеко.

Владимир вышел из тени.

На рыхлом песке первые шаги получились неровными. Потом он спустился ближе к воде, туда, где песок был плотнее, и пошёл быстрее.

Я смотрела ему вслед.

На корабле я бы его, скорее всего, не заметила. Здесь взгляд держался за него до самого изгиба пляжа. Пока Владимир оставался в поле зрения, я была не одна.

Он скрылся за поворотом.

Сразу на первый план вышли волны за рифом, стрёкот насекомых, короткие крики птиц и шорох листьев над головой.

Я прислонилась затылком к стволу.

Мне очень не хотелось оставаться одной. Почему-то показалось, что с Владимиром уходит часть моих сил; даже захотелось окликнуть его, но я себя остановила.

В кустах справа что-то прошуршало у самой земли.

Я замерла.

Шорох прошёл между листьями и исчез.

Ничего не вышло.

Рядом лежала сухая палка.

Я подтянула её к себе.

Короткая, лёгкая, местами трухлявая. Если понадобится отбиваться от чего-то крупного, толку немного.

Всё равно положила рядом.

Через некоторое время глаза начали закрываться сами.

В голове путались куски последних часов: белая пена на рифе, открытые глаза Кристофа, треснувшая бутылка, лицо Владимира, Хелен, его слова про сына и маленькую дочь и вертолёт, которого я всё ещё почему-то ждала.

Мысли начали расползаться, но одна удержалась дольше остальных: когда Владимир вернётся, первым делом надо спросить про воду.

Владимир

Я шёл вдоль кромки леса уже несколько минут.

Старался держаться между водой и зарослями. Ближе к морю песок был мокрый, местами проваливался под пяткой и забирал силы. Под деревьями было больше тени, зато ветки висели низко, а под слоем листьев не всегда видно, куда ставишь ногу.

В одну сторону пляж уходил далеко, белой дрожащей полосой. В другую довольно быстро упирался в тёмный каменный выступ.

Я пошёл к мысу, это был удобный ориентир, хотя, по сути, разницы, куда двигаться, не было.

Пляж не был совсем пустым.

Прибой выносил мелочь: обрывки пластика, щепки, куски внутренней отделки, тонкую серебристую полоску, похожую на часть упаковки. Всё лёгкое, небольшое, разбросанное далеко друг от друга.

После крушения лайнера такого размера я ожидал увидеть спасательные жилеты, кресла, панели, чемоданы, бутылки, куски дерева и ткани.

Хотя это имело смысл только в том случае, если нас вынесло недалеко от места крушения. А где оно осталось и сколько меня тащило водой, я до сих пор понятия не имел.

Я поднял пластиковый обломок и провёл пальцем возле края.

Край оказался острым: им можно было скоблить, надрезать мягкий материал или что-нибудь поддеть.

Сунул за пояс к полосам ткани и пошёл дальше.

У леса приходилось смотреть под ноги чаще.

Низкие листья свисали почти до лица, корни выходили из земли, по влажной коре ползли чёрные муравьи. На одной ветке лежала зелёная змея — тонкая и ровная настолько, что сначала я принял её за молодой побег.

Она подняла голову, быстро показала язык и замерла.

Я обошёл ветку шире.

Яркая зелёная окраска ничего мне не говорила наверняка, но проверять змею руками всё равно не хотелось.

Над кустами мелькнула крупная стрекоза. Крылья блеснули на солнце, длинное тело отливало синим металлом. Следом в ветках дёрнулась небольшая рыжая птица с острым клювом.

Живности здесь хватало, а значит, теоретически была и еда. Практически я пока не знал, что из местной живности или растений можно есть без последствий.

Растения попадались разные: широкие листья, похожие на комнатные, только раза в три крупнее, пальмы, лианы и мясистые кусты, на сломанных стеблях которых выступал сок. Высокие стебли с плотной зеленью напомнили мне что-то, что жена когда-то пыталась вырастить у веранды. Она постоянно ругалась, что ему не хватает влажности.

Я искал признаки воды: участок более тёмного песка, влажную полосу от леса к морю, понижение между корнями — любой след того, что после дождя сток собирается в одном и том же месте. Пока ничего, только прибой, песок и мелкий мусор.

Через несколько минут рисунок на песке изменился.

Я прошёл мимо, остановился и вернулся на два шага.

Ровные полосы от ветра и мелких ракушек были сбиты.

Я присел. Следы человеческие, и людей было двое. У одного пятка продавлена глубже, шаг широкий. Второй шёл легче: отпечаток меньше и короче, местами неровный.

Они прошли здесь не только что. Края отпечатков успели подсохнуть и начали осыпаться, но прилив до них ещё не добрался.

Я некоторое время рассматривал песок. После пустого берега человеческие следы меня сильно обрадовали, и я пошёл вдоль цепочки.

Отпечатки несколько раз подходили к самой воде, потом возвращались ближе к деревьям. В одном месте расходились, снова сходились. Может, люди что-то искали. Может, выбирали направление.

Потом шаги стали ровнее и ушли к лесу.

Хотелось сразу пойти по следам дальше, но Ирина всё ещё сидела одна под деревом, а воды у нас не было.

Я выпрямился.

— Эй!

Крик быстро потерялся в шуме прибоя.

Подождал.

Ничего.

Крикнул громче:

— Люди! Есть здесь кто-нибудь?!

Только волны.

Я прошёл ещё несколько метров по следам.

— Ау! Отзовитесь!

Никто не отозвался.

Следы привели к зарослям.

Здесь уже можно было видеть, что кто-то действительно входил в лес: мелкая поросль примята, тонкая ветка сломана, несколько листьев раздвинуты на уровне бедра.

На песке всё было понятно, а вот под деревьями нет. Под ногами вместо песка оказались влажная земля, корни и прелые листья. А в глазах даже слегка потемнело после перехода с яркого солнца на пляже в лесную тень.

Первые несколько метров направление ещё угадывалось по смятой траве, грязному отпечатку на корне и сломанному молодому стеблю.

Потом след потерялся.

Листья лежали повсюду. Корни тоже. Примятая трава могла остаться после человека, зверя, дождя — чего угодно.

Я остановился и снова крикнул:

— Эй! Люди! Отзовитесь!

Голос быстро затих между деревьями.

Никто не ответил.

Я присел и ещё раз осмотрел землю.

Сначала можно было решить, что они пошли вправо, через минуту — что влево. Если посмотреть подольше, чудился прямой маршрут между двумя стволами.

Я уже скорее гадал, чем читал следы. На песке оставались понятные отпечатки, здесь передо мной были только листья, корни и грязь. Опыта следопыта у меня не было.

Запомнил место: два кривых ствола рядом, сухая пальмовая ветка на земле и плоский серый камень у входа в заросли.

— Чем дальше в лес, тем толще партизаны, — пробормотал я.

Кто оставил следы и сколько времени прошло, я не знал. Если сейчас полезу глубже и сам потеряю направление, от такой разведки пользы не будет.

Я крикнул ещё раз:

— Если слышите — отзовитесь!

Я подождал, но из леса никто не отозвался, и вернулся на пляж.

После полумрака под деревьями солнце ударило в глаза. Зато пространство снова читалось целиком: песок, вода, каменный выступ впереди.

Я продолжил путь к нему.

Теперь смотрел не только на возможные следы воды.

Искал новые отпечатки, ткань, крупные обломки, вещи — любое подтверждение, что эти двое не единственные люди, прошедшие здесь.

Несколько раз что-то похожее на след заставляло остановиться.

Каждый раз это оказывались раковины или крабы ямки — ничего человеческого.

Потом пришёл звук.

Резкий, без предупреждения.

Я остановился.

Сначала показалось, что он пришёл справа. Через мгновение — что слева. Определить направление не получалось.

Звук был тяжёлым, ломким и широким.

Так могла бы треснуть под нагрузкой огромная плита, толстая балка или другая часть конструкции.

И почти сразу вспомнил, где слышал нечто похожее: на корабле, перед тем как всё пошло к чёрту.

Птицы в зарослях смолкли. Даже постоянный шорох листьев на несколько секунд почти исчез — или мне так показалось.

Я поочерёдно повернулся к морю и к лесу, но ничего не увидел.

На воде не было новой волны или крупного движения. Со стороны камней ничего не осыпалось. В лесу тоже ничего заметного не произошло.

Но такой звук не мог возникнуть сам по себе.

Я ждал.

Повтора не было.

Между лопатками стянуло знакомым напряжением.

— Ну вот, — сказал я тихо. — Не было печали... Нууу... так бывает.

В принципе, можно было уже возвращаться, но каменный выступ был совсем рядом. Я решил дойти до него и потом повернуть обратно.

Через несколько минут я заметил, что идти стало ощутимо легче. Не просто привык к движению — слабость, с которой я вышел на берег, действительно отступала. Шаг стал увереннее, и с каждой минутой тело словно возвращало силы.

Это было ненормально. После нескольких часов в воде и перехода через риф я должен был слабеть, особенно без отдыха, еды и воды. Вместо этого состояние довольно быстро улучшалось. Я отметил это про себя, но объяснения у меня не было.

Горло высохло и стало шершавым. Язык ощущался тяжёлым. Всё чаще взгляд цеплялся за влажный блеск на листьях и тёмные участки земли.

У самой кромки леса росло растение с зелёными кувшинами.

У кувшинов были толстые гладкие края, а внутри нескольких поблёскивала жидкость.

Я остановился. В одном кувшине плавало что-то чёрное — насекомое или то, что от него осталось. И всё равно уже сделал к растению полшага, когда поймал себя на этом.

Внутри незнакомого растения мог быть сок, какой-нибудь раствор или что-то раздражающее и ядовитое. Пить это, не зная даже, что передо мной, было безумием.

Я задержал взгляд на блеске внутри и сглотнул. Во рту от этого влажнее не стало.

— Не пей, Иванушка, — сказал я себе. — Козлёночком станешь.

Я отвернулся от растения и пошёл дальше.

Если пресной воды рядом не окажется, придётся выпаривать морскую и собирать конденсат. Для этого понадобятся костёр и подходящая ёмкость. Воды получится мало, времени уйдёт много, но это по крайней мере стопроцентный результат.

Каменный выступ впереди наконец показался целиком.

Вблизи он оказался почти отвесной стеной метров двадцать высотой. У воды камень был тёмный и гладкий от постоянного прибоя. Выше поверхность становилась светлее и грубее, в трещинах торчала жёсткая трава.

Лезть прямо здесь не стоило, поэтому я уже собирался искать обход или разлом вдоль основания скалы, когда заметил чемодан.

Он лежал боком на плоском каменном уступе чуть выше воды. Брызги до него долетали, но волна целиком не накрывала.

Жёсткий голубой пластиковый корпус был поцарапан и ободран, но выглядел целым.

Наконец что-то действительно полезное.

Я осторожно спустился.

Под ногами камень оказался скользким. Волны здесь были слабее, чем на рифе, но одного неудачного шага хватило бы, чтобы съехать вниз.

Чемодан застрял между двумя выступами, но ручка была цела. Я потянул, и он поддался легче, чем ожидал: вес почти не чувствовался. Поставил его выше, на сухой камень, открыл замки — щёлкнули оба. Сверху лежал длинный белый сюртук.

Ткань плотная, хорошая, почти вся грудь и один бок залиты красным. Судя по пятну и запаху — вином. На корабле такую вещь, наверное, уже проще было бы списать, чем отчищать.

Под сюртуком лежала запечатанная пачка влажных салфеток.

Рядом лежал небольшой футляр. Я открыл его.

Внутри оказался маникюрный набор: ножницы, пилочка, тонкая лопатка, щипчики и пинцет. Хотя находка выглядела смешно, я обрадовался. Мелкий инструмент здесь ещё вполне мог пригодиться.

На дне перекатывалась небольшая, почти полная бутылочка. Я взял её — на секунду всё равно мелькнула надежда, что внутри вода. На этикетке было написано: «Жидкость для снятия лака».

Я осмотрел сам чемодан. Корпус целый, крышка закрывается нормально. В него можно складывать найденное, а если пойдёт дождь, хотя бы часть вещей останется сухой.

Только где он, этот дождь? Сейчас бы я ему был рад.

Следом достал сюртук. Плечи и спина уже горели; ещё несколько часов под таким солнцем — и можно серьёзно обгореть.

Сюртук оказался тяжёлым и влажным от морской воды. Полы были длинноваты, рукава мешали, а мокрая белая ткань с красным пятном сразу прилипла к плечам и спине.

Со стороны я, наверное, выглядел как сбежавший дирижёр после неудачной драки. Ну и ладно. Главное, солнце больше не жарило прямо по коже.

Я подвернул рукава, сложил салфетки, маникюрный набор и бутылочку внутрь, защёлкнул чемодан, взял его за ручку и пошёл обратно.

Глава 5. Кажется, живём

Первый день после крушения • Ирина / Владимир

Ирина

Я проснулась от хруста веток совсем рядом. Кто-то продирался к пляжу без всякой осторожности.

Я замерла, потом попыталась сесть ровнее. Нога сразу ответила такой болью, что пришлось вцепиться пальцами в корень и переждать, пока перед глазами перестанет темнеть.

Шорох приближался. С такой ногой я не могла ни уйти, ни спрятаться.

Под рукой лежала сухая палка — короткая, трухлявая, больше похожая на остаток ветки, чем на оружие. Но пустые руки были хуже. Я перехватила её одной рукой, а второй подтянулась ближе к стволу.

Кусты передо мной дёрнулись, через секунду ещё раз.

Из зелени вышел человек.

Он споткнулся о корень, ухватился за ствол, шумно втянул воздух и только после этого увидел меня.

Невысокий, плотный, весь мокрый от пота. Короткая борода торчала неровно, над висками блестели большие залысины. Клетчатая рубашка прилипла к животу, брюки были в грязи и листьях, через плечо висела потёртая коричневая сумка.

В этом лесу он выглядел так же неуместно, как рыбак в болотных сапогах в банке.казалось, он шёл на какую-то деловую встречу, но где-то заблудился и оказался здесь.

Он посмотрел на палку в моих руках.

— Ой, только не надо, — прохрипел он. — Я сегодня с деревьями уже достаточно близко познакомился.

Палку я не опустила и не придумала ничего умнее, чем спросить:

— Вы с лайнера?

— Если честно, я сам уже не совсем уверен, откуда я. Но начиналось всё с лайнера, да.

Он поправил очки, оглянулся на лес и только потом опустил палку чуть в стороне от меня, оставив между нами приличное расстояние.

— Юрий Моисеевич, — представился он. — В других обстоятельствах я бы встал, поклонился и постарался произвести впечатление получше. Но сегодня давайте без церемоний.

— Ирина.

— Очень приятно. Хотя сегодня слово «приятно» звучит слегка инородно.

Он попытался улыбнуться.

Получилось устало.

Я всё ещё смотрела на лес за его спиной.

— Вы оттуда вышли?

— Да. Но с пляжа я туда не заходил. Очнулся прямо в лесу — лицом в землю, очки в грязи, вокруг корни и листья.

Он провёл ладонью по лицу.

— Первое, что подумал: меня после крушения занесло туда водой. Только рядом не было ни берега, ни следов, что туда вообще доходила волна.

Мне стало не по себе.

— Далеко от моря?

— Не знаю. Если бы очень далеко, я бы сюда не дошёл. Но море увидел не сразу. Когда очнулся, вокруг никого не было, по дороге тоже никого не встретил. Просто пошёл под уклон. Иногда ошибался, снова спускался, пока в какой-то момент не стало слышно море.

Он помолчал.

— Как я там оказался — понятия не имею.

Шутки в голосе больше не было.

Я посмотрела на его брюки, рукава, ссадины на руках. К ткани прилипли листья, колени были в грязи.

Юрий Моисеевич заметил мой взгляд.

— Если вы спрашиваете, был ли у меня более умный план, то нет.

Я чуть ослабила хватку.

— А по дороге хоть что-нибудь попало? Другие люди, обломки? Может, вода?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Обломков не видел. Людей тоже. Земля местами влажная, листья мокрые. Но нормальной воды не нашёл. Со следами ещё хуже. Я всю жизнь матрасами занимался, а не охотой. Свои следы там оставил точно. Чужие мог пройти и не понять.

Он не пытался додумывать то, чего не видел.

Это мне понравилось.

— Здесь ещё человек, — сказала я. — Владимир. Ушёл на разведку вдоль берега.

— Случайный попутчик?

Я помолчала.

— Он помог мне выбраться через риф.

Юрий Моисеевич посмотрел на ногу.

— Тогда вовремя вам попался.

Сказал уже без поддёвки.

Он осторожно опустил сумку между коленями и открыл.

— Давайте посмотрим, что у меня вообще осталось.

Первой достал литровую пластиковую бутылку. На дне плескалось совсем немного воды.

От одного её вида во рту стало ещё суше.

Я заставила себя не тянуться за бутылкой.

Юрий Моисеевич посмотрел на воду, потом на меня. Сделал маленький глоток. Ещё один, меньше. Закрутил крышку, подержал бутылку в руке и протянул.

— Пейте.

— Вам самому вода нужна.

— Мне самому сейчас много чего нужно. Вы пейте, пейте.

Я взяла бутылку, спорить не хотелось.

Вода была тёплая, с привкусом пластика. Первый глоток сделала слишком быстро. Второй тоже.

На третьем заставила себя остановиться.

Вернула.

Юрий Моисеевич оценил остаток, тяжело вздохнул и убрал бутылку.

— Спасибо.

— Вот и хорошо. Пустую не выбрасываем. Здесь она уже имущество.

Потом начал доставать остальное.

Из сумки появились тканевый платок, маленькая коробочка таблеток, запасные очки в жёстком футляре, неполная упаковка галет, блокнот с ручкой и папка с документами. Из бокового кармана Юрий Моисеевич достал кошелек, а следом — телефон с кабелем. Попробовал включить его, но через несколько секунд оставил эту затею.

— Промок, — с сожалением констатировал Юрий Моисеевич.

Он убрал телефон обратно.

На галетах мой взгляд задержался дольше, чем хотелось бы.

Юрий Моисеевич это заметил и сначала посмотрел, сколько их осталось.

— Не бог весть какая еда. Пока оставим. Владимир вернётся — посмотрим, что он нашёл, и решим.

Последним Юрий Моисеевич достал складной нож.

Нож был небольшой и самый обычный, но лезвие осталось целым и острым.

Я посмотрела на нож, потом на ногу. Юрий Моисеевич проследил за взглядом.

— Перевязать хотите?

— Да, эта повязка ослабла. Ткань есть?

Он поднял платок.

— Есть вот это. Стерильностью там не пахнет.

— Сейчас и операционной нет.

— Тоже верно.

Он протянул мне платок, а сложенный нож положил на корень между нами. Я это отметила.

Я взяла нож. Раскрыть получилось не сразу: пальцы дрожали, ноготь соскальзывал с выемки.

Юрий Моисеевич чуть подался вперёд, но остановился и не полез помогать. Хорошо.

Платок оказался плотным, с мелкими цветами по краю. В другой жизни я бы, наверное, ещё подумала, жалко ли его резать.

Здесь просто разрезала на полосы.

Сняла старую мокрую ткань.

Голеностоп выглядел хуже, чем раньше. Отёк расплзся вокруг щиколотки, кожа натянулась.

Я попробовала намотать новую полосу.

Первый раз не получилось. Ткань легла слишком высоко, я затянула её и почти сразу почувствовала, как сильнее запульсировала стопа.

Пришлось снять.

— Давайте помогу, — сказал Юрий Моисеевич.

— Не надо, спасибо.

Он поднял руки.

— Хорошо. Не трогаю.

Я выдохнула через зубы и попробовала снова.

Обвела ткань ниже, потом крестом через подъём стопы и закрепила вокруг лодыжки.

Новая повязка зафиксировала стопу, и нога перестала болтаться при каждом движении.

Я сложила нож и положила его обратно на корень между нами.

Юрий Моисеевич взял его и посмотрел на повязку.

— Ну как, лучше?

— Немного.

— Это обнадеживает.

Он положил нож рядом с коленом, чтобы можно было быстро взять.

— Если вы очнулись прямо в лесу, туда могло выбросить и других людей с корабля.

Юрий Моисеевич ударил себя по руке, убивая какое-то насекомое, затем посмотрел в сторону деревьев.

— Могло. И если они очнулись в таком же состоянии, как я, далеко не ушли.

— Вы кричали?

— Конечно. Пока здоровье голосовых связок позволяло. Потом организм решил, что спасательная операция с моей стороны окончена. Если кто-то отвечал издали, я уже мог не услышать.

Я сразу вспомнила отмели: ветер, волны и то, как быстро там терялся любой крик.

Юрий Моисеевич взял галету, повертел в пальцах, разломил пополам и одну часть протянул мне.

— Ешьте.

— Вы же сказали подождать.

— Остальные оставим на чёрный день. Хотя есть подозрение, что он уже наступил. Так что эту съешьте, будем надеяться, хуже не станет.

— А вам?

— Я вторую половину съем. Большого праздника не получится ни у кого.

Пришлось взять.

Галета была сухой, крошилась во рту и сразу потребовала воды, которой почти не осталось.

Но после первых крошек пустой желудок болезненно сжался, а потом немного отпустил.

Юрий Моисеевич ел медленно и время от времени поглядывал на пляж.

— Давно он ушёл?

— Не знаю.

После рифа я совсем потеряла чувство времени. Десять минут могли оказаться двадцатью, полчаса — часом.

— В какую сторону?

Я показала вдоль берега.

— Туда. Сказал, сначала пройдёт по пляжу и краю леса.

Юрий Моисеевич посмотрел в указанную сторону.

— Логично. По лесу сейчас без нужды лучше не гулять.

Мы некоторое время сидели молча.

Пляж слепил впереди.

Юрий Моисеевич складывал вещи обратно без спешки, но каждую на своё место: бутылку сбоку, таблетки глубже, очки в футляре.

Нож оставил ближе.

Сильным Юрий Моисеевич не казался и через риф вряд ли смог бы кого-то вытащить, но растерянности в нём тоже не было.

Потом на пляже появилась фигура.

Сначала тёмное движение на белом песке.

Через несколько секунд я узнала Владимира.

В одной руке он нёс голубой чемодан на колёсиках — настолько неуместный здесь, что на мгновение снова вспомнились аэропорты и багажные ленты. Под мышкой торчал большой плоский камень. На голом теле был длинный белый сюртук с огромным красным пятном.

Я уставилась на него.

Владимир подошёл ближе.

Сюртук был грязный, мокрый, рукава подвёрнуты. Чемодан катить по песку он не пытался — просто нёс за ручку.

Камень выглядел тяжёлым. Зачем Владимир тащил его обратно, я пока не понимала.

У тени Владимир остановился.

Взгляд сразу прошёл по мне, новой повязке, бутылке возле корня.

Потом он увидел Юрия Моисеевича.

— Добрый день.

Юрий Моисеевич поднялся.

С кряхтением, но вполне достойно. Одёрнул пиджак и протянул руку.

— Юрий Моисеевич.

Владимир поставил чемодан.

— Владимир.

Они коротко пожали руки.

Юрий Моисеевич успел осмотреть сюртук, чемодан, камень и разбитую ладонь.

Владимир тем временем скользнул взглядом по его сумке, бутылке, моей новой повязке и ножу возле корня.

— Скажите, Владимир, — Юрий Моисеевич кивнул на сюртук, — это находка или новая форма одежды для потерпевших кораблекрушение?

Владимир посмотрел на себя.

— От солнца.

— А. Тогда никаких вопросов.

Юрий Моисеевич ещё раз посмотрел на красное пятно.

— Хотя один всё-таки есть. Красное — кровь?

— Вино.

— Уже лучше.

Владимир ничего не ответил.

Положил плоский камень рядом с чемоданом и сел на корень.

Я посмотрела на его руки и лицо.

Свежей крови я не увидела, и это уже было хорошо.

— Как сходил?

— Воду не нашёл. Зато есть следы. Два человека прошли по пляжу и ушли в лес.

Начал с воды — именно о ней я думала перед сном, — а потом заметил повязку.

— Ногу перевязали?

— Да. Юрий Моисеевич дал платок. И немного воды.

Владимир посмотрел на него.

— Хорошо.

— Воды там было несколько глотков, — сказал Юрий Моисеевич.

Владимир кивнул и снова повернулся к нам.

— Я по следам немного прошёл. На песке всё было понятно, а вот в лесу дело обстояло иначе. Метров через пятнадцать уже начал скорее угадывать, куда они двигались.

— Значит, прошли недавно, — сказал Юрий Моисеевич.

— Не факт. Вроде не очень давно, но точнее не скажу.

— Ты их звал? — спросила я.

— Покричал, конечно, но никто не ответил. В лесу на голос надежды нет. Пока выбирался, чуть не охрип, а толку никакого.

Владимир немного помолчал.

— Меня, честно говоря, больше взволновал треск. Похожий я слышал перед крушением.

Юрий Моисеевич сразу посмотрел на него.

— А я подумал, что мне показалось. Уже даже сомневаться начал.

— А я не слышала.

Похоже, проспала. У меня неприятно сжалось внутри. В памяти сразу всплыли металл, крики и палуба, уходившая из-под ног.

— Я так и не понял, откуда он шёл. Сначала показалось, что сбоку, со стороны берега, потом уже не был уверен. И на дерево не похоже. Звук тяжёлый, будто ломается что-то большое.

Юрий Моисеевич кивнул.

— У меня то же самое. Громко, а направления нет.

На этот раз он говорил совсем без улыбки.

— Может, обвал? Или дерево? — спросила я.

— Обвал — может быть. На дерево не очень похоже, но исключать не буду.

Я посмотрела на Владимира.

— Когда мы пойдём искать людей по следам?

— После того как найдём воду. Место я запомнил. Но если сейчас полезу глубже, через несколько минут опять потеряю след и просто уйду в лес без воды и без направления. Сначала найдём, чем утолить жажду. Потом вернёмся.

Мне это не понравилось.

— Раз уж заговорили о воде, у меня есть к вам кое-что, — сказал Юрий Моисеевич.

— Когда выбирался из леса, мне какое-то время казалось, что я слышу воду.

— Почему раньше не сказали? — спросила я.

— Потому что слово «вода» здесь пока слишком громкое. Я слышал звук, похожий на ручей. Самого ручья не видел. На море не похоже: оно здесь гудит со всех сторон, а там звук шёл будто из одного места. Как будто вода течёт по камням или земле.

Владимир посмотрел на лес.

— Направление помните?

Юрий Моисеевич повернулся к лесу и некоторое время смотрел между стволами.

— Очень приблизительно. Где-то там. Я мог петлять: тогда моей главной задачей было выйти из леса, а не запомнить дорогу обратно.

Мы с Владимиром ещё несколько секунд смотрели между стволами. По его лицу я так и не поняла, поверил он Юрию Моисеевичу насчёт ручья.

— Зато пальму я помню точно, — сказал Юрий Моисеевич. — Кокосовую, с плодами. Недалеко от места, где я вышел. Я ещё постоял под ней и подумал о несправедливом устройстве природы. Еда есть, но располагается с явным неуважением к людям моего роста.

Владимир поднялся, всё-таки оперевшись рукой о ствол. Я это заметила, но ничего не сказала.

— Покажете, где она? Далеко отсюда? — спросил он.

— Покажу. Если правильно помню, несколько минут.

Владимир посмотрел на лес, потом на Юрия Моисеевича.

— Тогда сначала туда.

— А возможный ручей? — спросила я.

— Пальму он видел. Ручей только слышал.

— Кокосы хотя бы дадут жидкость?

— Если нормальные — должны. Сначала доберёмся до них, потом разберёмся, как открыть.

Владимир присел возле чемодана и подвинул его глубже между корней.

— Это оставим здесь. Внутри влажные салфетки, маникюрный набор и жидкость для снятия лака.

Он коротко посмотрел на мою ногу и сразу отвёл взгляд.

— Мы недалеко. Если со стороны пляжа кто-нибудь появится — крикни. И в лес лучше не заходи: там и на здоровых ногах легко потерять направление.

На этот раз в его словах слышался собственный опыт.

— Поняла. В лес не полезу.

Владимир кивнул.

Юрий Моисеевич убрал нож, без дальнейших слов закинул сумку на плечо.

— Ну что, проводник из меня сегодня сомнительный, но пальму постараюсь не потерять второй раз.

— Показывайте, — сказал Владимир.

Они ушли в лес.

Владимир впереди, Юрий Моисеевич немного позади — тяжелее, осторожнее, временами цепляясь пиджаком за ветки.

Листья быстро закрыли сначала спины, потом движение плеч, а через несколько секунд из зарослей доносился только треск веток.

Я подтянула голубой чемодан ближе и положила ладонь на крышку.

Владимир

Юрий Моисеевич шёл медленнее, чем хотелось, но быстрее, чем я ожидал. Он то и дело освобождал рукав, придерживал сумку, переступал через корни и вполголоса ругался, когда очередная ветка хлестала по лицу, однако не отставал.

Учитывая, что совсем недавно он сам неизвестно откуда выбирался через этот лес, держался нормально.

Пока мне от него требовалось немного: показать дорогу и не потеряться второй раз, и с этим он справлялся.

— Сюда? — спросил я.

Юрий Моисеевич остановился.

Перед нами стояли два почти одинаковых ствола. Между ними расходились два просвета, один темнее, другой чуть шире.

Он посмотрел сначала направо, потом налево.

— Если я сейчас скажу уверенно, вы ведь всё равно мне не поверите?

— Нет.

— И правильно. Кажется, левее.

Мы пошли левее.

Лес здесь был плотнее, чем у пляжа. Земля влажная, под листьями мягкая. Толстые корни местами лежали поверх неё, и приходилось постоянно смотреть под ноги.

В одном месте кроссовок провалился в тёмную гниль почти по щиколотку.

Я выдернул ногу с чавканьем.

Пахло соком раздавленных стеблей. Воздух был тяжёлым, почти неподвижным.

Воды не было слышно, хотя мы шли примерно через тот участок, откуда, по словам Юрия Моисеевича, мог доноситься её звук.

Мы познакомились меньше часа назад, а Юрий Моисеевич уже говорил со мной слегка панибратски. Я такое не люблю. В другой ситуации, наверное, осадил бы. Сейчас только отметил про себя: привычка это у него или такая манера прощупывать человека — не время разбираться.

— Вы точно слышали воду? — спросил я.

— Владимир, я точно слышал что-то, что очень хотел принять за воду. Это всё-таки не одно и то же. Честность неприятная вещь, зато потом меньше претензий.

Прошли ещё немного.

Зелень впереди стала светлее. Между деревьями появился небольшой просвет.

Юрий Моисеевич остановился.

— Вот.

Передо мной стояла высокая пальма. Ствол уходил вверх почти без изгиба, ровный, с поперечными рубцами от старых листьев. Крона поднималась над соседними деревьями, а под ней висело несколько крупных зелёных плодов, тяжёлых на вид. Кокосы могли дать хоть немного жидкости, поэтому находка была кстати.

Я подошёл ближе, провёл ладонью по влажной коре и прикинул высоту. До нижних плодов было метров десять, может, больше. Длинной палкой не достать. Камнем можно попы-

таться сбить, но плоды держались крепко, а сил на десятки бросков у меня не было. Лезть по стволу без какой-либо страховки тоже не хотелось: если сорвусь с такой высоты, одними ушибами вряд ли отделаюсь.

Где-то я видел, как на такие пальмы забираются, кажется, в какой-то передаче про тропики, местных жителей или сбор урожая. Человек одной петлёй связывал ноги, чтобы упереть ступни в пальму с двух сторон, а вторую держал руками вокруг ствола.

Я посмотрел на свой ремень, потом на Юрия Моисеевича.

Он перехватил взгляд и сразу положил ладонь на пряжку.

— Нет.

— Да. Нужен второй ремень.

— Владимир, вы сейчас смотрите на последний бастион цивилизации.

Я снял свой ремень и показал ему. Кожа промокла, но держала нормально, а длины должно было хватить на петлю для ног. Второй ремень нужен был для рук вокруг ствола.

Юрий Моисеевич посмотрел на кокосы, потом на свой ремень и снова на меня.

— Я хочу зафиксировать: передача недобровольная.

— Зафиксировали.

Он вздохнул, расстегнул ремень и сразу придержал брюки рукой.

— Вот. Пользуйтесь.

Я взял его и проверил кожу и пряжку. Ремень был крепкий, пряжка металлическая, не декоративная. Для задуманного должно хватить.

Я связал ноги своим ремнём так, чтобы ступни могли упираться в ствол с двух сторон, а ремень Юрия Моисеевича пустил вокруг пальмы для рук. Проверил обе петли, несколько раз потянул. Вроде держат.

Юрий Моисеевич отошёл чуть в сторону. Одной рукой придерживал сумку, второй — брюки.

Я поставил ступни к стволу и подал вес вперёд, но ноги почти сразу съехали. Ремень врезался через мокрые джинсы, разбитая ладонь вспыхнула под обмоткой, и я сполз почти туда же, откуда начал.

Юрий Моисеевич деликатно кашлянул.

— Это вы так задумали?

— Нет, это я так попробовал.

— Это, конечно, меняет суть дела, но, к сожалению, не результат.

Я переставил ноги шире. В первый раз слишком много тянул себя руками. Теперь сильнее упёрся ступнями в ствол, а верхней петлёй только удерживал корпус.

Попробовал снова: упёрся ногами, подтянулся, передвинул ручной ремень выше и следом переставил ноги. На этот раз поднялся — немного, но получилось. Повторил движение, потом ещё раз.

Ритм постепенно нашёлся. Я упирался ступнями в кору, выпрямлял ноги, переставлял ремень выше и подтягивал корпус. Сюртук мешал: длинный край цеплялся за ствол, пару раз ткань потянула назад, поэтому пришлось зажать полу локтем. Рёбра отзывались на каждое движение.

Я старался не смотреть вниз. Крона медленно приближалась, метр за метром, и главное — способ работал. В какой-то момент заметил, что Юрий Моисеевич внизу перестал разговаривать. Лучше бы шутил. Если уж он молчал, я решил, что и ему высота кажется вполне достаточной.

До нижних листьев оставалось совсем немного. Я передвинул ноги, и ремень чуть пополз вниз. Сдвинулся всего на несколько сантиметров, но подошвы сразу потеряли часть упора. Я сильнее вжал их в ствол и замер, повиснув между двумя петлями. Разбитую ладонь затрясло.

— Владимир, всё хорошо? — донеслось снизу.

— Тихо.

Юрий Моисеевич замолчал.

Я медленно выдохнул через зубы, подтянул ручную петлю выше и снова нашёл ступнями опору. Ещё одно движение, последний рывок — и я добрался до нижних листьев.

До ближайшего плода можно было дотянуться одной рукой. До следующего тоже, но пришлось бы слишком сильно отклоняться от ствола.

Не стоит.

Я закрепился как мог и схватил первый плод.

Дёрнул вниз — ничего. Попробовал ещё раз, но черешок держал крепко. Нож остался у Юрия Моисеевича.

Молодец.

Я перехватил кокос двумя руками и начал поворачивать вокруг основания.

Кожура скользила, плечо свело почти сразу, а под ногами опять чуть сдвинулся ремень. Я сильнее прижал ступни к стволу и повернул плод ещё раз. Что-то хрустнуло.

— Да, зараза, падай.

Ещё рывок — и кокос сорвался. Я едва не упал за ним следом.

Юрий Моисеевич отскочил очень проворно для своего возраста. Плод ударился в землю почти возле его ног, подпрыгнул и укатился в листья.

— Замечательно, — донеслось снизу. — Теперь ещё и сверху прилетает.

Я не ответил.

Второй кокос поддался легче, третий пришлось крутить дольше. На четвёртом пальцы уже плохо держали кожуру, рука слабела, хотя наверху оставались ещё плоды.

Хватит. Четыре лучше, чем пять и падение с пальмы.

Я начал спускаться и сразу понял, что вниз неприятнее.

Пока лез вверх, смотрел только на следующий участок ствола. Теперь достаточно было один раз глянуть между ног, чтобы вспомнить высоту.

Я переставлял ремень медленнее.

Руки и ноги я переставлял по очереди, каждый раз перенося вес только после нового упора.

Не спешить.

На середине правая ступня сорвалась, и тело резко ушло вниз. Верхняя петля ударила под мышки, колено врезалось в ствол, из груди вышибло воздух. Я повис.

— Жив? — спросил Юрий Моисеевич.

— Вроде да.

Он помолчал.

— Хорошо. Держитесь этой тенденции.

Я снова нашёл ступней кору, вернул упор и дальше спускался ещё осторожнее.

Последний метр я почти съехал по стволу, но уже мог контролировать скорость. Когда ноги коснулись земли, колени подогнулись, и пришлось несколько секунд постоять, держась за пальму.

Юрий Моисеевич подошёл к лежавшим на земле четырём кокосам. Одной рукой он всё ещё придерживал брюки.

— Я вам хочу сказать, Владимир, что никогда не уважал остросюжетные представления, и сейчас зрелище было сомнительное. Но результат, признаюсь, убедительный.

Я снял с ног свой ремень и вернул ему второй. Юрий Моисеевич сразу продел его обратно, застегнул и только после этого отпустил брюки.

Я поднял ближайший кокос. Плод оказался тяжёлым. Потряс его и отчётливо услышал плеск внутри. На секунду мы оба замолчали.

— Ну что там? — спросил Юрий Моисеевич.

Я потряс кокос ещё раз. Жидкость внутри была точно.

— Кажется, живём.

Проверил остальные по очереди. Во втором тоже плескалось, потом в третьем и четвёртом. Все четыре оказались с жидкостью.

Глава 6. Первые люди

Первый день после крушения. Владимир

С кокосами оставалась одна проблема — до воды внутри ещё нужно было добраться. Если просто расколоть плод о камень, часть жидкости уйдёт в землю. После истории с бутылкой повторять такой фокус не хотелось.

Я присел возле ближайшего кокоса. Он был зелёный, тяжёлый, внутри отчётливо плескалась вода. Покрутил его в руках и огляделся.

Рядом из земли выступал камень с шероховатой кромкой. Она была тупой, но достаточно грубой, чтобы стирать волокнистую оболочку.

Я прижал к ней кокос и несколько раз провёл туда-сюда. Поначалу ничего не происходило, только сам плод норовил выскользнуть из рук. Потом зелёная кожура начала сходить волокнами. На камне оставались длинные светлые нити, под пальцами липла влажная крошка.

Я повернул кокос и продолжил, пока под зелёным слоем не показалась более плотная светлая оболочка. Дальше тереть не стал.

Нашёл рядом небольшой камень с более тонким краем, зажал плод коленом и начал пристукивать очищенное место. Первые удары только смяли оставшиеся волокна. Я сменил угол и попробовал ещё раз. Через несколько ударов на светлой поверхности появилась мокрая точка.

Осторожно поддел её краем камня. Отверстие получилось маленьким, но почти сразу выступила вода.

Я поднёс кокос к губам и отпил совсем немного.

Прохладная. Чуть сладковатая, без кислоты и какого-нибудь неприятного привкуса. Ничего подозрительного.

Хотелось выпить всё сразу, но я ограничился ещё несколькими глотками. Горло наконец перестало так сильно саднить.

Юрий Моисеевич всё это время следил за мной с таким вниманием, будто по моему лицу собирался определить, можно ли жить дальше.

— Нормальная, — после небольшой паузы сказал я.

— Нормальная — это как? В смысле «не умерли сразу» или пальму уже можно начинать уважать?

— Пить можно.

Я взял второй кокос. С ним получилось быстрее. Теперь я уже примерно понимал, сколько оболочки нужно снять и куда ударить, чтобы добраться до воды и не расколоть плод целиком.

Ладонь под синей обмоткой почти сразу начала гореть сильнее, но движение уже запомнилось.

Юрий Моисеевич помолчал минуты две, а потом всё-таки не выдержал.

— Владимир, я сейчас совершенно вас не тороплю. Я просто нахожусь в состоянии уважительного пересыхания.

— Сейчас.

— Прекрасное слово, когда его говорит человек с вожаемым предметом в руках.

Я пробил отверстие и протянул плод ему. Юрий Моисеевич взял кокос обеими руками.

Первый глоток сделал маленький, почти пробный. Второй побольше. Потом перестал изображать осторожность и пил нормально — глубоко, но без жадности.

Когда опустил кокос, лицо немного ожило. Он выдохнул и посмотрел на плод.

— Ой. Вот это уже не напиток. Это письмо из прежней жизни.

Я сел у ствола.

Рядом лежали ещё два кокоса, остальные оставались наверху. Нужно было добыть ещё и отнести воду Ирине.

Я уже прикидывал, дать рукам несколько минут или лезть сразу, когда со стороны пляжа донёсся крик:

— Эй! Сюда! Мы здесь!

Ирина.

Я поднял голову, и она крикнула снова:

— Владимир!

Я вскочил.

— Что случилось? — Юрий Моисеевич тоже поднялся.

— Не знаю.

Я пошёл на голос почти бегом.

Кокосы и камни остались под пальмой. Корни под ногами мелькали один за другим, ветки били по сюртуку и цеплялись за рукава.

Ирина снова крикнула:

— Здесь! На берегу!

Значит, звала кого-то снаружи. Я прибавил шаг и вскоре вышел к укрытию с другой стороны дерева.

Ирина сидела почти там же, где я её оставил, только теперь опиралась одной рукой о землю и смотрела вдоль пляжа.

— Что случилось?

— Там голоса, — быстро сказала она. — Сначала подумала, что это вы. Потом услышала — кто-то другой. Я крикнула, чтобы не прошли мимо.

Я прислушался. За прибоем и шелестом листьев донёсся далёкий человеческий голос. Слов было не разобрать, но ему кто-то ответил.

Я вышел из тени. После леса белый песок ударил по глазам так, что пришлось прикрыться ладонью. Вдоль берега, со стороны найденных мной следов, шли двое.

Первый был крупным во всём — высокий, широкий в плечах, тяжёлый, с руками и грудью человека, который явно не первый год таскал железо в спортзале.

Второй — подросток. Худой, в светлой грязной одежде, похожей на кухонную форму. Шёл чуть позади и сбоку.

Они тоже заметили меня и остановились. Мы молча рассматривали друг друга через полосу песка.

Я перевёл взгляд на отпечатки под их ногами. Один след был тяжёлый и широкий, второй заметно короче. По размеру шага всё сходилось — похоже, те самые двое.

Крупный мужчина первым поднял руку в коротком приветствии и пошёл дальше.

Когда расстояние сократилось метров до десяти, он заговорил по-английски:

— Hello. Are you from the ship?

(Привет. Ты с корабля?)

Акцент был заметный, похоже, немецкий. Вопрос простой — ответить я мог.

— Yes. I was on the ship.

(Да. Я был на корабле.)

Мужчина подошёл ближе, и теперь его можно было нормально рассмотреть.

На вид ему было чуть за сорок. Короткие тёмные волосы, резкие правильные черты лица. Очень крупный, но без рыхлости — широкая грудь, сильные руки, ровная спина. Одежда была мокрой и грязной, к коже и волосам прилип песок, а держался он всё равно прямо.

— Klaus Reinhardt. I'm German. Major.

(Кlaus Райнхардт. Я немец. Майор.)

Я кивнул.

— Vladimir.

(Владимир.)

Клаус сразу протянул руку. Рукопожатие было крепким и коротким, без попытки давить. После этого он посмотрел мне за плечо, туда, где начиналась тень.

— More survivors with you?

(С тобой есть ещё выжившие?)

— Two. A woman is injured. And an older man.

(Двое. Женщина ранена. И ещё пожилой мужчина.)

Клаус кивнул.

Потом показал на подростка.

— This is Arjun. From the ship. He worked in the kitchen.

(Это Арджун. С корабля. Он работал на кухне.)

Парень быстро наклонил голову.

— Hello.

(Здравствуйте.)

— Hello.

(Здравствуйте.)

Говорил он тихо и осторожно.

На нём действительно была светлая кухонная рубашка, только теперь серая от соли и грязи.

На вид лет пятнадцать, худой, тёмноволосый, с внимательными глазами.

Пока мы говорили, он успел посмотреть на мою перебинтованную ладонь, белый сюртук, проход в лес и следы на песке.

Потом снова встал немного ближе к Клаусу. За него не прятался, но держался рядом.

— We saw your tracks. We followed them.

(Мы увидели твои следы. Пошли по ним.)

— They are mine. I was looking for water.

(Мои. Я искал воду.)

— Did you find any?

(Нашёл?)

— No. Nothing.

(Нет. Ничего.)

Он коротко кивнул.

Улыбка, которой и так почти не было, исчезла окончательно.

— Where is your camp?

(Где ваш лагерь?)

Я показал на деревья.

— There. The woman can't walk.

(Там. Женщина не может идти.)

— We go with you.

(Мы идём с тобой.)

Я отметил это, но спорить было не о чем. Я и сам собирался вести их к остальным. В любом случае живых стало на двоих больше.

Клаус был такой здоровый, будто на нём полжизни поля пахали и при этом не забывали кормить. Конь, одним словом. Арджун работал на кухне и, если это правда, мог разбираться в еде и продуктах.

Сейчас это было важнее манеры Клауса говорить.

Я повернул к лесу.

— Come.

(Пойдём.)

Они пошли за мной.

Клаус держался в паре шагов. Арджун чуть позади него.

До дерева было недалеко, но Арджун шёл осторожно, обходя выступающие корни и то и дело оглядываясь на просвет к морю.

В укрытие я вошёл первым. Клаус шагнул следом и сразу немного замедлился. После открытого пляжа наше место действительно начало напоминать временный лагерь, хотя устроить его мы ещё толком не успели. В тени у дерева лежал голубой чемодан, рядом — плоский камень, а у ствола сидела Ирина с вытянутой больной ногой.

Клаус быстро осмотрел всё вокруг: проход, откуда мы пришли, лес за спиной, вещи у корней. На Ирине задержался дольше, особенно на повязке.

Арджун остановился немного в стороне, чтобы не загораживать проход. Его взгляд почти сразу задержался на чемодане и только после этого на ноге Ирины.

Ирина посмотрела сначала на меня, потом на новых людей и на Клаусе задержалась дольше.

Он представился первым:

— Klaus Reinhardt. I'm German. Major.

(Клаус Райнхардт. Я немец. Майор.)

Ирина чуть подняла брови и ответила по-немецки:

— Oh, ein Offizier. Das ist ja sehr beruhigend.

(О, военный. Это очень обнадеживает.)

Клаус явно не ожидал услышать немецкий и тоже перешёл на него:

— Sie sprechen Deutsch. Gut. Dann wird es einfacher. Was ist mit Ihrem Fuß passiert?

(Вы говорите по-немецки. Хорошо. Тогда будет проще. Что случилось с вашей ногой?)

Ирина коротко ответила ему по-немецки.

Я остался у входа в тень. Кокосы всё ещё лежали возле пальмы, там же оставался Юрий Моисеевич, а воду нужно было принести сюда как можно быстрее.

Клаус между тем снова посмотрел на ногу Ирины.

— Let me see.

(Дайте посмотреть.)

Он шагнул ближе.

Я ответил раньше, чем он успел присесть:

— I checked. Looks like a bad sprain. I don't think it's broken. She cannot step.

(Я смотрел. Похоже на сильное растяжение. Не думаю, что перелом. Наступать она не может.)

Клаус повернул ко мне голову.

Выслушал, но всё-таки опустился рядом с Ириной.

Она посмотрела на него внимательно, однако ногу не убрала.

Клаус осторожно осмотрел повязку, отёк вокруг щиколотки, спросил Ирину что-то короткое по-немецки. Она ответила так же коротко.

Я не понял слов. Судя по короткому обмену, ничего нового они, похоже, не выяснили.

— Es ist trotzdem schön, an so einem schrecklichen Ort eine schöne Frau zu treffen.

(И всё-таки приятно встретить в таком ужасном месте красивую женщину.)

Ирина улыбнулась. Устало, но без прежнего напряжения.

— I found coconuts.

(Я нашёл кокосы.)

Клаус сразу поднял голову.

— Water?

(Вода?)

— Yes. I'll bring them.

(Да. Сейчас принесу.)

Клаус заметно оживился.

Я развернулся к лесу.

За спиной Ирина продолжала что-то объяснять Клаусу по-немецки. Арджун тихо спросил про воду.

Я уже не оборачивался.

До пальмы было недалеко. Если Юрий Моисеевич не пошёл меня искать, должен быть там.

После нескольких часов соли и жары кокосы оставались единственной найденной нами жидкостью, которую можно было пить, так что медлить не хотелось.

Где-то на полпути из зелени вышел Юрий Моисеевич.

Я остановился.

В руках у него было пять кокосов.

Пять.

Он прижимал их к груди и животу, удерживая предплечьями. Сумка висела через плечо и съехала почти на спину. Один кокос был заметно меньше остальных, другой весь в земле, но все выглядели целыми. Юрий Моисеевич дышал тяжело, и руки у него уже начинали подрагивать от веса.

Под пальмой я оставил два неоткрытых кокоса.

Я точно это помнил.

— А это вы как сделали?

Юрий Моисеевич остановился напротив и несколько секунд восстанавливал дыхание.

Потом посмотрел на кокосы у себя в руках.

— Владимир, скажем так: при наличии серьёзной мотивации и некоторого стечения обстоятельств хозяйственная мысль иногда находит нетривиальные формы реализации.

Я подождал, но он замолчал.

Один плод начал выскальзывать. Я забрал у него два.

— У нас ещё двое появились.

Юрий Моисеевич сразу стал серьёзнее.

— Это те, чьи следы ты видел?

— Ага. Те следы, которые я нашёл. Немец и парень с кухни. Клаус Райнхардт. Майор. Или бывший майор, я не понял. Второй — Арджун. Индиец, лет пятнадцать.

— Майор, значит.

Юрий Моисеевич поправил оставшиеся кокосы, и мы пошли обратно.

Кокосы он не отдал и помощи не попросил. Я тоже не лез.

Когда вышли к укрытию, Клаус стоял у границы тени, Арджун сидел возле чемодана, но вещи не трогал. Клаус окинул взглядом кокосы, но спрашивать ничего не стал. Юрий Моисеевич опустил свою часть на песок.

— Прошу заметить: материальная база нашего предприятия внезапно продемонстрировала рост.

Я положил остальные рядом и подтянул плоский камень.

— Откуда рост, потом разберёмся.

Я взял первый кокос.

Со следующими кокосами дело пошло быстрее.

Вода выступила почти сразу. Я протянул кокос Ирине.

— Пей.

Она взяла обеими руками.

На этот раз никаких разговоров о том, кому нужнее, не было. Пила быстро, несколько глотков подряд. Потом сама остановилась и вернула кокос.

— Хватит. Остальным тоже надо.

Я ничего не сказал, вскрыл следующий и протянул Клаусу.

— Danke.

(Спасибо.)

Он выпил немного и сразу передал кокос Арджуну.

Парень сначала посмотрел на Клауса, только потом взял.

Он сделал два больших глотка, закрыл глаза и медленно выдохнул через нос. Плечи заметно расслабились.

Я открыл ещё один и протянул Арджуну.

— Arjun. Drink.

(Арджун. Пей.)

— Thank you.

(Спасибо.)

В этот раз пил дольше.

Юрий Моисеевич получил следующий кокос.

— Вы мне только не предлагайте пить маленькими глотками, — сказал он, принимая плод. — Я уже взрослый и могу самостоятельно испортить себе дисциплину.

Последний кокос решили пока не открывать.

После воды стало тише.

Клаус поднялся, и остальные почти одновременно посмотрели на него. Он оглядел пляж, лес и наши вещи.

На несколько секунд под деревом действительно возникло что-то вроде совещания. Только вместо карты был песок, вместо стола — голубой чемодан, а участники ещё недавно не знали друг о друге.

Юрий Моисеевич протёр очки краем рубашки.

— Чувствую, сейчас будет организационная часть.

Клаус слов не понял, но по интонации, похоже, уловил, что речь о нём. Он посмотрел на Юрия Моисеевича, потом вопросительно — на Ирину.

Она коротко объяснила ему по-немецки, что мы обсуждаем, что делать дальше.

Клаус кивнул и перешёл на английский, чтобы остальные тоже понимали:

— We need some order.

(Нам нужен какой-то порядок.)

С этим я спорить не собирался. Вопрос был в том, что именно он предлагал.

Клаус указал вдоль пляжа.

— We should move. All together. Follow the coast, look for survivors. Maybe find help.

(Нам нужно двигаться. Всем вместе. Идти вдоль берега, искать выживших. Может быть, найдём помощь.)

Я посмотрел на Ирину. С такой ногой далеко она не уйдёт. Юрий Моисеевич только недавно продрался через лес и сейчас сидел, вытянув ноги, а Арджун выглядел так, будто стоит ему прислониться к дереву — и он уснёт. Над пляжем висела дневная жара.

— Not now. Too hot. Irina can't walk, everybody is tired. We don't have enough water for a long walk.

(Не сейчас. Слишком жарко. Ирина не может идти, все устали. Для долгого перехода у нас слишком мало воды.)

— We found water in the forest. A swamp. Arjun and I crossed it, but the water is dirty.

(Мы нашли воду в лесу. Болото. Мы с Арджуном через него прошли, но вода там грязная.)

Арджун кивнул и показал ладонью примерно до колена.

— About here. Maybe deeper. Smells bad.

(Примерно вот так. Может, глубже. Плохо пахнет.)

Кокосов надолго не хватит, а здесь речь шла уже о настоящем запасе воды. Пить из болота напрямую нельзя.

— We can filter it. Then boil it. But we need fire and something for the water.

(Можно профильтровать. Потом прокипятить. Но нужен огонь и какая-нибудь ёмкость.)

Клаус сунул руку в карман и достал небольшую зажигалку.

— Fire is not a problem.

(С огнём проблем нет.)

Он щёлкнул колёсиком. Над пальцами появилось пламя.

Я кивнул.

— Good. Then we need something to boil water in.

(Хорошо. Тогда нужно найти, в чём кипятить воду.)

Клаус убрал зажигалку обратно и посмотрел в сторону леса.

— Then we check it now.

(Тогда проверим его сейчас.)

— Not all together. We move later, when it's cooler. First food. The tide is going out now.

(Не всей группой. Перейти можно позже, когда станет прохладнее. Сначала еда. Сейчас отлив.)

Слово tide пришлось поискать в памяти. Я показал на море и на полосу камней, которая понемногу открывалась вслед за уходящей водой.

Арджун проследил за рукой и неожиданно оживился.

— Crabs?

(Крабы?)

Он показал пальцами клешни, потом указал на камни у воды.

— Under rocks. Small crabs, maybe.

(Под камнями. Может быть, маленькие крабы.)

— You know?

(Разбираешься?)

Арджун кивнул. Показал на себя, потом сделал рукой движение, словно работает ножом.

— Kitchen. Fish... crabs too. I know a little.

(Кухня. Рыба... крабы тоже. Немного разбираюсь.)

До этого он в основном слушал взрослых, а теперь заговорил сам и уже не посматривал на Клауса после каждой фразы.

— Вот и выяснилось, кто здесь действительно получил полезное образование, — сказал Юрий Моисеевич.

Арджун русского не понял.

Ирина не стала переводить шутку и лишь коротко объяснила Клаусу по-немецки, что парень работал на кухне и может помочь с рыбой и крабами.

Клаус посмотрел на Арджуна и кивнул.

Дальше спорить уже почти не о чем было. Пока решили никуда далеко не уходить, дожидаться, когда вода отступит ещё сильнее, и проверить открывшиеся у берега камни. Если там найдутся крабы, ракушки или что-то ещё съедобное, сначала возьмём то, до чего можно добраться без долгой охоты и поисков инструментов.

Болото оставили на потом. Если найдём подходящую ёмкость и сможем развести огонь, попробуем очистить воду.

Ирина переводила не каждую реплику. С простым английским мы разбирались сами. Если Клаус переходил на немецкий или фраза становилась сложнее, она коротко передавала смысл. Юрий Моисеевич большую часть английского, похоже, понимал и без неё.

Клаус провёл ладонью по песку перед собой.

— We split tasks.

(Разделим задачи.)

Клаус поочерёдно указал на меня и Арджуна.

— Vladimir, you and Arjun check the sea. Fish, crabs, shellfish.

(Владимир, вы с Арджуном проверите море. Рыба, крабы, моллюски.)

Арджун посмотрел на меня.

Я кивнул, но показал рукой на линию воды.

— Not yet. Maybe thirty minutes. The tide will be lower.

(Не сейчас. Может, через полчаса. Вода уйдёт ниже.)

Клаус посмотрел на открывающийся риф, нахмурился и всё-таки кивнул.

— Thirty minutes.

(Тридцать минут.)

Потом он повернулся к Юрию Моисеевичу.

— Check the forest. Look for coconuts or dry wood.

(Проверьте лес. Поищите кокосы или сухие дрова.)

Юрий Моисеевич медленно поднял на него глаза.

— Нет.

Клаус не понял.

Юрий Моисеевич повторил уже по-английски:

— No forest. Absolutely no forest.

(Никакого леса. Совершенно никакого леса.)

Клаус нахмурился.

— Why?

(Почему?)

Юрий Моисеевич показал на себя.

— I am sixty-two. I am tired. I just came through those bushes. Enough forest for today.

(Мне шестьдесят два. Я устал. Я только что продрался через эти заросли. На сегодня леса достаточно.)

Потом Юрий Моисеевич добавил уже по-русски:

— Второй раз я туда сейчас только за чем-нибудь действительно убедительным полезу.

Ирина коротко объяснила Клаусу, что Юрий Моисеевич поможет с лагерем, но глубоко в лес сегодня больше не пойдёт.

— Fine. Stay near camp. Collect dry wood here.

(Хорошо. Оставайтесь возле лагеря. Собирайте здесь сухие дрова.)

— Near camp is fine.

(Возле лагеря нормально.)

Юрий Моисеевич явно был этим вполне доволен.

С Ириной вопрос решился ещё проще.

— I wasn't planning to go anywhere, — сказала она раньше, чем Клаус успел закончить. — I'll watch the beach. If someone comes this way, I'll see them.

(Я и не собиралась никуда уходить. Буду следить за берегом. Если кто-то пойдёт сюда, я его замечу.)

Клаус возражать не стал. Несколько секунд смотрел в сторону мыса, потом сказал:

— I'll check the swamp. I know the way. Quick look.

(Проверю болото. Дорогу я знаю. Только осмотрюсь.)

Вот это мне уже не понравилось.

— Don't go deep. Mark the way.

(Не уходи глубоко. Отмечай дорогу.)

Клаус перевёл взгляд на меня.

— I know.

(Я знаю.)

Ответ прозвучал спокойно, но на этом разговор не закончился. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

— Thirty minutes.

(Тридцать минут.)

Я кивнул.

Клаус первым двинулся к лесу. Юрий Моисеевич проводил его взглядом, поднялся и некоторое время собирал сухие ветки у края зарослей. Арджун остался возле чемодана, поглядывая то на море, то туда, где Клаус исчез между деревьями. До отлива оставалось немного времени, потом нам с ним предстояло проверить риф.

Юрий Моисеевич бросил в общую кучку ещё одну ветку и сел на песок, вытянув ноги. Ирина устроилась у ствола, осторожно положив больную ногу на свёрнутую ткань. Арджун постоял ещё немного и тоже сел.

Разговор сам собой стих, и сразу стало слышно всё, что до этого тонуло в голосах: стрёкот насекомых, короткие птичьи крики над головой, шорох листьев. С моря тянуло солью, мокрыми водорослями и гнилью.

Я лёг у края тени, под голову положил руку. Под лопаткой оказался мелкий камень, в бок упирался корень. В другой день искал бы место получше, но сейчас было всё равно.

Стоило закрыть глаза, снова появлялся риф: белая пена, тёмные камни, лицо Ирины, треснувшая бутылка.

Рядом Юрий Моисеевич пробормотал:

— Вот ведь туризм. Всё включено. Даже утопление.

Никто не ответил. Я хотел что-то сказать, но не придумал ничего стоящего и сам не заметил, как уснул.

Когда открыл глаза, солнце уже стояло ниже. Тени вытянулись, шум прибоя стал дальше и тише. Я сел и посмотрел на берег.

Вода ушла.

Пляж стал шире. За полосой мокрого песка открылись тёмные камни, водоросли, неровные плиты, которые раньше скрывало море.

Я поднялся и прошёл ближе. Крабов у берега не было, рыбы в оставшихся лужах тоже не нашлось.

Несколько мелких раковин на открывшемся дне ничего не решали. У самого берега брать было почти нечего, а дальше темнела полоса рифа. Похоже, придётся плыть.

Я повёл плечами, наклонился. Спину ещё тянуло, но плыть можно. Кроссовки заметно потрепало. Ткань потёрлась, в подошвы набились песок и чёрная каменная крошка, но сами подошвы держались.

Арджун сидел в тени возле чемодана и сковыривал с рукава засохшую соль. Я подошёл, снял сюртук и положил его сверху на чемодан. Из-за пояса вытащил две полосы ткани и положил под сюртук, чтобы не тащить их в воду. Пластиковый обломок с острым краем оставил при себе — на рифе мог пригодиться.

У Юрия Моисеевича был складной нож. На секунду подумал взять его с собой, но передумал. Выронишь на глубине — и останемся без единственного нормального ножа.

— Arjun. Come with me.

(Арджун. Идём со мной.)

Он поднял голову, проследил за моей рукой в сторону моря и встал.

Я указал на нас обоих и на риф.

— We look for food. At the reef. Not far.

(Поищем еду. На рифе. Недалеко.)

Арджун ещё раз посмотрел туда, немного помедлил и кивнул.

Ирина приподнялась на локте.

— Сейчас?

— Пока вода низкая.

Юрий Моисеевич прищурился на риф.

— Сильно умных решений у нас сегодня не завезли, я понял. Тогда хотя бы глупые делайте аккуратно.

Мы пошли к воде.

У берега вода доходила до щиколоток, через несколько шагов — уже до колен. Песок быстро закончился, под ногами появились камни, покрытые скользкими водорослями. Даже через подошвы я чувствовал, как нога норовит съехать в сторону.

Арджуну было хуже — он шёл босиком. Перед каждым шагом он осторожно ощупывал дно ступнёй и только после этого переносил вес.

Я держался чуть впереди и показывал, куда ставить ноги.

— Here. Left. Careful.

(Сюда. Левее. Осторожно.)

В одном месте Арджун уже занёс ногу над острым краем камня. Я перехватил его за плечо и отвёл немного в сторону.

Он переставил ногу и выдохнул.

— Sorry.

(Извини.)

— Нормально.

Он слов не понял, поэтому я просто поднял большой палец.

Когда вода дошла до пояса, камни перестали так мешать. Ещё несколько шагов — и дно начало уходить из-под ног.

Я показал на риф, потом жестом дал понять: дальше плывём рядом и без спешки.

Арджун кивнул. Перед тем как оттолкнуться, ещё раз посмотрел на воду.

Мы поплыли почти одновременно.

Первые несколько гребков дались мне хуже, чем должны были. Стоило снова потерять дно, и плечи сами напряглись, дыхание стало мельче. Переход через риф ещё слишком хорошо помнился.

Я заставил себя сбавить темп и поплыл ровнее, периодически оглядываясь на Арджуна.

Плавал он неважно, но держался спокойно. Грёб тяжело, без лишних движений, и продолжал плыть в своём темпе, даже когда начал задыхаться.

Риф приближался. С берега он казался сплошной тёмной полосой, а вблизи распался на плиты, выступы и щели. Между камнями оставались небольшие чаши зеленоватой воды, через некоторые плиты перекачивались волны. В просветах мелькала мелкая рыба.

Я поднял руку.

— Stop.

(Стоп.)

Под водой я нащупал ногами широкую плиту. Камень был скользкий, но достаточно ровный, чтобы встать. Я выпрямился, чуть согнув колени.

Арджун подплыл следом. Когда он попытался поставить ноги, волна сразу качнула его вбок. Я ухватил его за предплечье.

— Easy. Here.

(Спокойно. Здесь.)

Он нащупал плиту и удержался.

Мы постояли на плите, восстанавливая дыхание. Вода доходила примерно до бёдер и время от времени толкала нас в ноги, а от бликов на поверхности приходилось щуриться.

В углублениях между плитами шевелилась всякая мелочь. По камням ползали тёмные улитки, среди водорослей мелькали почти прозрачные рыбёшки и тут же исчезали в щелях.

Я присел и провёл рукой по камню под водой. Пальцы зацепились за что-то шершавое.

Раковина была крупная, с неровными серыми створками, намертво прижатая к плите. Рядом сидела ещё одна, а чуть дальше целая гроздь таких же уходила под воду.

Устрицы. Я сразу подумал о еде.

Я коснулся плеча Арджуна и показал вниз.

— Oysters.

(Устрицы.)

Он наклонился, разглядел раковины и сразу оживился. Что-то быстро сказал на своём языке — по интонации скорее от удивления, — а затем несколько раз показал на устрицы и на берег.

После этого стянул через голову рубаху.

Арджун расстелил рубаху на мокрой плите, прижал два угла ступнями и показал, чтобы добычу складывали на ткань. Потом собрал края вместе и изобразил узел. Стало понятно — получится мешок.

Я кивнул. Через некоторое время заметил, что Арджун тихо напевает себе под нос какой-то незнакомый мотив. Похоже, сам этого не замечал.

Я ухватился за ближайшую устрицу и попробовал оторвать её руками. Она даже не сдвинулась. Потянул сильнее — острый край скользнул по костяшке и содрал кожу.

В воде сразу потянулась тонкая розовая полоса.

Арджун заметил её раньше меня.

— Blood.

(Кровь.)

Я посмотрел на руку. Царапина была мелкая.

— Just a scratch.

(Просто царапина.)

Арджун всё равно перевёл взгляд с моей руки на воду вокруг.

Мне эта кровь тоже не понравилась. Да и голыми руками отрывать устрицы явно не получится.

Я вытащил из-за пояса пластиковый обломок и попробовал подсунуть острый край под основание раковины. Пластик упёрся, раздался хруст, и острый край отломился. Я выбросил его. Возле щели нашёлся плоский каменный обломок с достаточно тонким краем — под основание раковины он проходил.

Я показал его Арджуну.

— Use the stone. Hit here.

(Камнем. Бить сюда.)

Подсунул край обломка под устрицу и ударил по нему другим камнем. Первый удар соскользнул, второй неприятно отдался в пальцах, а после третьего раковина хрустнула, но с места не сдвинулась.

Арджун присел рядом и несколько секунд смотрел, как я пытаюсь подлезть под неё камнем. Потом ткнул пальцем чуть ниже, почти в самое основание.

— Here.

(Здесь.)

Я переставил обломок и ударил ещё раз. Раковина шевельнулась. Ещё два удара — и устрица отскочила от плиты прямо на разложенную рубаху.

Арджун улыбнулся.

— Good?

(Хорошо?)

— Very good.

(Очень хорошо.)

После первой устрицы дело пошло быстрее. Я поддевал и сбивал раковины, Арджун подхватывал их, пока очередная волна не утащила добычу обратно, разбитые отбрасывал, а целые складывал на ткань. Несколько раз он сам показывал место, куда удобнее подсунуть камень, а вскоре уже пробовал поддевать те, что держались слабее.

Камень то срывался, то застревал между створкой и плитой, острые края цепляли пальцы, а волны каждые несколько минут заставляли останавливаться и придерживать рубаху ногами. Арджуну приходилось ещё следить, куда ставить босые ступни.

Через некоторое время я перестал считать устрицы. На ткани их уже лежало достаточно, чтобы не возвращаться с пустыми руками.

Арджун посмотрел на оставшиеся раковины.

— More?

(Ещё?)

Я собрал края рубахи и приподнял добычу. Из ткани потекла вода, и свёрток сразу ощутимо потянул руки вниз. До берега его ещё предстояло дотащить.

— Enough. It's heavy. Let's go back.

(Хватит. Тяжело. Возвращаемся.)

Арджун кивнул без возражений.

Мы стянули рубаху как получилось, стараясь закрыть устрицы тканью и не оставить снаружи слишком много острых краёв. Узел вышел кривой, но держался.

До мелководья нужно было снова плыть.

Я взял свёрток первым. Пока он оставался в воде, вес чувствовался меньше, но плыть с занятыми руками было неудобно. Пришлось прижать добычу одной рукой к боку, а второй гребсти. Через несколько метров я передал свёрток Арджуну.

Он продержался недолго. Дыхание быстро стало тяжелее, и я забрал груз обратно.

— Slow. Breathe.

(Медленно. Дыши.)

Арджун кивнул и поплыл рядом.

Мы передавали свёрток друг другу, давая свободному отдышаться. До берега оставалось уже заметно меньше, когда я снова передал свёрток Арджуну.

Через несколько гребков груз неожиданно дёрнул его руку вниз. Арджун ушёл следом, хлебнул воды и закашлялся.

Я сразу перехватил груз и подтолкнул Арджуна плечом в сторону мелководья.

Он попытался что-то сказать.

— Потом извиняться будешь.

Слов Арджун не понял, но тон уловил и вместо ответа занялся дыханием.

Когда ступни наконец коснулись дна, захотелось рассмеяться от облегчения.

Мы выбрались на мокрый песок и дальше потащили свёрток вдвоём. Он оставлял за собой борозду, раковины внутри глухо стучали друг о друга.

У лагеря первой нас заметила Ирина. Следом поднял голову Юрий Моисеевич. Он сидел возле собранных веток и смотрел, как мы тащим добычу.

— Живые, — сказал он. — Уже неплохо. А это что за кладбище ракушек?

Арджун опустил прямо на песок. Он сидел мокрый, голый по пояс, с красными ладонями; плечи всё ещё подрагивали после плавания. Между нами тяжёлым узлом лежала его рубаха.

— Еда, — сказал я и развязал рубаху.

Раковины вывалились на песок. Серые, неровные, с острыми краями и обрывками водорослей, они выглядели совсем не так, как то, что хотелось бы сейчас положить в рот.

— Устрицы, — сказала Ирина.

Арджун сидел рядом и смотрел на добычу с заметным удовлетворением. Я пересчитал раковины — тридцать одна. На пятерых немного.

Я посмотрел в сторону леса. Клауса всё ещё не было видно, а из-за деревьев доносились только шорох листьев и стрёкот насекомых.

— Делим на всех. Его часть пока отложим.

— Благородно. Особенно если он вернётся не один.

Я отложил для Клауса шесть устриц в тень, ближе к корням.

Остальные разложили перед собой.

Открыть устрицы оказалось отдельной работой.

Юрий Моисеевич достал складной нож, посмотрел на створку и покачал головой.

— Нет. Такой раковиной лезвие ломаем.

Он убрал нож обратно, и пришлось снова использовать камень, подбивая край понемногу и стараясь не раскрошить створку и не набрать внутрь песка.

Первую я открыл сам. Внутри лежала влажная серо-белая мякоть, блестящая и скользкая. Пахло резко морем, но тухлого запаха не было.

Юрий Моисеевич скривился.

— Ну?

— Похожа на съедобную.

— Великолепная формулировка. На надгробии потом выьем: «похожа на съедобную».

Я поднёс раковину ко рту и съел устрицу.

Сначала почувствовал соль, следом — мягкую скользкую мякоть. Неприятно, но пустой желудок быстро напомнил, что сейчас не ресторан.

Я проглотил и прислушался к себе. Сразу ничего не произошло. Конечно, если отравиться, через десять секунд об этом не узнаешь, но ждать несколько часов, пока первая устрица пройдет клинические испытания, никто не будет.

— Нормально.

Арджун следил за мной. Я показал большой палец.

— Eat.

(Ешь.)

Арджун понюхал свою устрицу, скривился ещё сильнее меня и проглотил. По лицу было видно, что вкус ему не понравился, но вскоре он всё равно потянулся за следующей.

Ирина ела медленнее. С вытянутой ногой ей было неудобно наклоняться, поэтому несколько раковин я открыл для неё. Каждый раз она без всякого восторга смотрела внутрь, но от еды не отказывалась.

Юрий Моисеевич свою часть отодвинул.

— Мне не надо.

Я поднял глаза.

— Аллергия, — сказал Юрий Моисеевич. — На устриц точно. На прочую элитную мерзость, возможно, тоже, но проверять желания нет.

— Сильная?

Юрий Моисеевич посмотрел на меня поверх очков.

— Володя, если человек один раз начинает задыхаться после ресторана, он потом довольно хорошо запоминает, что ел.

— У меня в сумке ещё галеты остались, — сказал Юрий Моисеевич. — Немного, но на сегодня хватит.

На сегодня галет ему хватит.

Но они закончатся, а устрицы пока оставались единственным, что мы смогли добыть здесь сами.

Юрий Моисеевич заметил, куда я смотрю.

— Не смотри так. Я не фарфоровый. До завтра доживу.

И добавил:

— Если ничего нового не случится.

— Мою часть отдайте барышне с ногой.

Ирина сразу подняла голову.

— Не надо, я...

Юрий Моисеевич выставил ладонь.

— Не надо делать лицо. Ешь. У тебя нога размером с мою совесть, а совесть у меня, как известно, внушительная.

Ирина посмотрела на него, но возражать не стала.

Его долю разделили между ней, Арджуном и мной.

Шесть устриц для Клауса так и остались лежать отдельно у корней.

Глава 7. Неправильный лес

Первый день после крушения. Владимир

После еды стало легче. Сытостью это, конечно, не назовёшь — несколько сырых устриц нормального обеда не заменят, — но пустая судорога в животе ушла и голова заработала яснее. На пальцах саднили новые порезы, во рту оставалась соль.

Я ещё раз посмотрел на лес.

Клаус не возвращался.

Юрий Моисеевич сидел возле собранных веток и ковырял палкой песок. Арджун давно перестал смотреть на устрицы. Теперь он всё чаще поглядывал туда, где Клаус исчез между деревьями.

— Что-то нашего разведчика слишком долго нет, — сказал я.

Юрий Моисеевич тоже посмотрел на лес.

— Да, я тоже уже об этом подумал. Уж не случилось ли чего? До ночи не так уж и далеко. В этом лесу и днём-то сложно ходить, а ночью заблудиться как два пальца.

Я поднялся.

— Пойду-ка поищу его, лес и правда незнакомый, да и ещё эта живность — от змей до скорпионов...

Юрий Моисеевич перестал ковырять песок.

— Володя, ты сейчас серьёзно?

— Да.

— Один немец ушёл в лес и задержался. Теперь туда пойдёт один русский. Хорошая схема. Международное сотрудничество в действии.

— Он должен был метить дорогу. Проверю, куда ушёл. Если потеряю метки — вернусь.

Ирина ничего не сказала. Сидела у ствола, вытянув больную ногу, и смотрела туда, где между деревьями исчез Клаус.

Арджун тоже не сводил глаз с леса.

— Klaus?

(Клаус?)

— I'll look for him.

(Я его поищу.)

Арджун сразу подался вперёд, собираясь встать.

— I go too.

(Я тоже пойду.)

— No. Stay here.

(Нет. Оставайся здесь.)

Он нахмурился, но всё-таки попытался подняться. Руки упёрлись в землю, плечи напряглись, и почти сразу его повело в сторону. Я придержал его за плечо.

— Sit. You can't stand.

(Сиди. Ты стоять не можешь.)

Арджун несколько секунд смотрел на меня, потом выдохнул и опустился обратно. Сприть дальше он не стал.

— Я вон там палку приметил, — сказал Юрий Моисеевич. — Возьми, она крепкая, в джунглях не помешает.

Возле корней валялось несколько сухих веток. Я выбрал одну потолще, обломил тонкий боковой сучок и пару раз взвесил её в руке. Для драки сомнительно, зато раздвигать кусты и проверять землю перед собой сойдёт.

— Да я и не собираюсь далеко лезть. Вы тоже тут аккуратнее.

Я раздвинул веткой первые листья и вошёл в лес.

У самого входа след Клауса ещё читался легко. Трава была примята, тонкая ветка сломана, а на мягкой земле остался широкий отпечаток подошвы.

Через несколько метров всё стало хуже. Листья постепенно возвращались на место, влажная подстилка скрывала отпечатки, а среди корней и старых веток любое нарушение могло оказаться случайным.

Но Клаус действительно оставлял метки.

Первую метку я заметил на стволе в нескольких шагах от края леса. На коре была короткая свежая царапина, глубокая и ровная, а чуть ниже кто-то надломил крупный лист.

Дальше нашлась ещё одна царапина, потом следующая, и вскоре я перестал искать сам след, двигаясь уже от отметки к отметке. Получалось медленнее. Приходилось останавливаться, осматривать ближайшие стволы, иногда проходить несколько метров вперёд и возвращаться. Клаус метил дорогу нечасто, но достаточно аккуратно, чтобы за ним можно было пройти.

Через несколько десятков метров шум прибоя исчез, а от влажной земли и прелых листьев потянуло сладковатой гнилью. Лианы цеплялись за плечи, широкие листья били мокрой стороной по лицу, на корнях скользили подошвы.

Клаус шёл более-менее прямо. Держать направление мешали стволы, кусты и корни, поэтому приходилось постоянно обходить препятствия и возвращаться к прежней линии.

Метки тянулись примерно в одну сторону, так что Клаус явно не кружил. Но возле раздвоенного ствола след оборвался. Справа стояла плотная стена листьев, слева земля выглядела немного примятой, а прямо между кустами оставался узкий проход. Выбирать приходилось из трёх вариантов.

Я присел и раздвинул палкой мокрые листья. Под ними нашёлся широкий след подошвы. Вернувшись к дереву, заметил на высоте плеча тонкую лиану, переброшенную через соседнюю ветку. Её не ломали и не срезали, просто убрали с прохода. Для случайности слишком аккуратно.

Я пошёл прямо и через несколько шагов увидел следующую зарубку. Направление выбрал правильно.

Дальше слышались только насекомые, шорох листвы и редкие щелчки птицы где-то высоко.

Если потерять метки, обратно придётся идти по памяти.

А после всего сегодняшнего я своей памяти настолько не доверял.

Начал оставлять собственные отметки.

Ножа у меня не было, поэтому ломал палкой тонкие ветки примерно на уровне груди и оставлял их свисать вниз. На мягкой земле иногда ставил рядом с корнем глубокий отпечаток носком кроссовка.

Получалось грубо, зато обратную дорогу будет проще найти.

По меткам Клауса я шёл уже минут сорок. Из-за постоянных остановок, обходов и возвращений к последней зарубке расстояние по прямой определить было трудно, но от лагеря я ушёл далеко.

След Клауса продолжался впереди, когда слева появилось странное ощущение. Поначалу настолько слабое, что я почти его проигнорировал — просто захотелось посмотреть в сторону. Я остановился. Между деревьями был всё тот же лес. Зелень и лианы ничем не отличались, только кустарник рос немного плотнее.

Я снова посмотрел вперёд.

Там были метки Клауса.

Именно туда я решил идти.

Сделал несколько шагов.

Ощущение осталось.

Возникло неприятное чувство, будто я прохожу мимо чего-то важного. Никаких слов или ясной мысли — скорее упорная уверенность, засевавшая где-то внутри и совершенно не имевшая причины.

Я остановился ещё раз.

— Ну и что это такое...

Палкой раздвинул листья слева.

За листьями был такой же лес, как и везде вокруг. И чего меня туда тянет?

Я простоял несколько секунд.

Потом выругался и свернул в сторону.

Первые метры пришлось почти продираться.

Тонкие лианы цеплялись за сюртук. Колючая ветка зацепила рукав, пришлось возвращаться на полшага и снимать её рукой. Где-то совсем рядом с шумом сорвалась с ветки птица, и я дёрнулся раньше, чем понял, что произошло.

След Клауса остался позади, но вернуться было ещё не поздно. По своим отметкам я без труда найду место поворота и снова пойду по нормальному маршруту. Я оглянулся туда, откуда пришёл, потом на заросли впереди. Ощущение не исчезло, и я всё-таки продолжил.

Метров через двадцать я уже пожалел, что полез сюда. Воздух стоял тяжёлый и влажный, почти как в бане; пот стекал по спине, листья то и дело касались лица, и после каждого прикосновения хотелось проверить, не ползёт ли что-нибудь по коже. Палкой приходилось раздвигать ветки и широкие листья, иначе они сразу лезли в лицо.

Ни следов Клауса, ни людей, ни воды — вообще ничего, ради чего стоило сюда сворачивать.

— Молодец, — пробормотал я. — Клауса искать пошёл.

Я всё равно продолжил продираться в ту же сторону. Минут через двадцать впереди стало светлее. Сначала я решил, что просто редееют заросли, но свет между стволами постепенно потерял привычный зелёный оттенок. Широких листьев становилось меньше, лианы попадались всё реже, а влажная каша под ногами сменилась более сухой землёй.

Я прошёл ещё немного и остановился. Впереди росли высокие тёмные сосны с прямыми стволами, между ними белели берёзы и попадались ели, а землю покрывали хвоя, сухие ветки и мох.

Я обернулся. В нескольких десятках метров по-прежнему стояли джунгли — пальмы, лианы, широкие листья. Между двумя лесами не было никакого постепенного перехода.

— Это что ещё за фокусы...

Пахло смолой, хвоей и влажным мхом. Запах был настолько знакомым, что на мгновение напомнил лес после дождя где-нибудь недалеко от дома.

Я осторожно пошёл дальше. После скользких корней и лиан двигаться здесь было непривычно легко. Метров через двадцать подошёл к ближайшей берёзе и провёл ладонью по стволу. Кора оказалась шероховатой и прохладной. Подцепил ногтем тонкий белый слой — тот легко отделился.

Обычная береста.

Я снова посмотрел в сторону джунглей. Граница никуда не делась.

Попытался подобрать хоть какое-то нормальное объяснение. Высота отпадала сразу: я никуда заметно не поднимался. Какой-нибудь старый ботанический эксперимент звучал немного правдоподобнее, но не объяснял ни почву, ни мох, ни такую резкую границу.

Вариантов у меня больше не было, а стоять и придумывать их можно было долго. Я пошёл дальше.

Ощущение, из-за которого я вообще свернул в лес, стало заметно сильнее. Теперь меня тянуло почти прямо вперёд.

Возле старого пня я остановился. На трухлявой древесине росли небольшие жёлтые грибы, ещё несколько торчали из мха рядом. Выглядели совершенно обычно.

Под деревьями становилось прохладнее. После душных джунглей даже дышалось легче.

Минут через пять ощущение изменилось снова. Тянуть сильнее не стало, зато теперь я почти точно понимал, куда нужно идти. Я сбавил шаг и вскоре увидел впереди яму.

Она была небольшой, метра два в ширину, с неровными краями, заросшими мхом и травой. С первого взгляда ничего необычного. Корни сгнили, земля просела и образовала неглубокую воронку.

Только изнутри шёл слабый синий свет.

Я остановился.

Свечение поднималось откуда-то снизу — холодное, ровное, с едва заметным мерцанием. Корни возле дна казались в нём почти белыми.

Стоило подойти ближе, и знакомое ощущение стало сильнее.

Мне это совсем не понравилось.

Я отступил на шаг.

— Нет уж.

Подходить к краю не стал и начал обходить яму по кругу. Перед каждым шагом сначала продавливал землю палкой и только потом переносил вес. Синее свечение то скрывалось за краем, то снова появлялось между корнями.

Пока шёл, пытался понять, что вообще может так светиться. Электричество, какая-то химическая реакция, светящаяся плесень — варианты находились, но ни один нормально не вязался с тем, что я видел.

С другой стороны яма оказалась глубже. Мох свисал с края рваными пластами, из земли торчали тонкие корни, а под ними угадывалось что-то неровное, частично засыпанное землёй.

Камнем это не выглядело.

Чтобы рассмотреть лучше, нужно было подойти ещё хотя бы на шаг, но после этого леса и непонятного света лезть ближе мне совсем не хотелось. Я уже почти закончил круг и собирался уходить, когда земля под левой ногой чуть подалась.

Я сразу перенёс вес назад, но снизу хрустнуло.

Не ветка. Почва.

Мох пошёл трещинами, и пласт земли под ногой пополз вниз. Я упёр палку в край и другой рукой схватился за тонкую сосенку. Ствол согнулся, корни с треском полезли из земли, и через мгновение я поехал вниз вместе с ними.

Плечом ударился о край. В лицо полетели хвоя, песок и мокрый мох. Я попытался зацепиться локтем, только содрал кожу и перевернулся на бок.

Синий свет резко приблизился.

Спиной я ударился обо что-то твёрдое, так что из груди вышибло воздух, а следом затылок встретился с камнем или корнем.

В глазах вспыхнуло белым.

Успела только одна нормальная мысль.

Сам свернул.

Сам полез.

Синий свет расплылся перед глазами.

Потом всё исчезло.

* * *

Сознание возвращалось медленно.

Сначала была темнота.

Я куда-то двигался, но не чувствовал ни тела, ни скорости. Не было давления, холода, ожидания удара. Даже собственного дыхания не слышал. Просто тёмное пространство без верха и низа, в котором меня несло неизвестно куда.

Потом темнота начала расходиться.

Первым появился берег.

Светлая полоса песка, тёмная дуга рифа, море за ним. Только теперь была ночь. Вода казалась почти чёрной, и лишь по гребням волн время от времени проходил тусклый блеск.

У нашего дерева горел костёр.

Небольшой, прижатый к земле. Вокруг сидели люди.

Ирину я узнал по вытянутой ноге. Юрия Моисеевича — по сутулой фигуре чуть в стороне. Арджун сидел чуть дальше от огня, сложившись почти пополам.

Клаус тоже был там.

Значит, вернулся.

Он сидел у огня, большой и неподвижный. То ли говорил, то ли слушал остальных — понять было невозможно.

Звука не было вообще.

Я видел только огонь, людей, полоску пляжа и лес за их спинами.

Все были на месте. Я отметил это без особого облегчения — примерно как дома перед грозой обходишь двор и машинально проверяешь, закрыты ли ворота, загнаны ли животные, убран ли инструмент и набрана ли вода. Всё вроде как надо, а тревога всё равно остаётся.

Потом берег начал уменьшаться.

Меня словно подняло выше.

Риф вытянулся тёмной скобой. Лес сомкнулся вокруг лагеря. Стали видны изгибы берега, два мыса, каменные выступы и густая середина острова.

Я видел остров целиком, причём не как карту или картинку сверху. Пространство почему-то воспринималось сразу. Как будто мне в мозг загрузили 3D-модель.

Картинка сдвинулась к северному мысу.

Волны там били прямо о камни. За ними начинался лес.

На берегу стояли четверо — двое мужчин и две женщины. Лиц я не видел, возраст определить тоже не мог. Один мужчина находился ближе к воде, второй немного позади, женщины держались рядом друг с другом.

Костра поблизости не было.

Я попытался приблизиться, но точка обзора не изменилась. Место я всё-таки запомнил — северный мыс и четверо людей.

Следом остров будто повернули подо мной.

Южнее лежало болото.

С берега его, наверное, вообще нельзя было заметить. Сверху оно выглядело рваным тёмным пятном внутри леса. Между кочками отражала слабый свет неподвижная вода. По краям торчали голые светлые стволы, похожие на старые колья.

Земля возле них казалась проваленной и мокрой.

Туда нельзя было идти напрямик.

Я не услышал предупреждения и не увидел никакой надписи.

Просто понял это так же ясно, как понимаешь, что прогнившая доска не выдержит веса, ещё до того, как поставил на неё ногу.

Рядом с болотом находился ещё один участок леса.

Прежде всего взгляд цеплялся за цвет. Тёмный оттенок зелени выглядел инородно. В сплошном ковре зелени то и дело виднелись просветы, чего не случалось здесь, в тропиках, где каждый свободный сантиметр занимала растительность.

Мне одновременно были видны наш лагерь, северный мыс с четырьмя людьми, болото на юге и второй неправильный лес возле него.

Изображение начало расплываться и терять детали. Люди исчезли первыми, вскоре перестал различаться риф. Берег остался светлой полосой, а лес стянулся в почти сплошную темноту. Долше всего я почему-то продолжал видеть южную часть острова. Там всё ещё различались болото и чужой участок леса рядом с ним.

Я попытался снова увидеть лагерь.

Не получилось.

Осталась только маленькая синяя точка примерно там, где я упал.

Она несколько раз слабо мигнула.

Холодный свет под толщей земли.

Потом исчезла.

Я открыл глаза.

Надо мной было уже светлое утреннее небо, неровно вырезанное краями ямы. Сквозь сосновые ветви пробивался ранний свет.

Я всё ещё лежал внизу. Значит, в яме я провёл всю ночь.

Где-то рядом сухо осыпалась земля. Я сел — и вот это уже оказалось странным.

Получилось это у меня на удивление легко. Не напомнили о себе ушибленные рёбра, к боли в которых я привык за последнее время, не хрустнула спина. Тут я увидел свои руки. Они были, я даже не знаю, как сказать, целыми, что ли. Ни ссадин, ни царапин, ни заноз. Такого не было и до крушения, а уж здесь, на острове... Странно это всё.

Я осмотрел себя ещё раз. Старых повреждений не было. Во рту не пересохло, пить не хотелось. Есть — тоже.

Только вместо кровати была яма, удар головой и синий свет.

— Так бывает, — тихо сказал я.

Самому стало смешно. Нет, так как раз не бывает.

На внутренней стороне левого запястья темнела узкая прямоугольная полоска. Я повернул руку к свету.

Примерно сантиметр шириной и три длиной. Ровные края, никаких букв, рисунка или знакомого знака.

Я потёр полоску большим пальцем, потом поскрёб ногтем. Кожа под нажимом побелела, но прямоугольник не изменился.

— Это что за тату в минималистичном стиле? — пробормотал я.

В голову само пришло неприятное слово: метка.

Я сжал кулак. Прямоугольник исказился вместе с кожей, но никуда не делся.

Я поднялся, ещё раз посмотрел на запястье и опустил рукав.

Выбраться из ямы оказалось проще, чем ожидал.

Земля осыпалась под подошвами, мох слезал пластами. Я цеплялся за корни, находил носком небольшие выступы и подтягивался.

Пока выбирался, всё ждал, когда тело напомнит о себе уже привычной за последнее время болью в каком-нибудь месте, но нет.

Через несколько минут я стоял наверху. Отсюда яма выглядела почти обычной. Неровный край зарос мокрым мхом, из земли торчали корни, а на дне темнела земля. Синего света больше не было, а спускаться обратно в поисках объяснения я не собирался.

Рукав снова задрался, и я сразу натянул его ниже. После кораблекрушения, рифа и всего остального именно маленький прямоугольник на запястье почему-то заставлял меня прятать руку.

Обратную дорогу нашёл не сразу, но собственные метки сработали. Северный лес обвалился так же резко, как начался. Ещё под ногой лежала хвоя и пахло смолой, а через несколько

шагов вернулись влажная земля, лианы и тяжёлый воздух. Я оглянулся. Сосны и берёзы никуда не исчезли.

Через джунгли я теперь двигался слишком легко. Ветки всё так же цепляли сюртук, лианы путались под ногами, листья липли к лицу, но сам я будто перестал замечать нагрузку. Как будто с меня сняли тяжёлый груз, и теперь казалось, ещё немного — и взлечу.

Я нашёл место, где свернул со следа Клауса.

Потом свои старые отметки.

Никакого странного ощущения больше не появлялось. Ничего не тянуло в сторону. Вокруг снова были обычные джунгли.

Когда между стволами показался лагерь, сразу стало понятно, что за ночь всё изменилось. Все были на ногах. Ирина, опираясь на палку и Юрия Моисеевича, пыталась стоять; Арджун собирал вещи возле дерева, а рядом был вернувшийся Клаус — живой и, судя по виду, целый.

Первым меня заметил Арджун.

— Vladimir!

(Владимир!)

Он бросил то, что держал, и шагнул навстречу.

Ирина резко повернулась.

Нога дёрнулась, она поморщилась.

— Владимир.

Юрий Моисеевич ничего не сказал.

Только посмотрел на меня с лёгким прищуром.

Почему-то именно этот взгляд понравился меньше остальных.

Клаус быстро осмотрел меня.

— You are back.

(Ты вернулся.)

— I lost the track, so I came back.

(Я потерял след, поэтому вернулся.)

Клаус уточнять не стал.

— Good. We leave soon.

(Хорошо. Скоро выходим.)

Он показал вдоль пляжа и коротко объяснил, что нашёл ручей примерно в часе пути. Большую часть дороги можно пройти по берегу, а в конце немного пройти через лес.

Пресная вода должна была обрадовать меня сильнее всего остального, но жажды по-прежнему почти не было. Под рукавом словно слабый зуд снова напомнил о себе прямоугольник, и я просто кивнул.

Юрий Моисеевич продолжал смотреть.

— Ты где пропадал, Володя? Мы уже не знали, что и думать. Ночью искать тебя не полезли, но последний нерв у нас истрепался, пока думали, что с тобой. — Юрий Моисеевич оглядел меня с головы до ног. — А с тобой, я вижу, всё очень даже неплохо. Ты где успел пройти полное техническое обслуживание?

— В смысле?

— Уходил весь в царапинах, как моя соседка девочка Сара после того, как нашла бездомного котёнка. А сейчас ни царапины.

Ирина присмотрелась.

— А ведь и правда, выглядишь обновлённым каким-то.

Клаус заинтересовался этим меньше остальных или просто решил отложить вопрос. Он уже собирал вещи и показывал Арджуну, что брать с собой. Вода сейчас действительно была важнее, хотя Ирина и Юрий Моисеевич продолжали на меня поглядывать.

— Потом расскажу, — сказал я.

Юрий Моисеевич чуть поднял брови.

— Потом так потом.

Ирина спросила:

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Да.

Лучше, чем должен.

Этого вслух не сказал.

— We go now.

(Выходим сейчас.)

Юрий Моисеевич помог Ирине удобнее перехватить палку.

Она попробовала сделать шаг и сразу сильнее перенесла вес на здоровую ногу.

Я подошёл с другой стороны.

— Давай помогу.

Ирина посмотрела сначала на меня, потом на руки.

— Ты действительно выглядишь так, будто успел отдохнуть.

— Сам удивлён.

Это было почти правдой.

Она осторожно оперлась на моё плечо. Юрий Моисеевич поддержал с другой стороны.

Клаус первым пошёл вдоль пляжа.

Арджун собрал оставшиеся вещи и поспешил за ним.

Первые минут двадцать мы держались почти вместе.

Клаус задавал ровный темп. Не быстрый, но без остановок. Иногда оглядывался, проверяя расстояние.

Арджун держался рядом с Клаусом и заметно ожил по сравнению со вчерашним вечером.

Сначала мы с Юрием Моисеевичем вели Ирину вдвоём, но постепенно всё большая часть её веса переходила на меня. Она старалась идти сама, осторожно ставила больную ногу и всё равно иногда резко втягивала воздух. Я поддерживал её под руку и с каждым шагом всё яснее понимал, что почти не чувствую нагрузки.

Клаус с Арджуном постепенно ушли вперёд.

Юрий Моисеевич проводил их взглядом.

Потом посмотрел на меня.

— Ну что, Володя. Расскажешь про незаконное оздоровление организма?

Я посмотрел на него.

Он уже не улыбался.

— Что произошло?

Я не ответил сразу. Клаус и Арджун успели уйти вперёд и теперь нас точно не слышали.

Можно было опять сказать, что потерял след, но после всего остального это уже звучало бы откровенно глупо.

— Я шёл по меткам Клауса, потом свернул в сторону.

— Подожди, — сказала Ирина. — Ты сам свернул с меток? Зачем?

— Не знаю, как нормально объяснить. Было ощущение, что там что-то есть. Что мне нужно посмотреть.

Юрий Моисеевич нахмурился и покачал головой.

— Продирался ещё минут двадцать. А потом лес изменился.

Ирина повернулась ко мне.

— Что ты подразумеваешь под словом «изменился»?

— Тропики закончились. Дальше — сосны, ели, берёзы, мох. Обычный северный лес.

Она уставилась на меня удивлённым, немигающим взглядом.

— С тобой всё хорошо? Тебя там по дороге энцефалитный клещ не кусал? Ты уверен, что тебе не показалось?

— Понимаю, не верится, я сам до сих пор поверить не могу. Но честное слово, у меня руки до сих пор елью пахнут.

Юрий Моисеевич почесал подбородок.

— Значит, на одном острове джунгли и берёзы.

— И ты всё равно пошёл дальше? — спросила Ирина.

— Глупо, да. Но я хотел понять, что там.

Юрий Моисеевич только покачал головой.

Я продолжил:

— Минут через пять нашёл яму. Небольшую. Начал обходить...

Юрий Моисеевич снова посмотрел на меня.

Теперь без всякой улыбки.

— И после этого проснулся вот таким, свежим и отдохнувшим.

— И что, больше ничего не болит?

— Нет.

Юрий Моисеевич несколько шагов смотрел под ноги.

Это было непривычнее очередной шутки.

Про остальное я промолчал. После северного леса и исчезнувших повреждений я не сомневался, что мне поверят, но вот о метке я точно говорить не хотел.

— Значит, — сказал Юрий Моисеевич, — вариантов у нас два. Или ты очень хорошо приложился головой и всё это сейчас последствия. Или слово «нормально» на этом острове лучше временно не использовать.

— Может быть и то и другое, — сказал я.

Юрий Моисеевич хмыкнул.

— А что за грибы там были? Обычные или тоже какие-нибудь странные? — спросила Ирина.

— Да обычные грибы: лисички, опята, мухомор. На вид ничем от наших не отличаются.

Юрий Моисеевич поднял палец.

— Вот их пока точно не трогаем. Есть эту матрёшку мы точно не будем.

— Какую матрёшку? — с удивлением спросила Ирина.

— Обычный гриб в необычном лесу на необычном острове.

Ирина улыбнулась. Я тоже.

Мы снова шли вдоль обычного тропического леса, но из головы не выходили сосны, синяя яма, четыре человека у северного мыса, болото и второй неправильный лес. Всё это пока никак не складывалось в одну картину.

Клаус, шедший впереди, неожиданно остановился. Я сначала решил, что мы дошли до места, где нужно сворачивать к ручью, но он смотрел не в лес, а дальше по пляжу.

Потом поднял руку и широко махнул.

— Hey! Here!

(Эй! Сюда!)

Арджун тоже что-то увидел.

— People!

(Люди!)

Я прищурился.

Далеко впереди, возле изгиба берега, двигались три фигуры.

Сначала просто тёмные пятна в дрожащем над песком воздухе.

Когда фигуры стали различимы, я насчитал троих — мужчину и двух женщин.

Шли медленно.

Одна женщина заметно отставала, прижимая руку к боку или животу.
Клаус двинулся им навстречу.

На несколько секунд даже его обычная сдержанность куда-то исчезла.

— Ещё выжившие, — тихо сказала Ирина.

Я продолжал смотреть на троих.

Новые люди должны были радовать. От них можно было получить хотя бы информацию, а возможно, и помощь.

И тут же вспомнился северный мыс из ночного видения. Там стояли четверо — двое мужчин и две женщины. Здесь женщин было столько же, а мужчина только один.

Может, это были совсем другие люди.

Может, четвёртый остался где-то позади.

Эта мысль не дала мне обрадоваться до конца.

Когда между нами осталось шагов десять, стало видно, насколько им досталось.

Все трое были мокрыми и грязными. Одежда местами ещё липла к телу, местами уже высохла жёсткими солёными складками.

Мужчина держался лучше женщин, хотя при ходьбе его слегка покачивало. Женщина рядом с ним двигалась тяжело, но ровно. Третья отстала на несколько шагов, прижимая руку к боку, а на последних метрах просто опустилась на песок.

Клаус остановился перед ними и поднял открытые ладони.

— We are survivors too. From the ship.

(Мы тоже выжившие. С корабля.)

Мужчина несколько раз глубоко вдохнул.

— More survivors?

(Ещё выжившие?)

— Yes. We found fresh water. Not far.

(Да. Мы нашли пресную воду. Недалеко.)

Сидевшая женщина сразу подняла голову.

На ней было серое платье с порванным передником — похоже, форма персонала. Чёрные волосы выбились из причёски и прилипли к лицу. Выглядела она хуже остальных. Пересохшие губы были приоткрыты, дыхание оставалось частым, а руку она всё ещё прижимала к боку.

Мужчина переспросил:

— Fresh water?

(Пресная вода?)

Клаус кивнул и показал направление.

Мужчина закрыл глаза, провёл ладонью по лицу, потом повернулся к своей спутнице.

— Woda. Mają wodę.

(Вода. У них есть вода.)

Я понял только первое слово.

Остальное и так было ясно.

Женщина рядом с ним кивнула.

Она была ниже мужчины, широкая в плечах, крепкая. На левой щеке темнел короткий шрам, крупный кривой нос делал лицо резче. Волосы были собраны в давно развалившийся пучок.

Она оглядела нас по очереди.

Взгляд задержался на палке Ирины и распухшей ноге, потом прошёл по Юрию Моисеевичу, Арджуну и мне.

Клаус представился первым:

— Klaus Reinhardt. Germany.

(Клаус Райнхардт. Германия.)

— Jan Kowalski. Poland. This is my wife, Magdalena.
(Ян Ковальский. Польша. Это моя жена Магдалена.)

Магдалена коротко кивнула.

Ян показал на сидевшую женщину:

— Eva. She worked on the ship.

(Эва. Она работала на корабле.)

Эва подняла глаза.

— Hello.

(Здравствуйте.)

Голос был тихим и хриплым.

Клаус назвал нас:

— Arjun. Irina. Yuri. Vladimir.

(Арджун. Ирина. Юрий. Владимир.)

Услышав моё имя, Ян на секунду замялся.

— Russian?

(Русский?)

— Yes.

(Да.)

Он кивнул.

Ничего больше.

Но паузу я заметил.

— А что, уже не нравимся? — пробормотал едва слышно Юрий Моисеевич.

Ирина тем временем смотрела на Эву.

— She needs rest.

(Ей нужно отдохнуть.)

Клаус указал вперёд.

— Stream is close. Come with us.

(Ручей близко. Идёмте с нами.)

Возражений не было.

Эва попыталась подняться.

С первого раза не получилось. Ладонь ушла в рыхлый песок, колено подогнулось.

Арджун шагнул к ней и протянул руку.

Эва резко отшатнулась.

Он сразу остановился.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Арджун показал на её руку.

— Can I help?

(Можно помочь?)

Эва помедлила и всё-таки позволила ему взяться за локоть.

Поднялась.

Тихо поблагодарила и почти сразу освободила руку.

Арджун вернулся к Клаусу.

Мы двинулись дальше, и группа сама собой растянулась. Клаус снова оказался впереди; Ян пошёл рядом с ним и вскоре уже разговаривал с ним по-английски, Арджун держался поблизости. За ними шла Магдалена, чуть дальше Эва, а мы с Юрием Моисеевичем продолжали помогать Ирине.

На твёрдом влажном песке получалось терпимо. На рыхлом её нога сразу начинала проваливаться, и тогда приходилось почти переносить её между нами.

К нашей группе присоединились ещё трое выживших, и это было хорошей новостью. Но я всё равно время от времени смотрел на Эву.

После того как Арджун помог ей подняться, она больше никого к себе не подпускала. Даже когда оступалась.

Магдалена однажды обернулась, и Эва сразу выпрямилась, хотя ладонь снова легла на бок.

Юрий Моисеевич тоже это заметил. Перехватил мой взгляд и едва заметно кивнул в сторону Эвы.

Я ничего не сказал. Пока мы видели только то, что видели.

Впереди Ян рассказывал что-то Клаусу, время от времени показывая назад вдоль берега. Клаус задавал короткие вопросы. Магдалена пару раз что-то добавила.

Эва не вмешивалась.

На одном низком участке очередная волна докатилась почти до ног. Ян с Клаусом просто сместились выше, а нам с Ириной пришлось остановиться и пропустить воду перед собой.

До поворота добрались минут через пятнадцать.

Пляж здесь загибался, а лес подходил почти к самой воде. Между кустами и морем оставалась узкая полоса рыхлого песка.

Темп снова упал. Я почти тащил Ирину на себе, Юрий Моисеевич поддерживал её с другой стороны.

Клаус остановился возле зарослей.

— Here.

(Здесь.)

Настоящей тропы не было.

Но место, где он проходил раньше, читалось по примятой траве и надломленным веткам.

Мы свернули в лес.

Первые минуты прибой ещё доносился из-за спины, но постепенно становился глуше. После открытого пляжа влажный тяжёлый воздух ощущался особенно резко.

Клаус шёл по своему прежнему маршруту уверенно.

Теперь я хорошо видел знакомую систему меток Клауса. Где-то он надрезал кору, где-то ломал ветку или приминал крупный лист.

Только в этот раз сворачивать в сторону я не собирался.

На очередном корне Ирина запнулась, и я приподнял её, помогая перенести ногу.

— Нормально?

Она отдышалась.

— Идём.

Новые люди тоже начали растягиваться.

Ян ещё держался рядом с Клаусом. Магдалена заметно отстала. Эва шла последней из них и всё чаще придерживалась рукой за стволы.

Арджун несколько раз оглядывался, но после первой попытки больше помогать ей не лез.

Впереди сначала едва слышно зажурчала вода. Звук отличался от прибоя — короткий, неровный, будто струя пробивалась между камнями.

Люди услышали почти одновременно.

Эва подняла голову.

Ян прибавил шаг.

Арджун тоже.

Клаус не ускорился, но теперь уже не останавливался проверять, идём ли мы следом.

Через несколько минут деревья разошлись.

Мы вышли к ручью.

Ручей оказался меньше, чем я представлял, шириной примерно с вытянутую руку. Вода выходила из густой зелени, бежала между тёмными камнями и огибала корни. Сквозь прозрачную струю было видно дно — мелкую гальку, песок и несколько опавших листьев, дрожащих на течении.

Вода была настолько прозрачной, что хотелось просто опуститься рядом и пить.

Арджун попытался так и сделать.

Шагнул к ручью и уже начал садиться, но Клаус поймал его за плечо.

— Wait.

(Подожди.)

Парень остановился.

Я опустил Ирину на широкий корень и подошёл к воде.

Я присел и зачерпнул воду ладонью. Холодная, без заметного запаха. Сквозь быстрое течение просматривалось чистое дно, на поверхности ничего не плавало. Выглядела вода вполне нормально, но, учитывая, что мы были в тёплых джунглях, я подозревал, что чистой она была только на вид.

Я вылил воду обратно.

— We should boil it first.

(Сначала надо прокипятить.)

Арджун посмотрел на ручей.

Потом на меня.

— It looks clean.

(Она выглядит чистой.)

— Looks clean. We don't know what's in it.

(Выглядит чистой. Мы не знаем, что в ней.)

Клаус кивнул.

— We boil.

(Кипятим.)

Ян устало провёл ладонью по лицу, но спорить не стал.

Магдалена тоже ничего не сказала.

Эва стояла чуть в стороне и смотрела на воду. Несколько раз сглотнула, но к ручью так и не подошла.

Ирина сидела на корне и не отрывала взгляда от ручья.

Юрий Моисеевич смотрел на прозрачную струю с выражением человека, которому только что показали холодильник и сообщили, что открывать его нельзя.

Но на этот раз шутить не стал.

Пить никто не начал.

Зато почти все одновременно потянулись к воде руками.

Глава 8. Ручей и четвёртый

Второй день после крушения • Владимир

Пить воду никто не стал, зато умываться начали почти сразу.

Арджун первым сунул голову под струю и резко отдёргнулся от холода. Потом всё-таки вернулся и долго смывал с волос соль и песок.

Клаус снял рубашку, намочил её и протёр шею и плечи. Ян мыл руки осторожно; вода задерживалась под перстнями, один пришлось снять, промыть кожу и сразу надеть обратно.

Магдалена села на камень и провела мокрыми ладонями по лицу и волосам. Пучок окончательно развалился, но поправлять его она не стала.

Юрий Моисеевич умывался дольше остальных, с закрытыми глазами. Вода стекала по бороде и капала на рубашку.

Я помог Ирине придвинуться ближе к ручью. Она опустила ладони в воду, потом прижала их к лицу и шее.

Эва подошла последней. Быстро смыла грязь с рук и щёк и отошла, освободив место.

Я умылся после остальных. Вода была прохладной. После соли, жары и влажной духоты кожа от неё почти немела. Провёл мокрыми руками по лицу, волосам, шее, потом по предплечьям. На чистой коже тёмный прямоугольник бросался в глаза ещё сильнее. Я сразу натянул рукав обратно.

Лучше заняться чем-нибудь понятным. Вода перед нами уже была, теперь требовалось сделать так, чтобы её можно было пить.

Пластиковых бутылок нашлось две: у Клауса и Юрия Моисеевича. Для хранения пригодятся, для кипячения — нет.

Нужен металл — котелок или хотя бы банка. Ни у кого ничего подходящего не было. Ян немного подумал.

— At our place there is a glass bottle. Wine bottle.

(У нас на стоянке есть стеклянная бутылка. Винная.)

Стекло проблему кипячения не решало, но хотя бы давало ещё одну ёмкость для хранения.

— Is there anything metal there? Maybe something from the ship?

(Там есть что-нибудь металлическое? Может, что-нибудь от корабля?)

Ян покачал головой.

— Maybe. I don't know.

(Может быть. Не знаю.)

Их прежняя стоянка находилась дальше по берегу, севернее. В памяти сразу возник ночной остров: тот самый мыс и четыре фигуры — двое мужчин и две женщины.

Передо мной сейчас были Ян, Магдалена и Эва. Трое. После ночи, проведённой в яме, я так и не понял, что там видел. Но Клаус вернулся, мыс тоже был похож на тот, что я видел. Мысль о четырёх людях не отпускала. Старая стоянка Ковальских как раз находилась дальше по берегу, в той стороне.

— I'll go for the bottle and check the beach. Maybe there are more things from the ship.

(Я схожу за бутылкой и посмотрю, что ещё вынесло на берег.)

— Alone? Two would be better.

(Один? Лучше было бы вдвоём.)

— Everyone is tired. I'll be faster alone.

(Все устали. Один я быстрее.)

Клаус посмотрел на Ирину, потом на Арджуна, похоже, оценил их состояние и спорить не стал.

Тем временем я уточнил у Яна, как найти их стоянку.

— Go back to the beach and walk along the water. You'll see a big tree on the sand.

(Вернись на пляж и иди вдоль воды. Увидишь большой ствол на песке.)

— There is a blue cloth in the branches near the forest, — добавила Магдалена.

(У леса на ветках висит синяя ткань.)

Когда я вышел к берегу, солнце уже поднялось достаточно высоко, но песок ещё не успел раскалиться. Я пошёл ближе к воде, по плотной мокрой полосе, где ноги почти не проваливались.

После ночного прилива берег заметно изменился. Море набросало мусора: от бесполезных обломков пластика до вещей, которые ещё могли пригодиться. Вчера ничего этого здесь не было.

Судя по всему, всё это было с лайнера, распавшегося где-то далеко от берега.

Через некоторое время выше линии воды заметил крупный обломок. Два пластиковых листа были скреплены белым лёгким наполнителем — похоже, часть внутренней перегородки или стойки. В одной из трещин блеснул металл, и я присел.

Пластик пришлось раскачивать из стороны в сторону, прижав ногой. Он долго пружинил, потом хрустнул и разошёлся.

Внутри оказался П-образный металлический профиль длиной около восьмидесяти сантиметров — тонкий, погнутый, с острым краем на одном конце после разлома. Инструмент так себе, но лучше палки.

Саму панель я оттащил выше прилива и придавил камнями. Пластик с наполнителем тоже пригодится: крыша, подстилка, сбор дождевой воды. Тащить всё сразу не стал.

Ещё метров через пятьсот нашлась другая панель: с одной стороны пластик, с другой — тонкая жёсть. Я перевернул её. Лист был помятый и грязный, но больших дыр не было. Вот уже ближе. Из него можно согнуть низкое корыто и поставить над огнём. Пусть кривое, пусть течёт по углам — если вода успеет закипеть раньше, этого достаточно.

Я спрятал панель выше линии прилива возле низкого кривого дерева и придавил край камнем. Заберу на обратной дороге. Дальше пошёл уже с металлическим профилем в руке.

Вскоре появился ориентир Яна — большой выброшенный ствол, почерневший и ободраный, с растопыренными над песком корнями. За ним возле леса трепалась синяя ткань.

Стоянка нашлась в нескольких десятках шагов. Лагерем её назвать было трудно: несколько кусков ткани на песке, примятая трава, пластиковый мусор и следы.

У корня лежала тёмная стеклянная бутылка. Я поднял её — винная и, главное, целая. Из бутылки пахло кислым вином и солью. Уже полезно.

Я осмотрел стоянку. Теперь меня интересовали не только вещи.

Следов было много, но они накладывались друг на друга. Песок осыпался, ветер стирал края. По ним нельзя было уверенно определить ни количество людей, ни то, сколько времени они здесь находились.

Возле кустов сохранилось несколько отпечатков. Один казался крупнее, два других — меньше, хотя я уже не был уверен даже в этом. В другом месте трава была примята полосой, но и это ничего не давало.

Я присел и провёл пальцами по песку. След коровы на влажной земле я бы прочитал. Кабана или собаки — тоже. Ветер и песок всё перемешали. Какой из меня следопыт.

Четвёртый пока оставался частью того странного сна, пусть кое-что из увиденного уже и совпало.

Я поднялся. Северный мыс отсюда виднелся хорошо. Тёмные камни выдавались в море, сверху над ними висел лес. Минут двадцать хода.

К ручью мне следовало вернуться с бутылкой и жёстью. Я посмотрел на мыс ещё раз, оставил бутылку у корня и взял профиль поудобнее.

— Ладно, — сказал я и пошёл на север.

Песка становилось меньше.

Берег переходил в камни. Волны разбивались о чёрные выступы и оставляли в углублениях пену. Под ногами хрустела коралловая крошка, мокрые водоросли скользили под подошвами.

Следов человека не было. Да и какие следы я ожидал найти? Он мог уйти в лес, спуститься к воде или вообще не существовать.

У основания мыса пришлось подниматься метра три по мокрым камням.

Снизу склон выглядел проще. Пальцы соскальзывали с гладких краёв, пару раз нога уезжала вниз вместе с песком.

Наверху оказался узкий каменный уступ примерно полтора метра шириной. Он тянулся вдоль скалы в глубь острова. С одной стороны почти отвесная стена, с другой — спуск к зарослям и камням. Я пошёл по нему.

Через сотню с лишним метров на сером камне лежал кусок плотной ткани, когда-то белой. Один край был оборван, на другом остался шов. Я сразу вспомнил порванный передник Эвы и подошёл к краю уступа.

Внизу на широких листьях тянулись несколько крупных тёмных пятен, вокруг темнели мелкие брызги. Я нагнулся.

Кровь.

Спуск был неудобным: мокрая земля, корни, камни. Я сполз почти боком, стараясь не выпустить металлический профиль.

Внизу уже отчётливо пахло кровью. Наверху пятна успели потемнеть, но у самой земли ещё оставались густыми, тёмно-красными.

Я поднял профиль перед собой и пошёл дальше. В траве нашлось ещё несколько капель, потом след почти пропал, но впереди зелень была примята сильнее. В одном месте листья легли длинной полосой, будто по ним протащили что-то тяжёлое.

Шагов через десять из-под кустов показалась босая нога. Грязная ступня, ободранная пятка, сероватая кожа.

Я остановился и раздвинул листья профилем.

Под кустом лежал молодой мужчина без головы.

Меня качнуло назад. Я отвернулся и несколько раз сглотнул. Через несколько секунд заставил себя посмотреть снова.

На вид ему было чуть больше двадцати. Худой, в грязных шортах и чёрной футболке. На груди ещё можно было разобрать знакомые кривые буквы и шутовской рисунок. «Король и Шут». Я почему-то задержался взглядом именно на футболке.

Ниже плеч тело выглядело почти целым. Одежда порвана и испачкана, на коже ссадины, но на груди и животе не было глубоких ран, крупных следов когтей или укусов.

Я заставил себя посмотреть на шею. Голову не отрезали. Края были рваными. Её оторвали.

Я медленно выдохнул. Похоже, четвёртый всё-таки был. Не только в моей голове. Профиль в руке сразу стал казаться гораздо тоньше.

Я осмотрел кусты. Несколько листьев были разорваны, возле корней сбита земля, на зелени осталась кровь. Следов долгой борьбы не видно.

Я не видел, что здесь произошло. Значит, не знаю. Прислушался. Ничего подозрительного.

Остаться здесь одному не хотелось. Где-то на острове находилось то, что смогло сделать такое с человеком.

Я ещё раз осмотрел место и запомнил ориентиры: уступ, тёмный камень возле корня, куст с широкими листьями и белую ткань наверху.

Оставить тело вот так было неправильно, но один я его не похороню: нечем нормально копать, да и остальные должны увидеть место.

Я выбрался обратно на уступ. Подъём оказался неприятным: земля осыпалась, корни гнулись под руками. Но дыхание почти не сбилось. Вот это продолжало раздражать. Под кустом лежал парень, которому явно не помогло то, что он был молодым и здоровым.

На уступе вытер ладони о брюки. Белый кусок ткани оставил там, где нашёл. Пусть будет ориентиром.

До стоянки Ковальских дошёл быстро. Бутылка лежала у корня.

На стоянке всё выглядело по-прежнему: отпечатки, примятая трава, куски ткани. Но теперь я знал, что в двадцати минутах отсюда лежит ещё один человек.

Подозрение стало почти уверенностью: Ян, Магдалена, Эва и, возможно, парень в чёрной футболке. Если он был тем четвёртым, о нём они не сказали ни слова. Я подобрал бутылку. Разберёмся позже.

На обратной дороге забрал панель с жестью, потом вторую, с белым наполнителем. Металлический профиль положил сверху, бутылку зажал между рваными краями. Получилось неудобно: панели съезжали, стекло стучало о пластик, жёсть дребезжала при каждом шаге.

По мокрому песку ещё можно было тащить, в лесу стало хуже. Края цеплялись за корни и траву. Несколько раз груз вставал намертво, приходилось возвращаться и освобождать застрявший угол. Пару раз останавливался, чтобы поправить съехавшие панели и проверить бутылку.

Когда впереди послышался ручей, я замедлился. Нужно было решить, что говорить. Про тело — определённо да, про то, что их было четверо, — пока нет. Сначала хотелось услышать Ковальских.

Я вышел к воде, волоча панели за собой. Жёсть ударила о камень, и разговоры стихли. Клаус повернулся первым, Арджун поднялся, Юрий Моисеевич осмотрел мой груз.

— Ну что, бутылка нашлась?

Я с довольным видом вытащил её из панелей и услышал смех Ирины. Не понял, что тут смешного. Видимо, недоумение было написано у меня на лице.

— Извини, просто ты сейчас напомнил мне сцену из детства. Когда я жила в России, мальчишки из моего двора с таким же довольным видом собирали бутылки и пивные банки.

Я тоже улыбнулся. Да, было дело. Ирина помоложе меня, но, похоже, в её детстве такое ещё встречалось.

Клаус сразу подошёл к листу жести, присел и провёл пальцами по краю.

— Can you make something to boil water in?

(Сможешь сделать из этого посуду?)

— I hope so. It should work.

(Надеюсь, должно получиться.)

Арджун заинтересовался второй панелью и нажал пальцем на белый наполнитель. Тот оказался лёгким и почти не впитал воду. Пригодится позже. Сейчас меня больше интересовали Ковальские.

Юрий Моисеевич посмотрел на меня внимательнее.

— Что случилось?

Я перевёл взгляд на Ковальских. Ян стоял у ручья, Магдалена сидела на камне, Эва держалась чуть в стороне, возле дерева.

— Я дошёл до мыса, — сказал я. — Там погибший.

Ирина сразу перестала смотреть на найденные вещи.

Я продолжил уже по-английски, чтобы не переводить дважды:

— There is a dead young man near your old camp. Maybe twenty. His head is gone. It was not cut off.

(Возле вашей старой стоянки лежит мёртвый парень. Лет двадцать. Головы нет. Её не отрезали.)

Ирина подняла на меня глаза.

— В смысле? Это как? Я имею в виду, а что же с ней сделали?

— Не уверен, но, похоже, оторвали.

Арджун застыл возле панели. Клаус выпрямился. Юрий Моисеевич снял очки, протёр их краем рубашки и снова надел.

Я смотрел на троих новых. У Яна сжались губы. Магдалена почти не изменилась, только пальцы сильнее прижали ткань платья к колену. Эва вцепилась в край передника, коротко посмотрела на Яна и опустила глаза.

Я ничего не спросил. Хотел сначала услышать, скажет ли кто-нибудь из них что-то сам.

— I don't know what killed him. You need to see the place. We should go together.

(Я не знаю, что его убило. Вам нужно увидеть это место. Пойдём вместе.)

Клаус посмотрел в сторону леса.

— Now?

(Сейчас?)

Я оглядел остальных. Ирина сидела с вытянутой распухшей ногой, Арджун после рифа выглядел выжатым, Эва едва держалась на ногах. Юрий Моисеевич тоже сильно сдал за последние часы.

Мёртвый никуда не денется. Я, по крайней мере, на это надеюсь.

— Not now.

(Не сейчас.)

Клаус тоже посмотрел на остальных.

— First water. Then we go.

(Сначала вода. Потом идём.)

Я кивнул. Теперь у нас была жесь. Оставалось превратить её в посуду.

Глава 9. Первая вода

Второй день после крушения • Владимир

Я подтащил панель с жестью на ровный участок и перевернул металлической стороной вверх. Лист держался на загнутых краях и нескольких креплениях. Пальцами не снять. Вставил П-образный профиль между металлом и пластиком и нажал. Пластик хрустнул. Изнутри посыпалась белая крошка наполнителя. Арджун поднялся с земли.

— Need help?

(Нужна помощь?)

Я показал на другой край панели.

— Hold it there.

(Держи там.)

Он прижал пластик ногой, потом навалился сверху обеими руками. Я снова нажал на профиль. Крепление заскрипело, жесть выгнулась дугой.

— Fingers.

(Пальцы.)

Арджун сразу убрал руки дальше от рваного края. Я дёрнул металл на себя, и лист оторвался с резким треском, оставив на одном краю несколько острых зубцов.

— Пить из этой железки — так себе удовольствие, конечно, — сказала Ирина.

Я посмотрел на лист.

— Это да. Но, извини, фарфоровую посуду сюда из Китая не доставляют.

Она вздохнула, окинула жесть ещё одним взглядом, но больше ничего не сказала. Юрий Моисеевич хмыкнул.

— Девушка явно воспитывалась в очень богатой семье. Требования завышены.

Ирина всё слышала, но не отреагировала. Только облизнула пересохшие губы. У ручья снова начали разговаривать, но заметно тише, чем раньше. Я разложил жестяной лист на земле. Кусок неровный, чуть меньше метра по длинной стороне. Тонкий металл промят возле креплений.

Нормальной кастрюли из этого листа всё равно не сделать, да она и не требовалась. Достаточно поднять борта и свести углы так, чтобы вода продержалась до кипения.

— Юрий Моисеевич, найдите плоский камень. И ещё один, поменьше.

Он посмотрел на жесть.

— Значит, посуду всё-таки делаем.

Вернулся быстро: принёс широкий плоский камень и второй, размером с кулак.

С первым краем пришлось повозиться. Я прижал жесть профилем, наступил ногой и потянул, но середина сразу пошла волной. Пришлось выровнять её на камне и попробовать ещё раз. Второй борт поддался легче, зато на углах металл собирался складками и норовил развернуться обратно.

Клаус присел напротив.

— It will leak?

(Будет протекать?)

— Probably. We test.

(Наверное. Проверим.)

Он обернул ладонь куском ткани и без всяких указаний прижал борт именно там, где мне не хватало второй руки.

Я уложил складку на камень и несколько раз ударил сверху. Жесть постепенно смялась и удержала форму. На одном сгибе появилась короткая трещина, но дальше металл не пошёл.

Для кипячения должно было хватить.

Через несколько минут вместо плоской жести перед нами стояло низкое кривое корыто: один борт выше другого, углы мятые, края острые. Ирина посмотрела на результат и, словно возвращаясь к прежнему разговору, сказала:

— Ну, богатая не богатая, а из корыта я раньше точно не пила. Судя по всему, сегодня получу этот бесценный опыт.

— Ну, барышня, скажите спасибо, что у нас есть хотя бы такая посуда.

— Я понимаю. Правда. Просто после всего этого... ещё и труп. До сих пор мурашки.

Я, слушая их, зачерпнул воду из ручья и налил внутрь. Большая часть воды осталась внутри, только из одного угла потянулась тонкая струйка. Я слил воду, снова положил угол на камень и несколько раз отбил складку. После этого течь почти прекратилась: вода всё ещё сочилась, но настолько медленно, что до кипения должно было хватить. Оставалось развести огонь. Клаус поднялся и сразу показал Арджуну и Яну на лес.

— Dry wood. Thin branches. Bark.

(Сухие дрова. Тонкие ветки. Кора.)

Я добавил:

— From under roots and bushes. As dry as possible.

(Из-под корней и кустов. Как можно суше.)

Они разошлись недалеко от ручья. Клаус тоже пошёл собирать ветки, но оставался в пределах видимости. Я осторожно провёл пальцем вдоль загнутого края корыта. Он оставался острым, так что переносить его можно было только через ткань. Рядом на широком листе лежало то, что успели добыть в моё отсутствие: несколько устриц и небольшой краб размером с кулак. Одна клешня заметно крупнее другой. Он медленно шевелил ногами, пытаясь отползти с листа. Арджун вернулся с охапкой веток, увидел краба и сразу переложил его подальше от воды.

— Later. We cook later.

(Позже. Приготовим позже.)

Юрий Моисеевич уже протянул к нему руку, но остановился. Арджун сел возле будущего костра и занялся дровами. Снаружи почти всё оказалось сырым. Но под корой нашлись сухие участки, под густыми кустами — мёртвые тонкие ветки. Ян ломал более толстые сучья о колено. Клаус расчистил землю возле ручья. Огонь занялся не сразу. Сначала пошёл густой белый дым. Он бил в глаза, заставлял отворачиваться. Арджун сидел на корточках и осторожно подсовывал под кору самые тонкие щепки. Пламя появлялось, исчезало под дымом, потом наконец зацепилось за сухую сердцевину ветки.

Арджун добавил ещё несколько. Огонь удержался. Я установил корыто на двух камнях. Между ними оставил место для пламени. Один край пришлось подпереть плоским осколком, иначе вода сразу собиралась у низкого борта. Арджун принёс воду в бутылке Клауса. Наполнили корыто чуть больше чем наполовину.

Больше нельзя. Тонкий металл мог сложиться, а любое неловкое движение отправило бы воду прямо в костёр. В одном углу снова появились капли. Редкие. Жить можно. Жесть быстро почернела снизу от копоти. Мы ждали.

Влажные ветки шипели, дым то становился гуще, то уходил вверх. Арджун подбрасывал сухую мелочь. Ян ломал сучья. Клаус пару раз поправил камни, когда корыто начинало крениться. Я помогал им и время от времени смотрел на остальных. Ирина сидела у корня, вытянув распухшую ногу. Она то смотрела на воду, то почти сразу отводила взгляд. В какой-то момент наши взгляды встретились.

— Я вообще не тороплю, — сказала она. — Просто если эта штука закипит сегодня, будет приятно.

— Ты же не хотела пить из корыта, — улыбнулся я.

— В наших обстоятельствах твой хендмейд вполне может поспорить со столовым серебром.

Магдалена сидела, сцепив руки на коленях, иногда проводила языком по губам. Эва устроилась отдельно. Когда Ян поворачивался в её сторону, она почти сразу опускала взгляд к огню. Первые пузырьки появились на дне.

Мелкие, цеплялись за металл, росли и отрывались. Потом вода задвигалась у краёв. Ещё немного — и поверхность пошла рябью. Корыто наконец закипело. Арджун подался ближе. Магдалена теперь смотрела прямо на корыто, уже не отводя взгляда.

Ирина облегчённо выдохнула.

— Никогда не думала, что буду так радоваться кипятку.

— Let it boil a little longer.

(Пусть ещё немного покипит.)

— Вот сейчас было жестоко, — сказала она.

Возражать, впрочем, никто не стал. Через несколько минут мы с Арджуном обернули руки тканью и осторожно взяли за края.

— Slowly.

(Медленно.)

Стоило приподнять корыто, как тонкая жёсть прогнулась. Вода качнулась и плеснула через низкий борт, а Арджун инстинктивно дёрнул свой край вверх, отчего выплеснулось ещё немного.

— Put it down.

(Опускай.)

Мы сразу поставили корыто обратно. На песке расплылось тёмное мокрое пятно и быстро начало исчезать. Арджун смотрел на него с таким сожалением, будто мы действительно умудрились потерять половину всей добытой воды.

— Sorry.

(Прости.)

— It's fine. Most is here.

(Нормально. Большая часть осталась.)

— Больше не трогайте, — сказала Ирина. — Пусть стоит. Мы как-нибудь сами к нему придём.

На этот раз спорить с ней не хотелось. От воды всё ещё поднимался пар, так что оставалось дожждаться, пока она остынет. Пока мы ждали, я то и дело вспоминал парня под кустом. В памяти всплывали грязная босая ступня, чёрная футболка, кровь на листьях и рваный край шеи. Я взял профиль и отошёл к плоскому камню. Попытался сделать его удобнее. Загнул конец, потом отбил изгиб камнем, делая край хоть немного острее. Сталь оказалась слишком мягкой, особо подтачивать и не пришлось.

До ножа далеко, конечно, но ветку перерубит. Металл скрипел о камень и оставлял светлую полосу.

— Владимир.

Я поднял голову. Ирина осторожно коснулась пальцем воды.

— Кажется, уже можно воду пробовать. Не такая она и горячая.

Я отложил профиль. Корыто так и осталось на земле. Поднимать его второй раз не стали. Ирина сидела ближе остальных. Юрий Моисеевич помог ей немного развернуться, чтобы не тревожить ногу. Она наклонилась к корыту, придерживая волосы рукой, и осторожно выбрала место у более ровного края.

— Борт острый, — предупредила она остальных.

Наклонилась ниже и сделала несколько маленьких глотков, стараясь не коснуться губами металла. Отстранилась. Закрыла глаза и выдохнула.

— Господи... обычная вода.

Следующим к корыту опустился Арджун. Встал на колени и наклонился к воде. Клаус придержал его за плечо, когда парень слишком поспешно потянулся к краю.

— Slow.

(Медленно.)

Арджун выпил несколько глотков и отполз в сторону. Потом подошёл Юрий Моисеевич. Посмотрел на закопчённую жесть. На воду. Опустился перед ней на корточки.

— Человек всю жизнь думает, что ему нужны деньги, здоровье и уважение. А потом выясняется — нужна тёплая вода из жестянки.

Наклонился и выпил. Дальше мы подходили по очереди. Восемь человек по одному склонялись над низким жестяным корытом, почти как животные у водопоя. Каждый выбирал место поудобнее и следил, чтобы не приложиться губами к острому металлу. После Юрия подошли Клаус, Ян, Магдалена и Эва. Никто не спорил, кто следующий; мне место оставили последним. Пить почти не хотелось. Совсем отказаться было бы слишком заметно.

Я присел у корыта и сделал два глотка. Вода тёплая, с запахом дыма и лёгким металлическим привкусом. После суток соли, жары и жажды я должен был почувствовать её всем телом. Не почувствовал. Только вкус. Когда воды почти не осталось, Клаус показал на ручей.

— More.

(Ещё.)

— Вот теперь поддерживаю господина майора безоговорочно, — сказала Ирина.

На этот раз всё пошло быстрее. Камни уже стояли. Под первым слоем дров остались угли. Ветки возле огня успели немного подсохнуть. Ян снова наполнил корыто. Арджун подложил мелочь. Пока вода грелась, занялись едой.

Устрицы положили возле углей. Краба Арджун долго осматривал, затем устроил между камнями так, чтобы тот не свалился в пламя. Юрий Моисеевич потянулся что-то поправить. Арджун отвёл его руку.

— Wait. Not yet.

(Подождите. Ещё рано.)

Юрий Моисеевич посмотрел на него, потом убрал руку. Возле огня Арджун менялся. На пляже перед каждым новым делом он поглядывал на Клауса. Здесь этого почти не было: Арджун сам раскладывал ветки, поправлял угли и отводил чужие руки, если кто-то лез раньше времени. Ко второй порции воды люди уже относились спокойнее. Клаус подошёл ко мне, посмотрел на металлический профиль, потом указал в сторону берега.

— How far to the body?

(Далеко до тела?)

— Недалеко от ночёвки поляков. Прямо под мысом, немного в глубине леса. Думаю, отсюда часа полтора идти.

Ирина начала переводить, но, едва дошла до дороги через лес, Клаус перебил её новым вопросом:

— And bringing him back?

(А обратно с телом?)

— Это да, с телом будет куда сложнее, — сказал я. — Там склон, кусты, корни. Но думаю, справимся. Вынести сможем, только тащить его сюда смысла нет. Лучше похоронить на пляже.

— На пляже хотя бы копать легче, — добавила Ирина и уже после этого перевела Клаусу весь ответ.

Юрий Моисеевич покачал головой:

— Легче — понятие относительное. Нормальной лопаты у вас всё равно нет.

— Ну, песок действительно копать несложно. Выкопаем.

Клаус кивнул. Вторая вода закипела быстрее. Дали ей покипеть, сняли с огня и оставили на месте остывать. Теперь никто не следил за каждым пузырьком. Арджун занялся открывшимися устрицами.

Ирина помогала Эве смыть грязь с рук и края передника. Клаус взял мой переделанный профиль, осмотрел загнутую ручку и заточенный край. Провёл большим пальцем рядом с кромкой, не касаясь её. Ян и Магдалена тихо заговорили по-польски. Говорили недолго. Из слов я разобрал только одно:

— Ciała.

(Тело.)

Магдалена заметила, что на них смотрят, и перешла на английский.

— I go with Jan.

(Я пойду с Яном.)

Больше ничего не объяснила. Когда вода остыла, мы попробовали перелить её в бутылки. Стоило наклонить корыто чуть сильнее — вода шла сразу в две стороны, а через острый край нормально направить струю не получалось. Я держал корыто через ткань, Арджун подставлял бутылки. Часть всё равно пролилась на землю и по стеклу.

Но большую часть сохранили. Пластиковая бутылка Клауса наполнилась почти полностью. Бутылка Юрия Моисеевича — тоже. Третьей стала винная. Запах вина после промывки почти исчез; теперь от неё пахло дымом и тёплой водой. Остатки оставили в корыте. К нему снова по очереди наклонились те, кому хотелось пить.

После этого Клаус поднялся.

— Vladimir, Jan, Magdalena and I go to the body. Others stay here.

(Владимир, Ян, Магдалена и я идём к телу. Остальные остаются здесь.)

Ирина перевела для тех, кому это было нужно, уже без всяких украшений:

— Клаус, Владимир, Ян и Магдалена идут к погибшему. Мы остаёмся здесь.

Клаус показал на лес вокруг ручья.

— Stay close. No one goes alone.

(Держитесь рядом. Никто не ходит один.)

Ирина проводила взглядом его руку.

— С этим даже спорить не буду.

Содержимое голубого чемодана выложили у костра, а пустой чемодан взял Ян — пригодится, если у мыса удастся что-нибудь собрать. Я взял металлический профиль, бутылку воды и кусок ткани. Клаус — крепкую палку. Ян поднялся рядом с Магдаленой. Эва осталась у дерева.

Мы вчетвером пошли к северному мысу. На пляж мы вышли около полудня. Солнце стояло высоко, и мокрый песок у воды отражал свет так ярко, что приходилось щуриться. По сухой полосе идти было хуже: ступни проваливались, а нагретый песок быстро начинал припекать даже через подошвы, поэтому я держался ближе к лесу, где корни и низкие ветки мешали шагать, зато кроны время от времени закрывали голову. Клаус шёл следом. Ян и Магдалена держались вместе; когда нога Магдалены уходила в рыхлый песок, она иногда касалась локтя мужа, но почти сразу убирала руку. Никто не разговаривал.

Справа шумело море. Прилив уже поднимался, добираясь до камней, по которым утром можно было пройти сухими ногами, и после каждой волны на тёмной поверхности оставались полосы белой пены. У края леса я заметил знакомое растение-кувшин. Толстый зелёный сосуд висел между широкими листьями, загнутый край блестел от влаги. В прошлый раз жажда заставила меня подойти почти вплотную, но попробовать содержимое я тогда не стал. Сейчас остановился. Клаус проследил за моим взглядом.

— Do you know this plant?

(Ты знаешь это растение?)

— No. I saw the same one before. There is some liquid inside, but I didn't drink it.

(Нет. Я уже видел такое. Внутри есть какая-то жидкость, но я её не пил.)

Подняв металлический профиль, я ударил по стенке кувшина. Первый удар только промял плотную кожицу, второй прорубил щель. Поддев край металлом, я раскрыл растение почти пополам. На дне плескалась мутноватая жидкость, в которой плавали размокшие насекомые. Из разреза сразу потянуло кислой гнилью. Клаус наклонился, вдохнул и отстранился.

— I think your first decision was correct. We leave it.

(Думаю, первое решение было правильным. Оставляем.)

— Даже спорить не буду, — ответил я по-русски.

Я вытер профиль о листья, и мы продолжили путь. После прилива мусора на берегу стало больше. Между водорослями попадались пробки, обломки пластика, панели, куски ткани и щепки. Большая часть была бесполезной, но то, что могло пригодиться, я старался хотя бы запоминать. Примерно через полчаса у самой воды показался длинный прямоугольник. Ян увидел его почти одновременно со мной и первым свернул к морю. Оказалось, матрас от шезлонга — узкий, насквозь мокрый, с разорванной обивкой на одном углу. Изнутри торчал светлый вспененный материал. Матрас набрал воды, но всё ещё держался на поверхности.

Ян схватил его за край.

— We should take this. It can be useful at the camp.

(Надо забрать. В лагере пригодится.)

— On the way back. If we carry it now, it will only get in the way.

(На обратной дороге. Если понесём сейчас, он будет только мешать.)

Мы вдвоём вытащили матрас выше линии прилива и придавили тяжёлыми ветками. Магдалена, молча наблюдавшая за нами, посмотрела на воду.

— The tide is coming fast.

(Прилив быстро поднимается.)

— Да, — ответил я по-русски, а потом добавил по-английски: — We shouldn't stay at the cape too long.

(Нам не стоит надолго задерживаться у мыса.)

Клаус кивнул. Дальше пошли быстрее. Воздух под деревьями оставался влажным и почти неподвижным; пот стекал вдоль позвоночника, ткань сюртука липла к спине. Ян всё чаще вытирал лицо ладонью, Магдалена дышала тяжелее, однако темпа не снижала. До места добрались примерно через час.

В прошлый раз я вышел к телу через каменный уступ, спустившись сверху. Сейчас тащить троих сначала наверх, а потом обратно вниз под таким солнцем было бессмысленно, поэтому, вспомнив положение тёмного камня и изгиб берега, свернул в лес раньше. Кусты быстро сомкнулись вокруг. Лианы цеплялись, тонкие ветви пружинили и били по рукам. Я шёл первым, прорубая и раздвигая самые плотные участки, хотя мягкий металл уже начал гнуться, а заточенная кромка заметно затупилась. Через несколько метров Клаус спросил:

— You came this way before?

(Ты раньше шёл этой дорогой?)

— No. Before I came from the cliff. But the body is below it, and this way should be shorter.

(Нет. В прошлый раз я пришёл со стороны скалы. Но тело лежит под ней, а так должно быть короче.)

Клаус оглянулся назад, оценивая оставленный проход.

— Then remember the way back. With the body it will be harder.

(Тогда запоминай обратную дорогу. С телом будет тяжелее.)

— Да что тут запоминать, — пожал я плечами.

Эту часть он тоже не понял, но я как раз надломил очередную ветку на уровне груди, оставив её висеть поперёк прохода. Вскоре появился знакомый тёмный камень. Чуть дальше — корень, выгнутый над землёй. На широких листьях проступили бурые пятна. Я остановился.

Запах мы почувствовали почти одновременно. К сырой земле и прелой листве примешалась тяжёлая сладковатая вонь, а над кустами уже кружили мухи.

— Here.

(Здесь.)

Я раздвинул ветки профилем. Клаус сделал шаг вперёд и замер. Ян увидел тело через его плечо, резко отвернулся и отошёл к дереву. Через несколько секунд его вырвало; он долго стоял согнувшись, опираясь ладонью о ствол. Магдалена прикрыла рот рукой. Лицо у неё побледнело, но с места она не ушла. Клаус держался лучше, хотя крепче сжал палку. Утром тело выглядело страшно.

Сейчас стало хуже. Кровь потемнела, насекомых прибавилось, а рваная шея уже не оставляла даже возможности представить случайное падение или обычную травму. Клаус ещё несколько секунд смотрел на тело.

— The head is not here. We should look for it before we move him.

(Головы здесь нет. Нужно поискать её, прежде чем переносить тело.)

— You can stay here, — сказал Клаус.

(Можешь остаться здесь.)

Ян помотал головой и вытер рот тыльной стороной ладони.

— No. Just give me a minute.

(Нет. Просто дайте минуту.)

Он ещё несколько раз глубоко вдохнул, потом заставил себя посмотреть в сторону тела.

— What exactly are we looking for? The head? Blood?

(Что именно ищем? Голову? Кровь?)

— Anything that shows what happened here. The head, blood, broken branches, tracks in the leaves.

(Всё, что покажет, что здесь произошло. Голову, кровь, сломанные ветки, след по листве.)

— Stay close. If someone finds anything, call the others.

(Держимся рядом. Если кто-нибудь что-то найдёт, зовите остальных.)

Я пошёл влево, раздвигая листья профилем. Клаус взял правую сторону, Ян остался ближе к уступу, а Магдалена проверяла кусты и корни возле тела. Под ногами лежало несколько слоёв мокрой листвы, корни переплетались, растения лезли одно поверх другого. Любое тёмное пятно сначала заставляло остановиться, а вблизи оказывалось куском влажной коры или сгнившим листом. Когда Клаус позвал нас обратно, мы успели разойтись уже достаточно далеко. Ничего полезного никто не нашёл. Магдалена покачала головой.

— Nothing. I found no blood away from the body.

(Ничего. В стороне от тела я крови не нашла.)

Клаус посмотрел в заросли.

— We won't find it by walking blindly through the forest.

(Мы ничего не найдём, если будем вслепую ходить по лесу.)

Я опустил профиль.

— We need to bury him. Not here — there are too many roots. On the beach the sand will be easier.

(Нужно его похоронить. Не здесь — тут слишком много корней. На пляже песок копать легче.)

Ян снова посмотрел на тело.

— We carry him first and dig after?

(Сначала вынесем его, а потом будем копать?)

Я представил, как он лежит на открытом солнце, пока мы роём яму.

— Better dig first. We know where he is, and the body can stay in the shade until the grave is ready.

(Лучше сначала выкопать. Мы знаем, где он лежит, а пока готовим могилу, тело останется в тени.)

Клаус согласился, и мы вернулись на пляж. Место для могилы я выбрал выше мокрой полосы — достаточно далеко от воды, но не вплотную к лесу. Под сухим верхним слоем песок был влажнее и держал форму лучше. Клаус посмотрел на мыс. Прилив уже постепенно закрывал камни.

— We still have some time before the water covers everything there.

(У нас ещё есть немного времени, пока вода не закроет камни.)

После рифа я хорошо помнил, сколько еды можно упустить даже за час.

— Then you three check the rocks while I dig. Crabs, shells, fish if you see any. Stay where I can hear you.

(Тогда вы втроём проверьте камни, пока я копаю. Крабы, ракушки, рыба — всё, что найдёте. Оставайтесь там, где я смогу вас услышать.)

Клаус нахмурился.

— You want to dig alone?

(Ты хочешь копать один?)

— There are four of us, and the tide is coming in. If we all dig, we come back with no food.

(Нас четверо, а прилив уже идёт. Если все будем копать, вернёмся без еды.)

— And if something happens here?

(А если здесь что-нибудь случится?)

— I'll be on the open beach. You'll be close enough to hear me. If I see another body without a head, I promise I'll call.

(Я буду на открытом пляже. Вы будете достаточно близко, чтобы меня услышать. Если увижу ещё один труп без головы — обещаю позвать.)

Клаус даже не улыбнулся.

— Stay where we can hear you.

(Оставайся там, где мы тебя слышим.)

— OK.

(Хорошо.)

Клаус увёл Яна и Магдалену к камням. Я начал копать. Первые слои поддавались легко. Профилем разрыхлял плотный песок, руками выгребал его наружу, стараясь сразу делать яму шире, чтобы стенки не осыпались внутрь. Чем глубже уходил, тем тяжелее становился влажный слой. Песок лип к ладоням, набивался под ногти и снова сползал вниз с краёв. Приходилось возвращаться к уже вычищенным местам, расширять стенки и выгребать то, что только что осыпалось обратно. Солнце било в затылок.

Металлическая ручка натирала ладонь даже через загнутый край. Дыхание участилось, сюртук промок на спине, однако силы не уходили. Я работал дольше, чем должен был выдержать после всего пережитого, и всё равно не чувствовал той слабости, которая ещё вчера заставляла останавливаться после нескольких шагов. В очередной раз выпрямившись, я посмотрел на руки.

— Ну, так бывает, — пробормотал я.

Нет.

Не бывает.

Примерно через полчаса глубины уже хватало. Я позвал Клауса. Он отозвался почти сразу. У камней лежала небольшая куча крабов и раковин. Магдалена придерживала одного краба палкой, пока Ян пытался столкнуть его в сторону остальных. Клаус подошёл к яме и заглянул внутрь.

— Deep enough. We should bring him now.

(Достаточно глубоко. Теперь надо принести его.)

Магдалена осталась на пляже, продолжая собирать еду у камней, пока мы уходили в лес. Поднять мёртвого человека оказалось гораздо тяжелее, чем я представлял. Не только из-за веса: руки и ноги цеплялись за корни, мокрая ткань скользила в пальцах, а стоило одному из нас изменить хват, как нагрузка сразу переходила на остальных. Клаус взялся за плечи с одной стороны, я — с другой. Ян поднял ноги.

— Ready?

(Готовы?)

Клаус дождался, пока оба кивнут.

— Slowly. Don't pull. If he catches on something, stop.

(Медленно. Не тянем. Если за что-нибудь зацепится — останавливаемся.)

Так и шли, короткими переходами. То ткань цеплялась за корень, то рука тела застревала между кустами, и приходилось останавливаться, освобождать её и только потом двигаться дальше. К выходу на пляж вес уже заметно давил на плечи. Возле могилы мы положили тело на песок. Прежде чем опускать его внутрь, я присел и проверил карманы. Хотелось найти хоть что-нибудь: имя, документы, телефон. В мокрой ткани застрял песок, а сами карманы оказались почти пустыми. В одном нашлась только пластиковая карта-ключ от каюты — грязная, с потёртым углом и без имени. Я показал её Клаусу.

— Only a cabin key card. No name.

(Только карта-ключ от каюты. Имени нет.)

— Keep it. Maybe later we can understand which cabin it was.

(Сохрани. Может быть, позже удастся понять, от какой она каюты.)

Я убрал карту в карман. Других вещей, по которым можно было бы понять, кто этот парень, у него не оказалось. Перед нами лежал молодой человек в чёрной футболке. Я ничего о нём не знал, но всем было не по себе. После того как мы опустили тело в могилу, повисла тишина. Она затянулась, пока Клаус наконец не сказал:

— God rest his soul.

(Да упокоит Бог его душу.)

Это встряхнуло. Каждый из нас бросил в могилу по горсти песка, после чего мы начали её засыпать. Работали чем придётся: руками, ногами, палками. Если бы не тело в могиле, со стороны можно было бы подумать, что взрослые люди просто возятся в песке на пляже, как дети.

Через некоторое время вместо ямы остался невысокий неровный холм. Я нашёл крепкую палку и глубоко воткнул её со стороны головы. Она встала криво, пришлось ногой утрамбовать песок вокруг основания. Имени на ней не было. Даты тоже. Только палка над могилой человека, чьего имени я не знал. Мы ещё немного постояли молча, слушая прибой. Вода продолжала подниматься, скрывая камни у мыса один за другим, но до могилы оставалось далеко.

Клаус первым посмотрел в сторону берега.

— We should take what food we can before the tide covers the rocks. The others are waiting for us.

(Нужно собрать столько еды, сколько успеем, пока прилив не закрыл камни. Остальные нас ждут.)

Пресную воду тратить не стали: перед тем как лезть к камням за едой, спустились к морю и тщательно отмыли руки. Я поправил металлический профиль в руке.

— Let's go.

(Пойдём.)

Мы направились к камням. Пока я копал могилу, Клаус, Ян и Магдалена успели собрать у камней небольшую кучу крабов. Большинство были размером с ладонь или меньше: много

панциря, клешни и совсем немного мяса. По отдельности — почти ничего, но их набралось несколько десятков. Самый крупный оказался размером примерно с два моих кулака. Он лежал перевёрнутым, поджимая ноги, и пытался достать клешней палку, которой его придерживал Клаус. Клаус показал на щель между камнями.

— They hide in these cracks when the water goes down. You have to catch them before they get back inside.

(Они прячутся в этих щелях, когда вода отступает. Нужно успеть поймать их, прежде чем они заберутся обратно.)

Волна накрыла нижние камни и откатила, оставив после себя пену, водоросли и несколько крабов, торопливо перебирающих ногами по мокрой поверхности. Я подошёл ближе. Камни были скользкими. В углублениях оставалась вода, под водорослями не было видно, куда ставишь ногу, поэтому приходилось держаться на сухих выступах и слегка сгибать колени, принимая следующую волну. Один краб выскочил из-под камня и рванул боком к ближайшей трещине. Я ударил металлическим профилем. Промахнулся.

Металл звякнул о камень, краб исчез в щели. Ян усмехнулся.

— He is faster than you.

(Он быстрее тебя.)

— I noticed. Give me another one.

(Я заметил. Давайте следующего.)

Второго удалось прижать боковой частью профиля. Краб дёрнулся, вцепился клешней в металл, но Клаус коротко ударил палкой, после чего сбросил его в чемодан, который использовали вместо корзины. Внутри уже шуршали остальные. Они цеплялись друг за друга, стучали панцирями о пластиковые стенки и периодически пытались выбраться через неплотно прикрытую крышку. Мы разошлись вдоль камней. Через несколько минут я уже не бил наугад. Ждал, пока волна откатит, быстро осматривал мокрые выступы и прижимал краба, прежде чем тот успевал уйти в щель. Размахиваться тоже перестал — на скользких камнях недолго было самому оказаться в воде.

Некоторые всё равно успевали скрыться, а при промахе я получал в лицо солёными брызгами. Один раз нога всё-таки поехала на водорослях. Я успел присесть и упереться ладонью в камень, но острый край рассёк кожу у основания большого пальца. Соль сразу впилась в порез. Я поднял руку. Крови почти не было. Под рукавом оставалась метка.

Натянув ткань ниже, я продолжил. Крабов здесь хватало. Камни у мыса образовывали десятки щелей, небольших луж и карманов, где после отката оставались крабы, моллюски и мелкая рыба. Следующая волна снова заливала их водой. Через некоторое время я перестал оглядываться на могилу. Кривая палка всё ещё торчала из песка между берегом и зеленью, а я снова следил за камнями. Прижать.

Поднять. Бросить в чемодан. В одной из каменных луж мелькнула рыба. Она зашла туда с волной и теперь металась между двумя выступами, не находя узкого выхода. Серебристо-серая, длиной примерно с предплечье, килограмма на два. Я шагнул в воду. Первый удар прошёл по боку.

Рыба рванулась, ударила хвостом и едва не перелетела через низкий край лужи. Второй попал ближе к голове. Вода вспенилась. Клаус прыгнул в лужу почти по колено и прижал рыбу палкой.

— Hold it! It is slipping!

(Держи её! Она уходит!)

Я завёл пальцы под жабры и подтянул рыбу выше. Она ещё несколько раз ударила хвостом по камню, потом затихла. Клаус выпрямился. С брюк текла вода, а на лице впервые после могилы появилась нормальная улыбка.

— This one is worth the trouble.

(Вот ради этой стоило повозиться.)

— Better than chasing ten small crabs.

(Лучше, чем гоняться за десятком мелких крабов.)

Он посмотрел на чемодан.

— We take both. One doesn't exclude the other.

(Берём и то и другое. Одно другому не мешает.)

Кроме крабов и рыбы мы отковыряли от камней девять морских ежей. Чёрные колючие шары держались за поверхность так крепко, что приходилось заводить профиль сбоку и медленно отрывать их, стараясь не загнать иглы в ладонь. Я знал только, что морских ежей едят. На этом знания заканчивались. Подняв одного на профиле, я посмотрел на Клауса.

— You are sure these are edible? I know people eat sea urchins, but I have no idea which ones.

(Вы уверены, что они съедобные? Я знаю, что морских ежей едят, но понятия не имею, каких именно.)

Клаус присмотрелся.

— I ate ones like these before.

(Я раньше ел похожих.)

Ян тоже подошёл ближе.

— We had them in restaurants. They look the same.

(Мы ели таких в ресторанах. Выглядят так же.)

Это было не то заключение, которому я доверил бы жизнь в нормальных условиях. Но нормальных условий не было.

— Okay. We take them.

(Хорошо. Тогда берём.)

Прилив тем временем вошёл в полную силу. Открытых камней становилось всё меньше. Волны уже накрывали места, где несколько минут назад можно было стоять, а после каждого отката вода оставляла всё меньше времени. Чемодан начало бить о ноги. Клаус посмотрел на море.

— Enough. The tide is already covering the rocks, and hunting crabs is becoming difficult. If we stay longer, getting back will become harder than finding the food.

(Хватит. Прилив уже закрывает камни, и ловить крабов становится всё сложнее. Если задержимся, вернуться будет труднее, чем найти еду.)

Я взял рыбу и металлический профиль. Клаус поднял чемодан с крабами, Ян завернул морских ежей в кусок ткани, а Магдалена помогала Клаусу придерживать чемодан с другой стороны, когда тот цеплялся за камни. По дороге забрали матрас от шезлонга. Он лежал там же, куда мы его оттащили, придавленный ветками. Обивка за это время немного просохла, но вода всё ещё капала через разорванный угол. После могилы, камней и нескольких часов на ногах мокрый матрас неожиданно стал походить на предмет роскоши. До ручья добрались мокрые, покрытые песком и солью.

Чемодан шурушал и подрагивал. Рыба лежала у меня на плече, холодный хвост при каждом шаге бил по спине. Матрас цеплялся за кусты, заставляя Яна останавливаться и освобождать застрявший угол. Арджун заметил нас первым. Он вскочил возле костра, посмотрел на рыбу, затем на чемодан.

— You found food?

(Вы нашли еду?)

Клаус поставил чемодан на землю.

— Enough for tonight, I think.

(Думаю, на сегодняшний вечер хватит.)

Арджун сразу присел рядом. В глазах впервые за последние часы появилась настоящая заинтересованность. Он потянулся к крупному крабу, вовремя заметил поднимающуюся клешню

и убрал пальцы. Юрий Моисеевич подошёл следом. Заглянул в чемодан, посмотрел на рыбу у меня на плече, потом на свёрток с ежами.

— Ну наконец-то. Море сегодня решило не только пытаться нас убить, но и покормить. Уже какое-то развитие отношений.

Он забрал у меня рыбу и сразу повернулся к Арджуну.

— Крабов надо промыть. Только в ручей их не выпускай, а то потом будем ловить второй раз.

Арджун по-русски не понял. Юрий Моисеевич махнул рукой в сторону воды и перешёл на английский:

— Arjun, wash the crabs, but keep them in the case. Don't let them get into the stream.

(Арджун, промой крабов, но держи их в чемодане. Не дай им уйти в ручей.)

Арджун кивнул. Юрий Моисеевич перевёл взгляд на Яна:

— Jan, we need more wood. The fire will have to work for a long time.

(Ян, нужно ещё дров. Костру придётся работать долго.)

Потом посмотрел на Ирину. Она уже начала сдвигаться с места, собираясь встать.

— А вы даже не начинайте.

Ирина остановилась.

— Я ещё ничего не сделала.

— Именно это состояние я и предлагаю сохранить.

Она посмотрела на свою распухшую ногу, потом на гору еды.

— Вообще-то я могла бы хотя бы помочь чистить.

— Сидя — пожалуйста. Ходить пока вас никто не просил.

— Какой сервис.

Сказано было без раздражения. Ирина подтянула к себе плоский камень и устроилась удобнее, явно не собираясь оставаться просто наблюдателем. Юрий Моисеевич проверил жестяное корыто, пошевелил один из мятых углов и поморщился.

— Владимир, я понимаю, что перед нами вершина инженерной мысли, но второй ужин оно переживёт?

Я посмотрел на перекошенный угол.

— А куда оно денется? — с удивлением спросил я.

— Великолепно! Я всегда говорил, что человек, отвечающий за качество своих изделий, сможет выжить даже в Судный день. Ну или хотя бы умереть с чистой совестью.

— Ох, не спешите с выводами. Нам бы обычный день дожить, про Судный я уже молчу. Да и совесть у меня не такая кристально чистая, как у вас, — слегка поддел я пожилого еврея.

Юрий Моисеевич как-то особенно лукаво улыбнулся, но тему развивать не стал. Арджун вернулся с первыми промытыми крабами. Дальше Юрий Моисеевич уже не шутил. Он показал парню, как уложить крабов в корыто так, чтобы клешни меньше цеплялись за края, объяснил, сколько налить воды, и сам проверил, устойчиво ли стоит жесть над огнём. Пока крабы нагревались, занялись рыбой. Нормального ножа всё ещё не было. Использовали складной нож Юрия Моисеевича и мой металлический профиль: нож вяз в чешуе, профиль рвал кожу, зато вместе худо-бедно справлялись. Голову и плавники Юрий Моисеевич отложил отдельно.

— Это в уху, — прокомментировал свои действия Юрий Моисеевич.

Я посмотрел на одну рыбью голову.

— Не маловато?

— Владимир, уха начинается не с количества рыбы. Она начинается с человека, у которого достаточно наглости назвать уху ухой.

Ирина тихо рассмеялась.

— Похоже, уха будет наваристой, как бульон из кубиков «Магги».

— Вот. Наконец грамотный подход.

Юрий Моисеевич очистил рыбу, завернул её в широкие листья, обмазал снаружи влажной глиной с золой и положил возле углей, где жар был ровнее. Арджун всё это время следил за ним. Через минуту присел рядом, осторожно поправил свёрток и отодвинул один из углей.

— Too hot here. Outside burns first.

(Здесь слишком жарко. Снаружи сгорит раньше.)

Юрий Моисеевич посмотрел на угли, потом без споров передвинул рыбу дальше от жара.

— Прав.

Юрий Моисеевич сказал это с явным одобрением. Арджун слов не понял, но улыбнулся и кивнул. С морскими ежами вышло хуже. Их вскрывали на плоском камне, обламывая мешавшие колючки. Пахло резко, содержимое выглядело, скажем честно, мерзко, а съедобного внутри оказалось совсем немного. Я попробовал первым. Вкус был солёный, густой, с неприятным металлическим оттенком. Юрий Моисеевич дождался, пока я проглочу.

— Ну?

— Теперь понимаю, почему их едят в дорогих ресторанах.

— И почему же?

— Сначала человек платит. Потом уже поздно отказываться.

Ирина фыркнула.

— Здравое экономическое объяснение, — одобрил Юрий Моисеевич.

Арджун тем временем попробовал ежа сам, аккуратно подцепив содержимое обломком раковины. Прожевал, взял ещё немного и поднял большой палец.

— Good.

(Вкусно.)

— Молодой человек, с такими способностями вы далеко пойдёте.

Арджун вопросительно посмотрел на Ирину.

— He says you have a special talent for eating strange things.

(Он говорит, что у тебя особый талант есть странные вещи.)

Арджун рассмеялся.

— I'm from India. We eat things much stranger than this. It's just habit. And on the ship I tasted worse things.

(Я из Индии. У нас едят вещи и пострашнее. Это просто привычка. А на лайнере мне доводилось пробовать и похуже.)

— Seriously?

(Серьёзно?)

— Cooks must taste everything. Sometimes that is a mistake.

(Повар должен пробовать всё. Иногда это ошибка.)

— What was the worst thing you had to taste? — спросил я.

(А что было самым худшим?)

Арджун задумался.

— On the ship? One French sauce. I still don't know if it was supposed to taste like that.

(На лайнере? Один французский соус. Я до сих пор не знаю, должен ли он был быть таким на вкус.)

На этот раз Ирина рассмеялась уже в голос. На несколько секунд даже Ян улыбнулся. Крабы постепенно краснели. От корыта пошёл густой морской запах, и люди один за другим начали подтягиваться к костру. Магдалена несколько раз поправляла выбившиеся волосы и смотрела на пар. Ян подкладывал ветки, не дожидаясь просьб. Эва пересела ближе, хотя всё равно оставила между собой и остальными небольшое расстояние. Когда крабов вытащили, ждать никто не стал. Панцири ломали камнями. Горячие осколки выскальзывали из пальцев, мясо приходилось выковыривать из суставов и клешней. В мелких крабах его почти не было, зато самих крабов хватало.

Крупных разделили. Юрию Моисеевичу оставили одного целиком. С утра он почти ничего не ел, и теперь, получив краба, сел с ним на колених и начал разбирать панцирь с таким вниманием, будто работал с часовым механизмом. Первые несколько минут возле костра слышались только треск панцирей, дыхание и журчание ручья. Юрий Моисеевич закончил первую клешню, облизал пальцы и сказал:

— Вот теперь можно обсуждать выживание. До еды это были в основном слухи.

За крабами пришла уха. Получилась она мутной, с небольшими кусками рыбы, без овощей, соли и нормальных приправ. От корыта вода отдавала металлом, от костра — дымом. Но она была горячей. Пластиковые бутылки портить горячим не хотелось, поэтому использовали крупные половинки раковин, свёрнутые листья и всё, из чего можно было сделать хотя бы несколько глотков. Часть ухи проливалась на руки и одежду, но никто особенно не переживал. Ирина получила сложенный в несколько слоёв широкий лист.

Посмотрела на него.

— Я сегодня из корыта пила, теперь ем суп из листа. Если кто-нибудь завтра предложит мне тарелку, могу не узнать.

— Не привыкайте к роскоши, — сказал Юрий Моисеевич. — Тарелка ещё не заслужена.

— Очень мотивирует.

Последней достали запечённую рыбу. Листья почернели, глиняная корка пошла трещинами. Юрий Моисеевич разбил её камнем и развернул свёрток. Вышел пар. Мясо оказалось белым и мягким. Делили небольшими кусками, следя, чтобы досталось всем. Эва долго держала свою порцию в ладони, прежде чем начать есть. Магдалена незаметно переложила часть своего куска Яну. Я это заметил. Ян на секунду задержал взгляд на её ладони, потом посмотрел на Магдалену, но ничего не сказал.

Мы не наелись досыта, но тяжесть пустого желудка исчезла, руки больше не дрожали, а запах еды перестал заставлять машинально следить, сколько осталось у остальных. Несколько минут можно было просто сидеть у костра и никуда не спешить.

Глава 10. Холодная ночь

Второй день после крушения • Владимир

Постепенно темнело. Свет над ручьём стал мягче, тени от деревьев вытянулись, дневная жара наконец начала спадать. После еды все устроились вокруг костра кто как мог. Ирина легла у корня, вытянув больную ногу. Арджун собрал пустые панцири в отдельную кучку, не желая оставлять мусор возле воды. Клаус перебирал дрова и проверял сложенные рядом палки.

Ян и Магдалена о чём-то тихо заговорили по-польски.

— Na pewno wszystko powie. Mówiłam ci, że nie trzeba było jej ze sobą zabierać.

(Она точно всё расскажет. Говорила я тебе, не нужно было её тащить с собой.)

— A co mieliśmy z nią zrobić? Przecież jej nie zabijemy.

(А куда её деть? Не убивать же?)

— Jan...

(Ян...)

— Cicho. Za dużo ludzi dookoła.

(Помолчи, вокруг слишком много людей.)

Слов я не понимал, но интонация заставила прислушаться. Магдалена на мгновение посмотрела в сторону Эвы. Эва сидела отдельно и на них не смотрела. Юрий Моисеевич устроился на мокром матрасе. Обивка продавилась под его весом и тихо выпустила воду. Он поморщился.

— Вот теперь, если не считать кораблекрушения, джунглей, могилы и постели, которая пытается меня утопить уже на суше, день почти удался.

Ирина не открыла глаз.

— Не сглазьте. У нас ещё ночь впереди.

— Человеку в вашем возрасте нельзя быть таким пессимистичным.

— А я и не пессимистична. После того как мы нашли человека без головы, я даже слегка оптимистична. Поэтому многого не прошу: хочу хотя бы проснуться утром там же, где заснула. Ну или просто проснуться.

— Требования у вас, конечно, занижены. Человек должен иметь мечту, пусть даже неисполнимую. Это я вам как повидавший жизнь говорю. И потом, скажу вам по секрету: если к мечте добавить срок, то это уже цель. А в нашем случае иметь цель — уже половина успеха.

Ирина открыла глаза.

— То есть оказаться дома сейчас — это мечта, а оказаться дома не позже чем через неделю — уже цель?

Юрий Моисеевич посмотрел на неё с одобрением.

— Вы очень смышлёная барышня. Всё-таки зря я иногда ругаю молодёжь.

После еды Клаус первым заговорил о ночных дежурствах. Костёр ещё горел ровно, возле него сохли собранные ветки, а люди, немного отогревшись горячей едой, постепенно устраивались на земле. Ян сидел, опершись спиной о дерево, Магдалена положила голову ему на плечо, Арджун несколько раз зевнул, пытаясь делать это незаметно. Клаус немного подумал и начал распределять роли. Я всё ещё не мог понять, как у него это получается. Он говорил совершенно очевидные вещи, но звучали они почему-то как приказы. И ведь не поспоришь — всё по делу. Только я каждый раз начинал чувствовать себя подчинённым, и сразу хотелось возмутиться. Хотя возмущаться, если человек говорит разумные вещи, было глупо.

— We need watches tonight. Two people at a time. Jan and Magdalena first. Then Yuri and Arjun. Vladimir and Eva before sunrise. I'll take the last watch alone, until morning.

(Сегодня ночью нужны дежурные. По двое. Сначала Ян и Магдалена. Потом Юрий и Арджун. Владимир и Эва — перед рассветом. Последнюю смену до утра я возьму на себя один.)

Ян коротко кивнул. Магдалена сказала ему что-то по-польски:

— I tak jeszcze nie zasnę.

(Я всё равно пока не усну.)

Клаус вопросительно посмотрел на неё, но Ян уже перешёл на английский:

— First watch is fine for us.

(Первая смена нас устраивает.)

Юрий Моисеевич посмотрел на Арджуна.

— Старики и дети в одну смену?

Арджун заметил взгляд и насторожился. Юрий Моисеевич продолжил уже по-английски:

— Nothing bad. I'm just trying to understand which of us is supposed to be the responsible adult.

(Ничего плохого. Я просто пытаюсь понять, кто из нас должен изображать ответственного взрослого.)

Арджун улыбнулся.

— I worked many night shifts in the kitchen. Sometimes until morning.

(Я много раз работал в ночную смену на кухне. Иногда до самого утра.)

— И как, не засыпал? — спросил я.

Арджун не понял.

— You didn't fall asleep? — повторил я по-английски.

(Не засыпал?)

— Usually no. If chef was angry — definitely no.

(Обычно нет. Если шеф был злой — точно нет.)

— Вот видишь, — сказал Юрий Моисеевич мне. — Ещё и опытнее.

Ирина, уже устроившаяся возле корней, подтянула к себе сложенную ткань.

— А меня, я так понимаю, освободили по состоянию здоровья?

— Считаю, что ты на больничном.

— В Германии больничный из-за такой мелочи не получишь. И в конце концов, глаза-то у меня работают нормально. Наблюдать больная нога не мешает.

— Ну, может, ты и права. Но заставлять тебя не будем, чисто по-человечески. Захочешь подежурить — сама присоединяйся к Клаусу.

Через несколько минут она уже спала. Я привалился спиной к дереву. Ладони саднили от песка, металла и соли. Под рукавом скрывалась метка, в кармане лежала чужая карта-ключ, а далеко к северу оставалась могила без имени. Но сейчас у костра пахло дымом и варёными крабами, рядом текла пресная вода, а все, кого мы привели сюда, были живы. Я лёг ближе к костру, положив металлический профиль возле правой руки. Под голову ничего подкладывать не стал — сложил руки под затылком. Земля здесь была неровной, один из корней давил под лопатку, но после сегодняшнего дня это уже не имело значения.

Вокруг ещё разговаривали. Ян и Магдалена тихо переговаривались по-польски. Клаус что-то объяснял Арджуну, показывая, сколько дров оставить возле огня. Юрий Моисеевич возился с сумкой. Потом голоса начали уходить куда-то дальше. Я закрыл глаза. Москва при-
снилась неожиданно. Не дом, не станица, не семья.

Обычная зимняя Москва, какой я её помнил ещё со времён института: серое небо между домами, грязный снег вдоль бордюра, мокрый асфальт, по которому машины тащили за собой чёрную кашу из воды и реагентов. Я шёл по тротуару в одной рубашке. Почему без куртки — не знал. Сначала было просто неприятно. Ветер заходил под ткань, обжигал спину, пальцы постепенно немели. Потом холод усилился. Он пробирался от кончиков пальцев, миллиметр за миллиметром захватывая тело. Зубы застучали. Я в попытке согреться засунул руки под мышки.

Не помогло.

Мимо проходили люди в тёплой одежде, изо рта у них вырывался пар. Из открывшейся двери магазина на несколько секунд дохнуло тёплым воздухом, и я повернул туда, но дверь закрылась раньше, чем успел подойти. Холод был уже везде. Тело постепенно наливалось тяжестью, а под грудиной будто поселилась воронка, которая втягивала в себя тепло. Вместе с теплом уходили силы, дыхание становилось тяжёлым, словно после долгого бега.

Очень хотелось согреться.

Я рванулся к очередной двери, но кто-то схватил меня за плечо.

— Vladimir. Wake up.

(Владимир. Просытайся.)

В свете костра я увидел склонившегося надо мной Арджуна. Глаза у него блестели, лицо было встревоженным — похоже, он испугался.

— Something is wrong.

(Что-то не так.)

Я ещё не понимал, где нахожусь, куда делись городские улицы и почему мне так холодно. Рядом потрескивали угли, от них тянуло тёплым воздухом. Парадоксально: тепло я чувствовал кожей, но согреться не получалось. Под грудиной всё ещё сидел тот же холод, будто часть московской зимы я каким-то образом притащил с собой из сна.

У костра сидел Юрий Моисеевич. Смотрел перед собой, почти не двигаясь.

— Давно это началось?

Он ответил не сразу:

— Минут пять где-то. Не уверен. Всё постепенно началось.

Говорил он непривычно отстранённо и смотрел куда-то мимо меня.

Арджун тем временем отошёл к остальным и начал будить Эву и Клауса.

Ян сел рядом с Магдаленой, подтянув колени к груди. Магдалена растирала руки и что-то быстро говорила ему по-польски.

— To nie jest normalne. Powietrze jest ciepłe.

(Это ненормально. Воздух тёплый.)

Эва почти сразу придвинулась к костру. Клаус сел, осмотрел людей, потом протянул ладонь к углям.

— Why is everyone cold?

(Почему всем холодно?)

Я тоже вытянул руку к огню. Кожу начало припекать почти сразу. Холод внутри остался.

— It's not the air. The fire is hot.

(Дело не в воздухе. Огонь горячий.)

Эва обхватила себя руками.

— I feel weak too. Like I haven't slept at all.

(Я ещё и слабость чувствую. Будто совсем не спала.)

— Same, — ответил Ян. — My arms feel heavy.

(У меня то же самое. Руки стали тяжёлыми.)

Клаус поднялся. Движение далось ему заметно тяжелее, чем должно было. Он расправил плечи, сделал несколько шагов и остановился возле костра.

— Everyone stay close.

(Все держитесь рядом.)

Юрий Моисеевич посмотрел на него.

— Куда уж ближе. Ещё немного — и начнём греться друг об друга.

Голос оставался привычным, но говорил он через короткие вдохи. Холод продолжал усиливаться. Пальцы начали мелко дрожать. В плечах появилась тяжесть, будто после нескольких часов физической работы, хотя я только проснулся. После последних суток без привычной усталости эта тяжесть ощущалась особенно резко. Юрий Моисеевич попытался подняться.

Ладонь соскользнула с матраса, и он остался сидеть. Посмотрел на свои руки. Потом в темноту за костром. Шутить перестал.

— Володя...

— Что?

Он не ответил. Повернул голову немного выше, будто услышал что-то среди ветвей. Сверху раздался сухой шелчок. Юрий Моисеевич вскинул руки, закрывая голову. Следом зашумела листва. Клаус резко обернулся.

Верхушка дерева слева от костра качнулась. Сначала медленно, затем быстрее, цепляясь за соседние ветви и увлекая их за собой.

— Move!

(Отойдите!)

Я схватил профиль и оттолкнулся от земли. Клаус дернул Арджуна за плечо. Ян потянул Магдалену в сторону ручья. Эва отскочила от костра. Верхушка рухнула на край поляны. Толстые ветви ударили по земле, разметав пустые панцири и несколько сложенных рядом сучьев. Одна задела край матраса, другая перевернула пустую бутылку. Поток воздуха прижал пламя к углям, а потом оно вспыхнуло выше, выбросив россыпь искр. Позади кто-то вскрикнул. Ирина уже сидела, придерживая больную ногу и пытаясь понять, куда смотреть.

— Что произошло?

— Пока не знаю.

Все ещё двигались, проверяя, никого ли не задело. Арджун стоял рядом с Клаусом. Ян удерживал Магдалену за предплечье. Эва отошла почти к самому ручью. Юрий Моисеевич медленно опустил руки. Через несколько секунд я понял, что дрожь стала слабее.

Холод не исчез сразу, однако перестал нарастать. Ледяная тяжесть под грудиной постепенно отпускала, пальцы снова начали нормально слушаться. Клаус первым подошёл к стволу. Я направился следом. Он подобрал горящую ветку и поднял её выше.

Древесина на срезе была светлой, влажной и почти ровной. Не торчало длинных щепок, не было расщеплённых волокон, которые остаются, когда тяжёлая верхушка ломается под собственным весом. Ствол словно пересекли одной плоскостью. Клаус провёл пальцем возле края.

— This was cut. It didn't break.

(Это срезали. Оно не сломалось.)

Я приложил металлический профиль к древесине и сильно надавил. Даже заточенный край оставил только неглубокую борозду.

— We can't cut it like this. Not with our tools.

(Мы не можем так срезать дерево. Не нашими инструментами.)

Ян подошёл ближе. Магдалена остановилась чуть позади него, осматривая не срез, а тёмный лес.

— Może ktoś tam jest.

(Возможно, там кто-то есть.)

Фразу я разобрал, несмотря на польский, но Ян продублировал её на английском для остальных:

— Magdalena thinks someone may be in the forest.

(Магдалена думает, что в лесу может кто-то быть.)

Клаус моментально начал раздавать приказы:

— We check around the camp. Not far.

(Проверим вокруг лагеря. Далеко не уходим.)

Ирина осталась у огня — с её ногой быстро подойти к остальным она не могла.

— Владимир, что там?

— Непонятно. Дерево не сломано, ствол срезан ровно. Настолько ровно, что кажется, будто его отшлифовали.

— Чем такое вообще можно сделать? — с тревогой спросила она.

— Если найдём, кто это сделал, обязательно спрошу, — негромко пробормотал я, действительно пытаюсь представить, какой инструмент или вообще какое явление способно оставить такой срез.

Клаус тем временем уже распределял направления:

— Vladimir, left side. Jan, right side. Arjun, near the stream. Look for broken branches, large tracks, anything unusual. Stay where we can hear each other.

(Владимир — слева. Ян — справа. Арджун — возле ручья. Ищите сломанные ветки, крупные следы и всё необычное. Оставайтесь так, чтобы мы могли слышать друг друга.)

Магдалена сразу сказала Яну:

— Nie idź daleko. Pamiętaj, że tutaj może być bardzo niebezpiecznie.

(Не уходи далеко. Не забывай о том, что здесь может быть очень опасно.)

В этот раз я понял только то, что Магдалена просит не уходить далеко.

Юрий Моисеевич посмотрел на Клауса.

— А я?

Клаус показал на костёр.

— Stay here.

(Оставайтесь здесь.)

Юрий Моисеевич оглянулся на лес.

— Первый разумный приказ за ночь.

Я взял профиль и пошёл в заросли. Первые несколько метров ещё освещал костёр. Оранжевые отблески ложились на стволы, блестели на мокрых листьях и позволяли различать землю между корнями. Дальше помогала луна. Свет пробивался через кроны неровными пятнами: где-то земля была видна достаточно хорошо, чтобы различить крупный отпечаток или примятую листву, а через несколько шагов всё снова превращалось в серо-чёрную массу. Искать отдельные следы обуви в таком освещении было бессмысленно.

Вместо отдельных следов я искал свежие крупные изломы, сильно примятую траву, сдвинутые ветви — что-нибудь достаточно большое, чтобы заметить даже ночью. Возле ручья земля была мягкой, и в отблесках костра я различал наши собственные отпечатки: кто-то несколько раз прошёл к воде, кто-то поскользнулся, возле костра песок был истоптан почти полностью. Чужого следа среди них не нашёл.

Чуть дальше попала сломанная ветка. Свежий излом светлел в лунном пятне, но рядом угадывался мой собственный след. Скорее всего, зацепил её ещё днём. На соседнем стволе тянулась тёмная полоса. Я подошёл ближе и провёл пальцами. Грязь от лианы. В кустах впереди что-то резко зашуршало.

Я скинул профиль перед грудью. Из листвы вылетела небольшая птица, прошла почти над плечом и исчезла в кронах. Я выдохнул.

— Тьфу ты. Напугала, зараза.

Лес вокруг продолжал шуршать, стрекотать и время от времени отзываться короткими криками сверху, но ничего крупного между деревьями не двигалось. Через несколько минут я увидел Арджуна. Он показался в светлом промежутке между стволами, держа палку обеими руками.

— Did you find anything?

(Ты что-нибудь нашёл?)

— Nothing. Near the fire, only our tracks. Farther away it's too dark. I can't see small tracks there.

(Ничего. Возле костра только наши следы. Дальше слишком темно. Мелкие следы там не разглядеть.)

Арджун покачал головой.

— Same near the stream. Small tracks, but nothing big.

(У ручья то же самое. Мелкие следы есть, но ничего крупного.)

Мы вернулись вместе. Ян появился почти одновременно с нами.

— Nothing.

(Ничего.)

Он сказал ещё что-то Магдалене по-польски. Она коротко ответила и покачала головой. Пока мы ходили, ночь начала отступать. Сначала просто стало легче различать лица возле огня. Потом между верхушками деревьев появилось серое небо, стволы отделились друг от друга, и то, что ещё несколько минут назад выглядело одной тёмной стеной, снова превратилось в обычный лес. Хотя слово «обычный» после ровно срезанного дерева подходило ему всё хуже. Клаус ещё раз осмотрел срез.

— We should check again in daylight.

(Нужно будет проверить ещё раз при дневном свете.)

— Yes. We might be missing something now.

(Да, сейчас мы можем что-то упустить.)

Холод прошёл, но слабость осталась. Я чувствовал, что тело восстанавливается достаточно быстро, почти как после обычной физической нагрузки. В лагере понемногу успокоились, люди снова расселись возле костра. Правда, похоже, это было только внешне — спать уже никто не собирался.

— Так дальше не пойдёт, — сказал я Юрию Моисеевичу и Ирине. — Нам нужен нормальный план. Хотя бы на несколько дней. Вчера мы только и делали, что ждали очередной проблемы, а потом бросались её решать.

Юрий Моисеевич поправил очки.

— Очень своевременная мысль. Ещё дня два в таком режиме — и можно будет официально считать это образом жизни.

Остальные смотрели на нас, ожидая перевода. Я решил попробовать сам:

— We need a plan. For today and next days. Yesterday we only...

(Нам нужен план. На сегодня и ближайшие дни. Вчера мы только...)

Слово застряло.

— Reacted, — подсказала Ирина.

(Реагировали.)

— Yes. Reacted. One problem comes, we fix it. Then another one. We need to prepare before it happens.

(Да. Реагировали. Возникает одна проблема — мы её решаем. Потом появляется следующая. Нужно готовиться заранее, до того, как что-нибудь случится.)

Клаус посмотрел на упавшую верхушку.

— I agree. But first we make the camp safer. We move away from the big trees. We don't know why that tree fell.

(Согласен. Но сначала нужно обезопасить себя. Перенести лагерь подальше от больших деревьев. Мы не знаем, почему это дерево упало.)

Ян сразу кивнул.

— I agree. That tree fell too close. It could have crushed us.

(Согласен. Это дерево упало слишком близко. Нас могло придавить.)

— Но совсем из-под деревьев мы уйти не можем. Днём это тень, без которой мы сгорим на солнце. Да и от ручья далеко не уйдёшь, — возразила Ирина.

Она перевела свою мысль:

— But we can't move completely away from the trees. We need shade during the day, or we'll burn in the sun. And we can't go too far from the stream.

(Но совсем от деревьев мы уйти не можем. Днём нам нужна тень, иначе мы сгорим на солнце. И от ручья далеко уходить нельзя.)

Арджун, до этого слушавший молча, показал на тёмную полосу влажной земли возле берега.

— But not too close. Look here.

(Но и не слишком близко. Смотрите.)

Он подошёл к ручью и провёл палкой по границе между сухой и более тёмной землёй.

— I think the water was higher before. Maybe after rain. If we sleep here and the stream rises...

(Мне кажется, раньше вода поднималась выше. Может быть, после дождя. Если мы будем спать здесь и ручей поднимется...)

Он не закончил, только показал палкой на наши вещи. Клаус прошёл несколько шагов вверх по склону и задрал голову, разглядывая кроны.

— Here. Higher up the slope. Close to the stream, but above that line. There are no large branches over us here, mostly leaves. If something falls, it shouldn't hurt anyone badly.

(Думаю, здесь. Выше по склону. Рядом с ручьём, но выше этой отметки. Больших веток над нами тут нет, в основном листья. Даже если что-то упадёт, серьёзно навредить не должно.)

— Sounds good, — сказал Ян.

(Нормально.)

Юрий Моисеевич постучал пальцами по колену.

— Допустим, этот вопрос мы решили. А завтрак завтра где брать будем?

Эта привычка Юрия Моисеевича говорить по-русски, хотя он знал и немецкий, и английский, уже начинала меня забавлять. Ведь ему ничего не стоило сразу говорить на английском, но нет.

Ирина перевела Клаусу общий смысл, заодно показав в сторону пляжа:

— We can't do this every day.

(Мы не можем каждый день тратить столько времени и сил на добычу еды.)

Клаус немного подумал.

— Fishing is probably the fastest way.

(Наверное, самый быстрый способ — рыбалка.)

— A net, — сказал я. — Maybe.

(Сеть. Может быть.)

Ян не согласился:

— With what? We don't have anything strong enough.

(Из чего? У нас нет ничего достаточно прочного.)

— There is a lot of cloth on the beach. Pieces from the ship, bags, straps. We cut it into...

(На пляже много ткани. Обрывки с корабля, сумки, ремни. Нарежем её на...)

Слово вылетело из головы.

— Как «полосы»?

— Strips, — подсказала Ирина.

(Полосы.)

— Strips. Tie them together. Make something like a net.

(Полосы. Связать их вместе. Сделать что-то вроде сети.)

— Cloth will tear. Especially when it gets wet.

(Ткань порвётся. Особенно когда намокнет.)

Возможно. Нормальной сети из того, что валялось на берегу, я и сам пока не представлял.

— We still have to try.

(Всё равно надо попробовать.)

Клаус на этом спор закончил: обсуждать конструкцию сети дальше смысла не было.

— Then look for anything useful on the beach. Cloth, rope, whatever you find.

(Тогда ищите на берегу всё, что может пригодиться. Ткань, верёвки — что найдёте.)

Юрий Моисеевич поднял палец.

— И кастрюлю.

Клаус вопросительно посмотрел на него. Я показал на закопчённое корыто.

— Another pot. Or any metal container. This one works, but it leaks and the edges are sharp.

(Ещё одну кастрюлю. Или любую металлическую ёмкость. Эта работает, но протекает, а края острые.)

Ирина посмотрела на упавшее дерево.

— We keep the night watches.

(Ночные дежурства оставляем.)

Клаус кивнул сразу.

— Yes. Every night. Two people.

(Да. Каждую ночь. По двое.)

Я посмотрел на людей вокруг костра. Я терпеть не мог собрания и всю эту организационную возню, но сейчас радовало другое: мы впервые обсуждали не ближайшую проблему, а то, что будем делать дальше всей группой. На несколько секунд у меня даже появилось ощущение, что мы действительно можем действовать сообща и быть друг другу полезны. Потом взгляд зацепился за Эву. Она сидела чуть в стороне и за весь разговор не сказала ни слова. Ощущение как-то сразу потускнело. Свет между деревьями становился всё ярче. Теперь можно было рассмотреть и вытоптанную землю возле костра, и мокрые листья, и ровный светлый срез на стволе.

Я уже собирался подняться, когда свет у края поляны изменился. Сначала решил, что солнце наконец добралось сквозь кроны. На рубашке Клауса появился тёплый желтоватый отблеск, похожий на первый луч рассвета. Только солнце находилось с другой стороны. Костёр тоже не мог дать такой свет: Клаус стоял к нему спиной. Я прищурился. Свечение шло из-под рубашки.

— Klaus, — позвал Ян.

(Клаус.)

Клаус обернулся. Свет уже охватывал грудь и плечи, проступая сквозь ткань, затем начал расходиться вниз по рукам. Сначала слабый, желтоватый, он быстро становился белее. Арджун вскочил.

— Klaus? What is happening?

(Клаус? Что происходит?)

Клаус посмотрел на свои руки.

— I don't know.

(Я не знаю.)

На этот раз в голосе не было привычной уверенности. Магдалена что-то резко сказала Яну по-польски:

— Co się z nim dzieje?

(Что с ним происходит?)

— Nie wiem.

(Не знаю.)

Эва отодвинулась от Клауса и замерла возле дерева. Ирина поднялась на локте, забыв на секунду о ноге. Свет усиливался. Кожа Клауса уже почти не отличалась от одежды. Лицо теряло чёткие очертания, а воздух рядом с ним дрожал так, как бывает над раскалённым металлом. Только жара я не чувствовал.

— Klaus! — крикнул Ян. — Can you hear me?

(Клаус! Ты меня слышишь?)

Клаус успел кивнуть. Потом застонал и согнулся. Я поднял руку, закрывая глаза. Не помогло.

Даже сквозь пальцы свет бил красным по векам, быстро выгорая до белого. На несколько секунд поляна осветилась ярче, чем при дневном солнце: чёрные тени от стволов легли на землю, мокрые листья вспыхнули бликами, вода в ручье стала похожа на полоску стекла. Арджун что-то выкрикнул на своём языке. Слов я не понял.

Потом свет погас.

Не ослабел постепенно — просто исчез.

После него обычное утро показалось почти тёмным. Несколько секунд перед глазами плавали пятна. Я моргал, пока снова не различил костёр, деревья и людей. Клаус стоял там же. Он медленно выпрямился. Посмотрел на руки. Сжал пальцы.

Разжал. Вчера на его предплечьях оставались царапины от леса, одна довольно глубокая. Теперь кожа была чистой. Я подошёл ближе.

— Klaus, how do you feel?

(Клаус, как ты себя чувствуешь?)

Он ещё раз осмотрел ладони.

— I don't know.

(Я не знаю.)

Сделал несколько шагов, будто проверяя ноги, затем присел и легко поднялся.

— Any pain?

(Что-нибудь болит?)

Клаус покачал головой.

— No. I feel... good. Very good.

(Нет. Я чувствую себя... хорошо. Очень хорошо.)

Это «очень хорошо» прозвучало не намного спокойнее, чем если бы он сказал, что ему плохо. Изменилась не только кожа. Рубашка, ещё недавно пропитанная потом и испачканная землёй, стала чистой. Исчезли белёсые разводы соли. На брюках не осталось грязных пятен с вчерашней дороги. Ткань оставалась прежней, только теперь была чистой и сухой. Я обошёл Клауса сбоку и посмотрел на шею, руки, открытые участки кожи.

Ни ожогов. Ни рисунка. Ничего похожего на тёмный прямоугольник, который я прятал под рукавом. Со мной после ямы произошло что-то похожее: исчезли раны, вернулись силы, а восстановление, на которое обычно потребовались бы дни, заняло несколько часов. Только моего восстановления никто не видел. Клаус только что вспыхнул на глазах у семерых человек.

Ян подошёл почти вплотную.

— Your cuts are gone.

(Твои порезы исчезли.)

Клаус провёл ладонью по предплечью.

— I can see that.

(Я вижу.)

Магдалена сказала что-то тихо по-польски. На этот раз Ян ей не ответил. Эва продолжала стоять поодаль. Арджун подошёл к Клаусу почти вплотную.

— You are okay? Really?

(Ты в порядке? Правда?)

— Yes. I think so.

(Да. Думаю, что да.)

Клаус положил ладонь ему на плечо, и только тогда Арджун заметно расслабился. Юрий Моисеевич поправил очки.

— Я так извиняюсь, но у меня появляются вопросы к местной системе здравоохранения.

— Только появляются? — спросила Ирина.

— Я человек терпеливый. Сначала Владимир, теперь Клаус. Хотелось бы хотя бы понимать принцип отбора.

— Может, по возрасту пропускают вперёд?

Юрий Моисеевич посмотрел на неё поверх очков.

— Тогда я требую пересмотреть очередь.

Арджун перевёл взгляд с одного на другого.

— What did he say?

(Что он сказал?)

Юрий Моисеевич ответил сам:

— Nothing important. I am jealous.

(Ничего важного. Я завидую.)

Арджун улыбнулся, и напряжение понемногу стало отпускать.

Клаус всё ещё рассматривал себя, явно не понимая, что произошло. Теперь он изучал ладони. Ещё вечером на них были мелкие порезы, царапины и вьевшаяся грязь. Сейчас от этого не осталось и следа. Чистая кожа — будто прошедший день просто исчез.

Продолжая разглядывать ладони, Клаус вдруг спросил:

— Yesterday you said something similar happened to you.

(Вчера ты говорил, что с тобой произошло что-то похожее.)

Я не сразу разобрал всю фразу. Ирина повторила мне по-русски:

— Он про твоё восстановление после ямы.

Я ответил Клаусу как мог:

— Similar. Wounds gone. Tiredness gone. But no light. I was alone.

(Похуже. Раны исчезли. Усталость исчезла. Но света не было. Я был один.)

Клаус посмотрел на меня внимательнее.

— And you still don't know why?

(И ты до сих пор не знаешь почему?)

— No.

(Нет.)

Несколько секунд все продолжали смотреть на него. Клаус неровно вдохнул, прочистил горло и заговорил первым:

— I have no idea what happened to me.

(Я понятия не имею, что со мной произошло.)

Он замолчал. Мне показалось, что Клаус просто прислушивается к каким-то своим ощущениям. Потом будто резко оборвал сам себя и уже совсем другим тоном произнёс:

— We continue with the plan. And we watch each other.

(Продолжаем по плану. И следим друг за другом.)

Ирина отодвинула ткань и потянулась за палкой, лежавшей рядом. Я решил, что она хочет пересесть, но она упёрлась палкой в землю и начала подниматься. Я шагнул к ней, но она сразу выставила ладонь.

— Подожди.

Я остановился. Ирина выпрямилась, удерживая почти весь вес на здоровой ноге. Затем осторожно поставила вторую. Я ждал, что она сразу поморщится. Она только нахмурилась. Перенесла немного веса на больную ногу. Потом ещё.

Вчера голеностоп был распухшим так, что даже лёгкое движение отзывалось болью. Отёк оставался и сейчас, но заметно уменьшился. Ирина отпустила палку одной рукой.

— Ну-ка...

Она сделала шаг — неловкий, но сама. Потом ещё один, и я пошёл рядом.

— Как?

Она прислушалась к ноге.

— Болит.

Сделала третий шаг.

— Но уже не так. Терпимо.

— Сильно прихрамываешь.

— Спасибо, я старалась делать это изящнее.

Она прошла до костра и остановилась. На лице появилась улыбка, которую она явно пыталась спрятать.

— Я могу ходить.

Затем повторила уже для остальных:

— I can walk.

(Я могу ходить.)

Арджун сразу оживился.

— Really?

(Правда?)

— Slowly, but yes.

(Медленно, но да.)

Клаус посмотрел на её ногу.

— Don't push it. Not far today.

(Не перегружай её. Сегодня далеко не ходи.)

— I know.

(Я знаю.)

Сказала спокойно, но мне показалось, что спорить ей хотелось. Юрий Моисеевич перевёл взгляд с неё на Клауса, потом на меня.

— Всё. Я официально начинаю нервничать. Ещё вчера один заживает неизвестно от чего, сегодня второй светится, третья встаёт на ногу. А я как был человеком, так и остался.

— Трагедия, — сказала Ирина.

— Вы ещё молоды. Не понимаете, насколько это обидно.

— Всё равно далеко не ходи.

— Владимир, я услышала с первого раза.

— Знаю, что занудничаю, но всё равно — не форсируй.

Она посмотрела на меня чуть дольше.

— Ходить я всё-таки буду.

Я лишь тяжело вздохнул.

Клаус хлопнул ладонью по бедру, возвращая внимание к делу, и показал в сторону пляжа.

— Food first while the tide allows it. Jan, Magdalena, Eva — beach. Stay close to the camp. Food, bottles, cloth, useful things.

(Сначала еда, пока позволяет прилив. Ян, Магдалена, Эва — на пляж. Держитесь рядом с лагерем. Еда, бутылки, ткань, полезные вещи.)

Эва подняла голову.

— I can stay at the camp. Help with the water.

(Я могу остаться в лагере. Помогать с водой.)

Клаус покачал головой.

— Yuri and Irina are enough here. Three people on the beach is safer.

(Юрия и Ирины здесь достаточно. На пляже втроём безопаснее.)

Эва ответила не сразу.

— Okay.

(Хорошо.)

Почему ей не понравилось такое распределение, я не понял. Ян кивнул.

— We also take the cloth for the net.

(Мы ещё соберём ткань для сети.)

Магдалена сказала ему по-польски:

— I paski. Wszystko, co można związać.

(И ремни. Всё, что можно связать.)

Ян перевёл:

— Belts too. Anything we can tie together.

(И ремни. Всё, что можно связать.)

— Good, — сказал Клаус.

(Хорошо.)

Он повернулся к Ирине:

— You stay here. Rest the leg.

(Ты остаёшься здесь. Дай ноге отдохнуть.)

Ирина открыла рот. Потом посмотрела вниз, сделала пробный шаг и поморщилась.

— Fine. But I'm not lying down all day.

(Хорошо. Но весь день лежать я не буду.)

Клаус собирался ответить, но Юрий Моисеевич опередил его:

— Я прослежу, чтобы пациентка нарушала режим в разумных пределах.

— Вас никто не назначал врачом.

— А мы таки будем ждать, когда это произойдёт?

Клаус русской перепалки не понял. Когда Ирина вернулась к костру, он больше к вопросу не возвращался. Юрий Моисеевич остался с ней — костёр, вода, вещи и всё, что требовалось делать рядом с лагерем. Оставались Клаус, Арджун и я. Клаус показал на лес.

— We check close around the camp. Trees, fruit, water, paths. No deep jungle. We return before the heat.

(Осмотрим ближайшие окрестности лагеря. Деревья, плоды, воду, проходы. Глубоко в джунгли не идём. Вернёмся до жары.)

Я понял почти всё, кроме одного слова, но общий смысл был ясен.

— Near camp, — сказал я. — Not far.

(Возле лагеря. Недалеко.)

— Yes.

(Да.)

Арджун кивнул. Ирина, услышав разговор, добавила:

— И до полудня все обратно.

Я посмотрел на Юрия Моисеевича. Он понял без просьбы и перевёл:

— Everyone back before noon.

(Все возвращаются до полудня.)

Клаус кивнул.

— Before noon.

(До полудня.)

Пока солнце не поднялось выше, оставалось привести в порядок воду, взять всё, что могло пригодиться в лесу, и разойтись по своим направлениям. Я потянулся за металлическим профилем, а рядом Клаус поднял свою палку. На его чистом рукаве по-прежнему не было ни одного пятна. Я ещё раз невольно задержал на нём взгляд, потом отвернулся. Арджун вернулся к костру и первым занялся водой.

В корыте оставалось немного вчерашней, но за ночь туда нападали мелкие листья и несколько насекомых. Он выплеснул остаток, сполоснул металл у ручья, потом набрал свежую воду и установил корыто над огнём. Я подложил ещё несколько веток. Жесть успела потемнеть от копоти, один из углов окончательно повело, но воду она пока держала. Пока ждали кипения, каждый занялся своим. Я сел на камень и снова принялся править металлический про-

филь о шероховатую поверхность. После вчерашних камней и копки край местами загнуло. Настоящего лезвия из него всё равно не сделать, но для травы, лиан и молодых веток хватит. Звук получался мерзкий — сухой скрежет, от которого сводило зубы. Клаус стоял возле ручья. Несколько раз я замечал, как он рассматривает ладони или проводит пальцами по предплечью. Стоило кому-то повернуться в его сторону, он сразу переключался на палку, бутылки или костёр.

Ирина сидела рядом с Юрием Моисеевичем и осторожно двигала стопой: сгибала, разгибала, пробовала чуть сильнее опереться пяткой о землю. Иногда лицо напрягалось, но палку она больше не держала обеими руками. Когда вода закипела, Арджун снял корыто с огня и оставил остывать. Ян, Магдалена и Эва начали собираться к пляжу. Ян выбрал длинный прямой сучок, Магдалена и Эва взяли палки покороче. Кроме еды им предстояло искать ткань, бутылки, ремни и всё, что можно было использовать для будущей сети. Клаус поднял тяжёлую ветку, которую ещё вчера выбрал себе вместо оружия.

Арджун сунул за пояс пластиковый обломок с острым краем и взял бутылку. Я закрепил профиль за спиной и машинально подтянул рукав ниже. Тёмная метка на запястье скрылась под тканью. Когда вода достаточно остыла, её разлили по бутылкам. Большую часть оставили тем, кто уходил дальше от моря, остальное — в лагере и пляжной группе. Разошлись у ручья. Ян с женщинами направился к берегу, Юрий Моисеевич остался возле костра рядом с Ириной.

Перед выходом в лес я зачем-то сказал Ирине:

— Мы постараемся вернуться до обеда. Никуда особо лезть не будем.

Ирина, как мне показалось, ответила с лёгкой ехидцей:

— Ты вчера тоже много куда не собирался.

Я лишь пожал плечами.

— Фигня случается. Сегодня постараюсь не импровизировать. Да и не один я — наш педантичный офицер не сможет смириться с любым своеволием.

— Ну, в данном случае его, как ты говоришь, педантичность вам только в плюс.

— Кто знает. Знаешь, как говорится: что русскому хорошо, то немцу смерть.

Ирина посмотрела на меня.

— Это где такое говорится?

— Классику знать надо, — усмехнулся я.

Юрий Моисеевич поднял бутылку.

— А я вот тут с Володей соглашусь. Все почему-то гиперболизируют наши еврейские «особенности», но с вашим русским авось никакая немецкая логика и еврейская хитрость не сравнится. А всё почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.